

ЖЕНЩИНА В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Российский научный журнал

№ 3 (60) — 2011

Министерство образования и науки Российской Федерации
ФГБОУ ВПО «Ивановский государственный университет»

*Журнал зарегистрирован в Министерстве Российской Федерации
по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации ПИ № 77–16955 от 9 января 2004 г.*

*Журнал включен ВАК РФ в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук (ред. от 19.02.2010 г.)*

Редакционная коллегия:

О. А. Хасбулатова (Ивановский государственный университет; *главный редактор*;
доктор исторических наук, профессор),

С. Г. Айвазова (Институт сравнительной политологии РАН, г. Москва; доктор политических наук),

В. Н. Егоров (Ивановский государственный университет; доктор экономических наук, профессор),

В. Н. Аргунова (Ивановский государственный университет; доктор социологических наук, профессор),

И. С. Клёцина (Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена;
доктор психологических наук, профессор),

З. Х. Саралиева (Нижегородский государственный исследовательский университет;
доктор исторических наук, профессор),

Т. Б. Рябова (Ивановский государственный университет; доктор социологических наук, профессор),

Н. А. Шведова (Институт США и Канады РАН; доктор политических наук),

Н. Б. Гафизова (Ивановский государственный университет; *ответственный секретарь*;
кандидат исторических наук, доцент)

Адрес редакции:

153025 Иваново, ул. Ермака, 39

Издательство «Ивановский государственный университет»

Тел./факс в Иваново: (4932) 41 75 79

E-mail: gafizovanb@mail.ru, inna_kodina@mail.ru, riabova2001@inbox.ru

Наш адрес в Internet: www.womeninrussia.ru, www.gender.ivanovo.ru, www.elibrary.ru,
www.ivanovo.ac.ru, www.ceeol.com

Журнал высылается по предварительной заявке

Подписной индекс в каталоге «Пресса России» 41513

© «Женщина в российском обществе», 2011

© ФГБОУ ВПО «Ивановский
государственный университет», 2011

WOMEN IN RUSSIAN SOCIETY

Russian Scholarly Journal

№ 3 (60) — 2011

Russian Ministry of Education and Sciences
Ivanovo State University

The journal is registered in the Federal Service for the Control over the Observation of Laws
on Mass Communications and for the Preservation of Cultural Heritage
Registration License PI № 77–16955 on January 9, 2004

*The journal is peer-reviewed and recommended
by the Supreme Attestation Commission of the Russian Federation
to publish main results of Doctors and Candidates of Sciences' dissertations (issued on 19/02/2010)*

Editorial Board:

- Prof. **O. A. Khazbulatova**, Dr. Sc. History (*Editor-in-chief*, Ivanovo State University),
S. G. Aivazova, Dr. Sc. Politics (Institute of Sociology of Russian Academy of Sciences, Moscow),
Prof. **V. N. Egorov**, Dr. Sc. Economics (Ivanovo State University),
Prof. **V. N. Argunova**, Dr. Sc. Sociology (Ivanovo State University),
Prof. **I. S. Kletsina**, Dr. Sc. Psychology (Russian State Pedagogic University, St. Petersburg),
Prof. **Z. H. Saralieva**, Dr. Sc. History (Nizhniy Novgorod State Research University),
Prof. **T. B. Ryabova**, Dr. Sc. Sociology (Ivanovo State University),
N. A. Shvedova, Dr. Sc. Politics (Institute of USA and Canada Studies
of Russian Academy of Sciences),
Assoc. Prof. **N. B. Gafizova** (Ivanovo State University)

Editorial Office Address:

153025 Ivanovo, Ermak str. 39
Publishing House «Ivanovo State University»

Tel./Fax: (4932) 41 75 79

E-mail: gafizovanb@mail.ru, inna_kodina@mail.ru, riabova2001@inbox.ru
Internet page: www.womeninrussia.ru, www.gender.ivanovo.ru, www.elibrary.ru,
www.ivanovo.ac.ru, www.ceeol.com

The issues may be sent by the preliminary request
Subscription index in catalogue «Press of RF» 41513

К ЧИТАТЕЛЯМ

В этом номере журнала пойдет речь о гендерной политике в России XXI столетия и ее проявлениях в различных сферах жизнедеятельности общества.

Хотя в последние два десятилетия гендерные исследования получили в нашей стране достаточно широкое развитие, проблематика равноправия полов остается актуальной. Динамичные социально-экономические преобразования требуют гендерного измерения, с тем чтобы выявить эффективные политические и экономические рычаги для обеспечения равенства между женщинами и мужчинами.

Вашему вниманию представлены исследования известных и начинающих ученых по разнообразной тематике. Объем журнала не позволил осветить весь комплекс проблем, связанных с интеграцией гендерного подхода в политику, экономику и социальную сферу. Но, думается, удалось сделать главное — показать актуальность гендерной методологии для совершенствования внутренней политики России.

Мы надеемся, что эти публикации будут полезны для исследователей, занимающихся гендерными вопросами, а также для всех, кто интересуется российской политикой, историей и социологией.

Это обращение было бы неполным без выражения глубокой благодарности всем коллегам, поделившим с нами идею этого специального выпуска и приславшим свои статьи для публикации.

Искренне надеемся на дальнейшее сотрудничество.

Главный редактор журнала
О. Хасбулатова

ГЕНДЕРНАЯ ПОЛИТИКА В РОССИИ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

ББК 60.542.2

О. А. Хасбулатова

РЕАЛИИ РОССИЙСКОЙ ГЕНДЕРНОЙ ПОЛИТИКИ В XXI СТОЛЕТИИ

В 1991—2011 гг. общественно-политический строй в России претерпел коренные изменения. В стране сформировался институт частной собственности. Проведены реформы политической власти и местного самоуправления. Утвердилась и получила законодательное обеспечение многопартийная система. Социальная политика выдвинула в качестве приоритетов повышение уровня жизни населения, модернизацию образования и здравоохранения, поддержку семей с детьми.

Возникает закономерный вопрос: какова степень влияния происходящих социально-экономических и политических трансформаций на социальный статус женщин и мужчин в сферах занятости, политики и управления, в сфере социальной политики? Сумело ли новое Российское государство обеспечить им равные права и равные возможности для самореализации во всех сферах жизни общества?

Попробуем ответить на эти вопросы на основе осмысления современной государственной политики в области достижения гендерного равенства.

Анализ документальных источников показал, что, став суверенным государством, Российская Федерация скорректировала законодательную базу в области достижения гендерного равенства. В Конституцию РФ, принятую в 1993 г., была введена категория равных возможностей как защита от нарушений при реализации принципа равных прав граждан [6, с. 10]. В статьях 7, 37, 38 Основного Закона отражены такие принципы гендерного равенства, как родительское право, отсутствие дискриминации по полу в оплате труда.

Очевидно, что конституционные нормы работают не в автоматическом режиме, они должны подкрепляться конкретными государственными мерами — политикой равных возможностей.

© Хасбулатова О. А., 2011

В первое десятилетие российской государственности в федеральных органах власти были созданы властные структуры, которые уже своим названием говорили о приоритетах гендерной политики. Имеются в виду Департамент по делам семьи, женщин и детей Министерства труда и социального развития, Комиссия по делам женщин, семьи и молодежи Государственной думы, Комиссия по вопросам женщин, семьи и демографии при Президенте Российской Федерации. В 1996 г. при Правительстве России была образована межведомственная Комиссия по вопросам улучшения положения женщин. В 1999 г. в Совете Федерации Федерального собрания РФ была образована Комиссия по делам женщин.

Однако сложившийся в 1990-х гг. национальный механизм по продвижению равноправия полов носил специфический характер.

Все структуры действовали на общественных началах, их решения носили рекомендательный характер. Вертикальные связи с регионами отсутствовали.

Судя по названиям, объектом их воздействия были женщины и дети, что в большей степени соответствовало стратегии «женской», а не эгалитарной гендерной политики. Об этом свидетельствует и тот факт, что основной технологией функционирования нового государственного механизма было принятие решений, направленных на повышение социального статуса женщин и семьи. Это указы Президента Российской Федерации «О первоочередных задачах государственной политики в отношении женщин» (1993), «О повышении роли женщин в системе федеральных органов государственной власти и органов государственной власти субъектов Российской Федерации» (1996), постановление Государственной думы № 1929-П «О концепции законотворческой деятельности по обеспечению равных прав и равных возможностей мужчин и женщин» (1997) и ряд других.

Значимым событием этого этапа стала ратификация Государственной думой Конвенции № 156 МОТ «О равном обращении и равных возможностях для трудящихся мужчин и женщин: трудящиеся с семейными обязанностями». Это означало, что объектом регулирования по увольнению и режиму рабочего времени стали оба родителя, имеющих несовершеннолетних детей. Тем самым начался переход от материнского к родительскому праву, что подтвердили Кодекс законов о труде и Семейный кодекс, закрепившие в качестве объекта правоотношений не только материнство, но и родительство.

Подходы к решению задачи достижения гендерного равенства, обозначенные в этих документах, имели ряд отличий от партийных документов по женской проблематике советского периода. Если в постановлениях ЦК КПСС предлагалось вводить дополнительные льготы для профессионально занятых женщин, то в указах и постановлениях постсоветского периода предлагалось повысить конкурентоспособность женщин на рынке труда, выдвигать их на работу в органы государственной власти. Тем не менее в целом в государственных документах 1990-х гг., кроме Концепции законотворческой деятельности, были обозначены подходы к реализации «женской» политики, объектом воздействия со стороны органов власти выступали только женщины. С одной стороны, это было оправдано новой социокультурной ситуацией, когда впервые за столетие власть открыто признала, что социальный статус женщин ниже, чем у

мужчин. С другой, уже с первых лет российской государственности возникла опасность, что политика выравнивания этих статусов пойдет по «мужскому» стандарту, что уже имело место в советской политической системе и не привело к гендерному равенству.

В первое десятилетие XXI в. система государственных структур, занимающихся проблемами гендерного дисбаланса, развития не получила. Более того, в 2004 г. в ходе административной реформы все обозначенные выше комиссии и подразделения Министерства труда и социального развития были ликвидированы. Сформировавшийся институт уполномоченного по правам человека также не относит сложившийся в обществе гендерный дисбаланс к проблемам, требующим решения. Этой проблематикой частично занимается только Комиссия по делам женщин, семьи и детей Государственной думы пятого созыва (2007—2011) под руководством Е. Мизулиной. В 2011 г. проблему равноправия полов начала обсуждать российская Общественная палата.

Рассмотрим подробнее, какие изменения претерпели статусные характеристики женщин и мужчин в ходе осуществления социально-экономических и политических реформ.

В системе образования параллельно с государственными стали функционировать частные коммерческие учебные заведения всех типов. Возможность получать образование независимо от пола гарантирована Конституцией РФ и статьей 5 Федерального закона «Об образовании» [7, с. 695].

В большинстве образовательных учреждений девочки и мальчики получают образование совместно, по одним и тем же программам, учебникам, кроме предмета «Технология», где, как и в советский период, обучение носит социополовой характер, ориентируясь на традиционные гендерные роли учащихся.

По количеству юношей и девушек, обучающихся в вузах (43 и 57 % соответственно), можно говорить о равном доступе к образованию [4, с. 86].

Вместе с тем анализ групп специальностей показал, что девушки предпочитают специальности «Образование» (76 %), «Социальные науки» (80 %), «Здравоохранение» (72 %), юноши преобладают среди студентов технических специальностей («Энергетика» — 84 %, «Транспортные средства» — 84 %, «Автоматика и управление» — 69 %) [4, с. 86—87]. Данная тенденция носит устойчивый характер, поскольку гуманитарные специальности остаются в категории низкооплачиваемых.

В целом к середине 2000-х гг. высшее профессиональное образование имели 54 % женщин и 46 % мужчин [4, с. 80]. Однако их профессиональный потенциал востребовался не в равной мере. В качестве примера можно привести сферу управления. Так, среди ректоров вузов мужчины составляют 92 %, проректоров — 74 % [4, с. 91], работодателей — 59 % [4, с. 106], руководителей в сфере крупного и среднего бизнеса — 82 % [4, с. 65—67]. По данным исследователей, самая высокая доля руководителей среди женщин (30—35 %) — в сфере малого бизнеса, где сосредоточены незначительные финансовые ресурсы [9, с. 48].

Есть основания сделать вывод, что в первые десятилетия российской государственности, как и в советский период, гендерный состав руководящих кадров зависел от престижа руководящей должности и уровня оплаты труда: чем

выше ступень управленческой иерархии и получаемые доходы, тем меньше процент женщин среди руководителей.

В сфере науки гендерный дисбаланс детерминирован несколько иными причинами. При относительно сбалансированном гендерном составе аспирантов и докторантов среди кандидатов наук женщины составляют 36 %, среди докторов наук их всего 21 % [4, с. 95]. Полагаем, что в основе гендерного дисбаланса находится не образовательная политика, а социокультурные устои российского общества, когда женщина готова жертвовать карьерой ради выполнения семейных обязанностей.

Экономические реформы в постсоветской России коренным образом изменили ситуацию на рынке труда. Наряду с занятостью стала расти безработица, максимальная величина которой фиксировалась в конце 1990-х и в 2008—2009 гг. На протяжении всего рассматриваемого периода женщины наравне с мужчинами продолжали выступать важным субъектом экономической жизни. К 2000 г. женщины составляли 48 % занятых в экономике и социальной сфере [3, с. 89].

Глава 41 Трудового кодекса РФ регламентировала льготы и гарантии женщинам и лицам с семейными обязанностями, установила отпуск по беременности и родам, по уходу за ребенком, ограничения применения труда беременных женщин, дополнительные отпуска лицам, осуществляющим уход за детьми [11, с. 139—143].

Вместе с тем в период становления рыночных отношений наблюдался процесс снижения профессионального статуса женщин: падала их конкурентоспособность, повышался риск потерять работу, ослабевала защищенность в связи с выполнением функции материнства, росло число безработных. В 1995 г. в стране насчитывалось 1247,5 тыс. безработных женщин, что составляло 62,2 % от общей численности безработных [5, с. 3].

Эта тенденция сохранялась до начала XXI в. Так, в 2001 г. доля зарегистрированных безработных женщин составила в общей численности безработных 61,5 % [там же].

В этот период в субъектах РФ уже сформировалась государственная служба занятости, которая осуществляла целевые программы по профессиональному переобучению и созданию рабочих мест для женщин.

С 2002 г. наметилась тенденция снижения численности безработных женщин. В 2006 г. их доля в общей численности безработных составила уже 46 % [4, с. 165], а удельный вес в общей численности работников достиг 55 % [4, с. 118].

В период экономического кризиса 2008—2010 гг. рост безработицы среди трудоспособного населения не имел выраженного гендерного дисбаланса. Принятая Правительством страны масштабная программа по снижению напряженности на рынке труда позволила обеспечить участие мужчин и женщин в общественных работах, в открытии собственного дела и профессиональном переобучении. В 2011 г. в рамках этой программы Министерство здравоохранения и социального развития выделило финансовые средства на профессиональное переобучение женщин, занятых на вредных производствах, с условием перевода их на работу по новой профессии. Выполнение задания идет в

субъектах нелегко, поскольку женщины, работая во вредных условиях, получают надбавки к заработной плате и не хотят уменьшать свои доходы. Следует также отметить, что в отношении мужчин подобных мер поддержки не предлагается. Таким образом, с точки зрения гендерной политики стремление вывести женщин из вредных производств при одновременном разрешении работать в этих производствах мужчинам можно считать проявлением дискриминации в отношении мужчин.

В 2011 г. в федеральную программу по снижению напряженности на рынке труда было включено еще одно направление поддержки профессиональной занятости женщин, а именно бесплатная профессиональная переподготовка для женщин, имеющих ребенка в возрасте до трех лет, которые решили вернуться в профессию по окончании отпуска по уходу за ребенком.

Одним из самых актуальных направлений социальной политики остается реформирование организации заработной платы, которая имеет значительные различия по гендерному признаку внутри отраслей экономики и социальной сферы и между ними. В 1999 г. размер заработной платы женщин, занятых в экономике, составлял 65 % к заработной плате мужчин [2, с. 65]. В 2005 г. это соотношение составило 61 % [4, с. 119]. В последующий период ситуация кардинально не изменилась. Мужчины занимали большинство руководящих должностей во всех отраслях, в результате в строительстве отношение заработной платы женщин к заработной плате мужчин составило 77 %, на транспорте — 70 %, в образовании — 87 %, в культуре и спорте — 65 % [4, с. 118]. В целом социальная сфера (образование, здравоохранение, культура, социальная защита), где наблюдается высокая концентрация труда женщин, остается низкооплачиваемой.

С 2006 г. Правительством РФ осуществляется ряд крупных проектов, направленных на модернизацию ведущих отраслей социальной сферы и повышение заработной платы занятых в них работников. Перед федеральными министерствами и руководителями субъектов РФ поставлена задача довести к 2013 г. размер заработной платы учителей и врачей до уровня зарплаты в экономике. Уже в этом году в 44 субъектах Российской Федерации эта задача будет решена. Заработная плата врачей государственных лечебных учреждений будет расти по мере внедрения федеральных стандартов оказания медицинской помощи населению в 2011—2012 гг. К сожалению, эта реформа в оплате труда пока не коснулась отраслей культуры и социальной защиты.

В конце 1990-х — начале 2000-х гг. российское правительство приступило к реформированию системы здравоохранения на основе введения обязательного медицинского страхования. Была легализована негосударственная медицина, государственные учреждения получили право осуществлять платные услуги. Начиная с 2006 г. государственное здравоохранение стало получать значительную финансовую поддержку в рамках национального проекта «Здоровье», а с 2011 г. — в рамках проекта модернизации здравоохранения.

Анализ показывает, что осуществляемые меры по развитию материально-технической базы, переоснащению больниц современным оборудованием, обеспечению отрасли квалифицированными кадрами направлены на повышение качества медицинской помощи населению, однако не предусматривают

гендерного подхода как технологии достижения этой цели. Поясним свою мысль. Во-первых, отрасль здравоохранения продолжает относиться к разряду низкооплачиваемых, а значит, «феминизированных» отраслей. Среди студентов медицинских вузов женщины составляют 72 %, мужчины — 28 % [4, с. 86].

Во-вторых, сложившийся в обществе 13-летний дисбаланс в продолжительности жизни мужчин и женщин из-за сверхвысокой смертности мужчин в трудоспособном возрасте требует принятия неординарных мер как со стороны государства, так и со стороны общества. Вместе с тем практика показывает, что мероприятия по снижению смертности населения, разрабатываемые органами управления, не учитывают гендерного фактора.

В-третьих, серьезной проблемой является репродуктивное здоровье мужчин. До последнего времени в центре внимания государственной политики находилось только женское репродуктивное здоровье. И лишь год назад в медицинских вузах введена специализация по андрологии. В целом мужчинам оказывается меньше медицинских услуг по лечению бесплодия и охране их репродуктивного здоровья.

Следует отметить, что с 2011 г. Министерством здравоохранения и социального развития введена обязательная диспансеризация 14-летних подростков обоего пола, включающая и наблюдение за репродуктивным здоровьем. Эта мера может быть положена в основу гендерного подхода к охране здоровья мужчин и женщин по этому направлению.

Стратегией российской семейной политики последнего десятилетия было решение демографических проблем. В Семейном кодексе, вступившем в действие с 1 марта 1996 г., сформулированы основные принципы семейно-брачного законодательства, определены условия и порядок вступления в брак и его прекращения, имущественные отношения между членами семьи, порядок и формы устройства в семью детей, оставшихся без попечения родителей. В новом Кодексе более четко обозначен приоритет прав и интересов личности в семье, законодательно закреплен институт приемной семьи, впервые предусмотрены правовые нормы по заключению брачного договора, устанавливающего режим долевой или совместной собственности супругов на имущество [10].

За последующие 15 лет в Семейный кодекс не внесено существенных изменений или дополнений, тогда как реалии супружеской жизни в современной российской семье дают основания для корректировки семейного законодательства. Имеется в виду несоответствие между законодательным закреплением равных прав и реальной возможностью их осуществления в области имущественных прав замужних женщин. Так, закрепленная в статье 89 Семейного кодекса норма об обязанности супругов материально поддерживать друг друга носит декларативный характер [10, с. 62—63]. Фактически, если замужняя женщина решила посвятить себя семье и воспитанию детей, она не получает права на содержание от своего мужа ни в течение брака, ни в случае развода. Это противоречие затрагивает интересы женщин, которые в силу различных причин вынужденно (отсутствие мест в дошкольных учреждениях) или осознанно (муж-кормилец, жена-домохозяйка) не работают и не имеют собственных доходов.

Анализ осуществляемых государством мер по поддержке семьи показывает, что современная российская семейная политика направлена в первую очередь на стимулирование рождаемости. Об этом свидетельствуют: введение родового сертификата с целью повышения качества медицинского обслуживания беременных женщин в родильных домах (2006), значительное увеличение размера единовременной выплаты в связи с рождением ребенка (2011), новое исчисление размера пособия по уходу за ребенком (2011), введение материнского капитала на второго и последующих детей с ежегодной индексацией (250 тыс. руб. — 2007 г.; 365,6 тыс. руб. — 2011 г.), бесплатное выделение в собственность семье с тремя и более детьми земельного участка с коммуникациями для строительства жилья или продажи (2011).

С целью решения демографической проблемы Правительство страны реализует чрезвычайно ресурсоемкую программу по строительству 22 высокотехнологических перинатальных медицинских центров, которые позволят оказывать качественную медицинскую помощь беременным женщинам с патологиями; создать условия для неотложной помощи новорожденным с низкой и экстремально низкой массой тела; снизить младенческую и материнскую смертность за счет реанимаций, оснащенных всем необходимым оборудованием. 18 центров уже действуют в регионах России.

В связи с переходом с 1 января 2012 г. на нормативы Всемирной организации здравоохранения по выхаживанию новорожденных с экстремально низкой массой тела в регионах осуществляется работа по переоснащению родильных домов и подготовке квалифицированных кадров.

Заслуживает внимания последовательная деятельность Президента, Правительства, субъектов Российской Федерации по обеспечению потребности семей в детских дошкольных учреждениях. Вместе с упоминавшимися выше мерами по профессиональной переподготовке женщин с детьми до трех лет, находящихся в отпуске по уходу за ребенком, эта политика оказывает поддержку женщинам, сочетающим профессиональную деятельность с выполнением семейных обязанностей.

Полагаем, что в данном случае властью движет не эгалитарная идеология, а последовательный прагматизм, понимание того, что участие в профессиональной деятельности обоих супругов позволит повысить рождаемость и положительно отразится на доходах семьи.

В обозначенный период семейная политика государства постепенно начала рассматривать в качестве объекта не только матерей, но и отцов. Об этом свидетельствуют учреждение ордена «Родительская слава» вместо советского ордена «Материнская слава»; распространение на отцов льгот, связанных с уходом за ребенком; частичное распространение на отцов права распоряжаться средствами «материнского капитала», создание системы охраны репродуктивного здоровья мужчин.

Среди технологий реализации семейной политики целесообразно отметить создание новых праздников, призванных внедрять в массовое сознание ценности любви, верности, крепкой и многодетной семьи. Это всероссийский праздник «День семьи, любви и верности», оргкомитет по проведению которого возглавляет супруга Президента РФ; всероссийский «День матери»; торже-

ственная церемония вручения ордена «Родительская слава». Стали практиковаться встречи руководителей государства с многодетными семьями. В регионах получили распространение конкурсы «Семья года», праздники многодетных семей.

Российская гендерная политика в сфере управления формировалась в условиях отмены действовавшей в советский период разнарядки на представительство женщин в выборных органах власти. В результате число женщин-депутатов и руководителей резко снизилось. Так, в Государственной думе третьего созыва женщин оказалось 7,7 %, мужчин — 92,3 % [1, с. 86], в Государственной думе последнего, пятого созыва — 14 % [1, с. 87].

Женщины представлены в каждой из четырех фракций Государственной думы. Однако процент их представительства невелик: 14 % — во фракции «Единая Россия», 29 % — во фракции «Справедливая Россия», 7 % — во фракции КПРФ [8, с. 2].

Доля женщин среди руководителей высшей группы на должностях государственной гражданской службы составляет 20 %, мужчин — 80 %. При этом государственные должности и должности федеральной гражданской службы занимают 70 % женщин и 30 % мужчин [там же].

В Совете Федерации женщины составляют 5 % [там же]. Доля женщин в законодательных органах власти субъектов Российской Федерации составляет около 12 %. Женщины возглавляют 4 из 83 законодательных собраний регионов, на должностях заместителей их 13,7 % [8, с. 3].

Аналогичная ситуация и в органах исполнительной власти. Из 26 постов федеральных министров женщины занимают посты министров экономики, здравоохранения и социального развития и сельского хозяйства. Среди 83 губернаторов всего одна женщина. Среди заместителей губернаторов их всего 11 % [там же].

Таким образом, в сфере государственного управления в течение последних 20 лет приоритет полностью сохранился за мужчинами.

Эти процессы проходят на фоне невысокой активности женских организаций. Если в начале 1990-х годов в обществе наблюдался рост женских организаций, автономных от влияния властных структур, приведший к созданию женской фракции в Государственной думе 1993—1995 гг., то по прошествии 20 лет женское движение в России оказалось разобщенным и не способным кардинально повлиять на смягчение гендерного дисбаланса во всех сферах жизни общества. Среди социальных акций, привлекающих внимание общественности к проблемам гендерного неравенства, можно назвать парламентские слушания на тему «Эволюция прав женщин: к 100-летию Первого Всероссийского женского съезда» (2008), разработку Общественной палатой Российской Федерации проекта Федерального закона «О государственных гарантиях равных прав и свобод женщин и мужчин» (2011), проведение в Государственной думе круглого стола на тему «Об увеличении представительства женщин в Федеральном собрании Российской Федерации: законодательство и практика», рекомендации которого были разосланы во все субъекты Российской Федерации (2011). Участники круглого стола сформулировали рекомендации в адрес политических партий, предложив им включить проблемы гендерного равно-

правия в свои программы, а также включить в списки кандидатов по выборам депутатов Государственной думы шестого созыва не менее 30—40 % представителей одного пола [8, с. 5]. Практика показывает, что политические партии пока не готовы к реализации этих рекомендаций.

Таким образом, анализ российской гендерной политики в последние два десятилетия позволяет сделать вывод, что в ее концептуальных основах произошли некоторые изменения. Если в России начала XX в. гендерная политика имела ярко выраженный патриархальный характер, в СССР в ее основе лежали идеи патернализма и контракта «работающая мать», то в начале XXI в. она приобрела ряд новых характеристик.

С одной стороны, гендерная политика сохранила гендерный дисбаланс в пользу мужчин во всех ведущих сферах жизни общества: политике, управлении, экономике. С другой, политика, затрагивающая интересы мужчин и женщин как социально-демографических общностей, взяла на вооружение эгалитарные идеи, начался переход от материнского к родительскому праву, «трудящиеся лица с семейными обязанностями» получили юридический статус.

Вместе с тем анализ показывает, что решения властных структур, имевшие положительные последствия для достижения гендерного равноправия, характеризовались четкой направленностью на повышение рождаемости, снижение смертности, укрепление семейных устоев. Есть основания утверждать, что современная российская гендерная политика опирается на демографическую стратегию. Очевидно, что и государству, и обществу предстоит еще многое сделать, чтобы обеспечить равноправное участие женщин и мужчин во всех сферах жизни общества.

Библиографический список

1. Айвазова С. Г. Российские выборы: гендерное прочтение. М. : Московские учебники и картолитография, 2008. 440 с.
2. Женщины и мужчины России : крат. стат. сб. / Госкомстат России. М., 2000. 110 с.
3. Женщины и мужчины России, 2002 : стат. сб. / Госкомстат России. М., 2002. 205 с.
4. Женщины и мужчины России, 2006 : стат. сб. / Росстат. М., 2007. 255 с.
5. Карелова Г. Н. Основные направления государственной политики по улучшению положения женщин : (гендерная стратегия России). М., 2002. 10 с.
6. Конституция Российской Федерации. М. : Юрид. лит., 1993. 64 с.
7. Об образовании : Закон Российской Федерации от 13 янв. 1996 г. // Собр. законодательства РФ. 1996. № 3. С. 693—735.
8. Об увеличении представительства женщин в Федеральном собрании Российской Федерации: законодательство и практика : рекомендации круглого стола / Правительство Ивановской области. М., 2011. 7 с.
9. Развитие малого и среднего бизнеса в России : стратегии преодоления женской бедности : материалы конф. М. : Бонус-Медиа, 2008. 160 с.
10. Семейный кодекс Российской Федерации. М. : Фонд «Правовая культура», 1996. 112 с.
11. Трудовой кодекс Российской Федерации : (по состоянию на 15 ноября 2008 г.). Новосибирск : Сиб. унив. изд-во, 2008. 208 с.

ББК 60.542.21

С. Г. Айвазова

**КОНТРАКТ «РАБОТАЮЩЕЙ МАТЕРИ»:
НАРУШЕНИЯ ИЛИ РАСТОРЖЕНИЕ?
(К вопросу об особенностях гендерной политики
в современной России)**

Понятие «контракт» применительно к государственной политике, определяющей правила взаимодействия мужчин и женщин, а также характер разделения труда между ними в сферах социального производства и воспроизводства, достаточно широко используется как в зарубежных, так и в российских гендерных исследованиях (см.: [8, с. 66]). Специалисты выделяют несколько вариантов гендерных контрактов (правил и образцов поведения), типичных для современности. В их числе контракты «мать-домохозяйка — отец-кормилец», «работающая мать», «карьерно-ориентированная женщина», «женщина на содержании» [8, с. 200], контракт «гендерного равенства» [11, с. 91]. В наши дни самым распространенным из них справедливо признается контракт «работающей матери». Этот контракт в идеале призван обеспечивать институциональную поддержку со стороны государства гражданам любой страны, совмещающим трудовую деятельность с выполнением семейных обязанностей, особенно тех, что связаны с рождением и воспитанием детей. Контракт «работающей матери» по определению направлен на поддержание баланса семейных и трудовых нагрузок женщин с тем, чтобы стимулировать присутствие работниц на рынке труда и одновременно сохранять их позиции в семье.

Хотя теория «гендерного контракта» развивалась преимущественно в скандинавских странах, само появление особой государственной политики в отношении «работающей матери» связано в первую очередь с историческим контекстом советской России [2]. Именно здесь еще в 20—30-е гг. прошлого века по целому ряду идеологических, политических, экономических причин стала складываться практика проведения особой государственной политики в отношении женщин, массово вышедших на рынок труда под воздействием требований мобилизационной экономики [10, с. 79—107].

В возникавшей тогда новой советской реальности женщинам как гражданам своей страны отводились две равнозначно статусные роли — «труженицы» и «матери». На протяжении всех лет существования социалистического общества эти роли оставались для нее обязательными. Исполняя роль «труженицы», женщины, чьи рабочие руки вплоть до сего дня ценятся гораздо дешев-

ле мужских, помогали социалистическому государству снизить издержки по модернизации экономики страны, по ее переводу из фазы аграрной в индустриальную за счет мобилизации дешевой рабочей силы.

Начиная с 20-х гг. удельный вес женщин в составе наемной рабочей силы все время повышался. Правда, в рамках этой устойчивой тенденции имели место и определенные колебания, обусловленные изменениями в запросах экономики: в период нэпа, в послевоенные годы, в начале и середине 60-х гг., когда разворачивались реформы А. Н. Косыгина, занятость женщин снижалась. И наоборот, в 30-е гг. — момент форсированной индустриализации страны, годы Великой Отечественной войны, 70—80-е гг. происходил рост доли женщин в общей численности рабочих и служащих. Чтобы скрыть утилитаристскую подоплеку такой мобилизационной политики, государство использовало широко распространившиеся в революционное время лозунги женского равноправия. Официальные пропагандистские издания, учебные пособия, научные исследования, СМИ в один голос утверждали: «Главным, определяющим моментом фактического равноправия женщины в обществе является ее участие в общественном труде. Труд — это основа эмансипации женщины, ее экономической независимости. Труд способствует развитию личности женщины, повышает ее роль в жизни общества и семье, дает ей моральное удовлетворение» [4, с. 44—45]. Под массивным пропагандистским давлением представление о том, что женщина может и не трудиться в общественном производстве, напрочь исчезло из общественного сознания.

Достаточно стремительному утверждению контракта «работающей матери» способствовала еще одна, не менее, а, может быть, и более значимая, предпосылка уже не экономического, а политического характера. Остановимся на ней чуть подробнее. В условиях оформления новой советской государственности за счет лозунгов «женской эмансипации» происходила некая коррекция форм патриархатного господства: складывавшееся государство, в интенции тяготевшее к тоталитаризму, стремилось как бы перетянуть на себя функции «отцовской власти». Цель операции заключалась в том, чтобы подорвать власть конкретного мужчины — мужа, отца, лишив его самих основ мужской идентичности [3, с. 66—74]. Такой «подрыв» облегчал задачу подавления личности — любой, будь то мужчина или женщина, и, со своей стороны, способствовал утверждению системы тотального господства. В качестве доказательства сошлемся только на один факт. Известно, что И. Сталин больше прочих своих величаний любил обращение «Отец народов». Он старательно обыгрывал эту роль, выстраивая под нее свой имидж, и стал даже исполнять традиционно отцовские функции: по обеспечению женщин и детей продовольствием, жильем, по воспитанию детей. Официальная пропаганда приписывала ему инициативу проведения государственной политики по поддержке женщин — «тружениц» и «матерей» — с помощью особых, назначенных им за общественно полезный труд льгот и привилегий. Он общался с ними через правительственные комиссии «по охране материнства и детства». Женщины имели право обратиться к Нему через его представителей на местах — парткомы, профсоюзы, администрацию — и пожаловаться на мужей с тем, чтобы Он призвал их к порядку. Показательно, что целью деятельности реализовывавших эту государ-

ственную политику правительственных комиссий и государственных программ, как правило, объявлялось не проведение «семейной политики», а «улучшение положения женщин», «охрана материнства и детства». При этом из официальных бумаг по семейной политике практически исчезли понятия «отец» и «отцовство».

Вследствие утверждения этой гендерной политики семья в советском обществе приобрела асимметричный характер: в ней рельефно выделилась фигура матери, функции которой многократно усложнились. Матери предписывалось отвечать за рождение и воспитание детей, за быт семьи, нести на себе весь домашний труд и, помимо этого, материально поддерживать семью своей зарплатой. Ведь в большинстве советских семей зарплаты мужа было недостаточно, чтобы обеспечить даже минимальный прожиточный уровень. Низкие мужские зарплаты основной массы «тружеников» были, с одной стороны, следствием массового использования дешевого женского труда, а с другой — результатом политики «организованной бедности», на которой и строился фундамент советского государства [7, с. 107].

Проводником государственной гендерной политики в советское время стал «трудовой коллектив». Объявив, что традиционная семья есть институт, где закладываются неравные отношения между полами, и что труд на благо общества гарантирует свободу и равенство каждого гражданина, независимо от его пола, молодое социалистическое государство противопоставило его традиционной семье. Именно с его помощью государство обещало обеспечить женщинам и детям «социальную защиту» — вместо той, что давали прежде семья и ее глава, отец, муж. «Товарищеская солидарность» трудового коллектива, заменяя традиционные семейные отношения, должна была позволить женщине легче совмещать противоречивые роли и обязанности «работницы» и «матери».

В 1936 г., когда принципы контракта «работающей матери» стали очевидными, знаменитая сталинская Конституция торжественно провозгласила: «В СССР решена задача огромной исторической важности: впервые в истории на деле обеспечено подлинное равноправие женщин». В Конституции контракт «работающей матери» описывался таким образом: «Женщине в СССР предоставляются равные права с мужчиной во всех областях хозяйственной, государственной и общественно-политической жизни. Возможность осуществления этих прав обеспечивается предоставлением женщине равного с мужчиной права на труд, оплату труда, отдых, социальное страхование и образование, государственной охраной интересов матери и ребенка, государственной помощью многодетным и одиноким матерям, предоставлением женщине при беременности отпусков с сохранением содержания, широкой сетью родильных домов, детских яслей и садов» [6, с. 13—14].

Подчеркну, что распространению контракта «работающей матери», поверх этих идеологических, политических, экономических предпосылок, способствовало самое главное обстоятельство: над средней советской семьей во все годы ее существования витала тень бедности, помноженная на постоянный дефицит абсолютно всех товаров. Чтобы советская семья могла суще-

ствовать, приходилось работать и мужу, и жене даже при наличии очень маленьких детей.

Спецификой профессиональной занятости женщин в СССР оставался крайне тяжелый, малоквалифицированный и плохо оплачиваемый труд. Это — парадокс советской экономики. Ведь уровень образования и профессиональной подготовки женщин был выше, чем у мужчин. Парадокс объясняется очень просто: дом и быт были высоким барьером, не позволявшим основной массе женщин реализовать себя в профессиональной сфере. Вместе с тем, оценивая значимость контракта «работающей матери» в советское время, важно отметить и тот факт, что женский труд, а наряду с ним и поощрявшееся женское образование, стали не только предпосылками повышения статуса женщины в обществе, но и источником несмотря ни на что продолжавшегося процесса женской эмансипации.

Распад советской государственности, становление российского государства, рыночные реформы не могли не повлечь за собой изменений в государственной гендерной политике. Важно отметить, что поначалу эти реформы сопровождались своего рода идеологической оттепелью, а точнее, идейной диверсификацией. На рубеже 80—90-х гг. получили распространение идеологемы «прав женщин» и гендерного равноправия. Их выразительницами стали в основном активистки возникавшего независимого женского движения. Одновременно с этим другие акторы (в частности, церковь) стали не менее настойчиво апеллировать к традиционным гендерным ценностям. Сохранялись и советские подходы к решению «женского» вопроса — у государственных чиновников или активистов ряда политических партий. Противостояние разнонаправленных гендерных логик поставило российские власти перед необходимостью выбора одной из них. Выбор был сделан в пользу институциональной логики гендерного равноправия как обязательного условия успешного функционирования современной демократии [2, с. 5—7]. Такой выбор был продиктован прежде всего потребностью войти в круг наиболее развитых, демократически ориентированных стран мира, чтобы стать их признанным партнером. Благодаря этому в текст новой Конституции РФ включается норма, предусматривающая не просто равенство прав и свобод женщин и мужчин, но и равенство возможностей для их обеспечения (ст. 19, ч. 3). В пользу данной нормы российский парламент высказался еще и тогда, когда ратифицировал два основополагающих международных акта — Конвенцию МОТ (№ 156) «О равном обращении и равных возможностях для трудящихся мужчин и женщин: трудящиеся с семейными обязанностями» и Факультативный протокол к Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин. Кроме того, на предотвращение дискриминации по признаку пола оказались нацеленными правовые нормы, включенные в главные своды государственных законов России: Трудовой, Гражданский, Уголовный, Семейный кодексы. В каждом из этих документов государство — основной субъект российской политики — символически обозначает приверженность принципу гендерного равноправия, как бы демонстрируя мировому сообществу свои цивилизационные устремления.

Таким образом, формальные институты современной России предусматривают, что любой российский гражданин, любая гражданка вправе рассчиты-

вать на поддержку правосудия в случае, если столкнется с дискриминацией по признаку пола. А лицо, которое спровоцировало эту ситуацию, может понести достаточно серьезное уголовное наказание. Серьезные санкции за дискриминацию, а также «за возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства» граждан по признаку пола прописаны в целом ряде статей Уголовного кодекса РФ, в частности в ст. 136, 145, 282. Эти санкции предусматривают для нарушителей закона как солидные штрафы, так и исправительные работы, даже лишение свободы на срок от двух до пяти лет (для лиц, использовавших свое служебное положение).

Законодательное закрепление норм гендерного равноправия позволяло предполагать, что Российское государство не просто сохраняет, но и укрепляет основы контракта «работающей матери». Хотя при этом разраставшаяся разнородность гендерного дискурса в обществе не исключала и возможности его диверсификации. В частности, в отсутствие жестких и однозначных идеологических предписаний потенциально этот контракт был способен трансформироваться, с одной стороны, в контракт «женщина-профессионал» (или «карьерно-ориентированная женщина»), а с другой — в контракт «домохозяйка» [8, с. 189—191].

Однако со временем стало понятно, что контракт «работающей матери» не только и не столько преобразуется, сколько проходит своего рода испытание новым временем. Дело прежде всего в том, что государство, похоже, перестает считать его приоритетным и полезным для себя. Знаковым моментом в этом плане была административная реформа 2003—2004 гг., в ходе которой российская властная вертикаль избавилась от тех своих атрибутов (департаментов, комиссий), которые были призваны практически реализовывать законодательные нормы гендерного равноправия [1, с. 78]. Тем самым проводившие реформу государственные чиновники дали понять обществу, что государство больше не нуждается в контракте «работающей матери» со всеми вытекающими из него обязательствами по социальной защите «материнства и детства». Причины такого серьезного поворота в гендерной политике подробно не разъяснились. Но две из них: экономическая и идеологическая — были совершенно очевидными. Во-первых, сырьевой экономике оказались ненужными женские рабочие руки, в ней хватает рук мужских. В свою очередь, мигранты-мужчины стали выталкивать женщин с низкооплачиваемых рабочих мест: их труд еще дешевле. Но главное — этот труд не требует никаких социальных гарантий: ни больничных листов, ни детских садов, ни отпусков по беременности и родам. Во-вторых, ускоренными темпами набрал идейную силу неотрадиционализм — сразу во многих вариантах. Все эти варианты, так или иначе, призваны не просто оправдать новый экономический и политический порядок, который часть исследователей определяет либо как патримониальный, клановый капитализм, либо как кликократию¹, но даже придать ему сакральный характер. Неотрадиционализм во всех своих формах естественно ориентирован на утверждение

¹ Понятие введено С. В. Патрушевым в коллективной монографии «Граждане и политические практики в современной России: воспроизводство и трансформация институционального порядка» (готовится к выпуску в издательстве «РОССПЭН»).

гегемонной маскулинности — с ценностями рыночной эффективности, высокой нормы прибыли, индивидуализма.

Маскулинность молодого патримониального государства репрезентируется по-разному: то как *déjà vu* — по образцу огосударственного «отцовства», сегодня озабоченного предоставлением женщинам «материнского капитала»; то как образец «семейной любви Петра и Февронии», являющей собой прототип особой связи, якобы способной конституировать нацию-государство. В любом случае такая маскулинность не нуждается в контракте с работницей, которую нужно защищать с помощью государственной системы протекционистских мер.

Резко обострившиеся проблемы сокращения рождаемости, снижения брачности, депопуляции, со своей стороны, провоцируют перемены в официальном гендерном дискурсе, ориентированном отныне на эссенциализм и биологический детерминизм. Сложность в том, что официально государство не снимает с себя функций по защите материнства и детства, которые лежат в основе контракта «работающей матери». Более того, практически все Послания Президента (и В. В. Путина, и Д. А. Медведева) в нулевые годы тем или иным образом затрагивают эти сюжеты. Однако исполнительная власть не предпринимает никаких эффективных действий для реального сохранения этого контракта.

Отчетливее всего эта амбивалентная ситуация дает о себе знать в феномене «декретофобии», который вызрел в период экономического кризиса 2008—2009 гг. и, несмотря на спад кризиса, стал типичной чертой гендерной политики на российском рынке труда. Коротко говоря, экономический кризис обострил ситуацию с соблюдением прав женщин в сфере труда и занятости. По данным разных источников, доля женщин среди безработных составляла в тот момент около 60 %. Средняя продолжительность зарегистрированной безработицы среди женщин была выше, чем в целом по безработным. В число безработных в первую очередь попали беременные женщины, одинокие матери и женщины, воспитывающие детей до трех лет. Стало понятно, что предприниматели всеми правдами и неправдами выталкивают их с предприятий. Журналисты окрестили этот процесс декретофобией.

Что стояло за этим процессом? Хотя многие предприниматели признаются в том, что женщины являются зачастую лучшими работниками, чем мужчины, труд беременных им невыгоден. Законодательство, регулирующее отношения «работодатель — работница»², до сих пор построено по принципам советского времени, когда государство было одновременно работодателем, страхователем и гарантом правовой защиты. Сегодня эти отношения в корне изменились. Но предприниматель по-прежнему обязан и страховать своих работниц, и выплачивать пособия, получаемые женщинами в связи с беременностью и родами. И лишь позднее, с определенными вычетами, выплаченные средства ему возмещает Фонд социального страхования. В условиях инфляции такая ситуа-

² Федеральные законы «Об основах обязательного социального страхования» и «Об обязательном социальном страховании на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством».

ция предпринимателю крайне невыгодна. Кроме того, он обязан сохранять за уходящей в декрет женщиной рабочее место, на которое ему нужно подыскивать временного работника. При этом заведомо понятно, что отдача от такого работника будет гораздо меньшей, чем от постоянного сотрудника. Отсюда и «декретофобия».

О неблагоприятном положении беременных женщин и женщин с детьми на рынке труда свидетельствует в последние годы значительный рост числа обращений самих работающих женщин в органы государственной власти и общественные организации по вопросам, связанным с нарушением их трудовых прав со стороны работодателей. В своих обращениях чаще всего они жалуются на принуждение к увольнению по собственному желанию в связи с беременностью, на увольнение в таких же случаях по инициативе работодателя, на невыплату либо несвоевременную выплату пособия по беременности и родам, на отказ работодателя в выдаче страхового медицинского полиса и др. При этом эксперты отмечают крайне высокую латентность данного явления: число женщин, обращающихся за поддержкой в те или иные органы власти, общественные организации, несопоставимо мало по сравнению с общим числом пострадавших от нарушения своих трудовых прав.

Женские правозащитные организации, региональные уполномоченные по правам человека, представители Государственной трудовой инспекции в регионах, чтобы эффективно противодействовать этому явлению, в последние два-три года пытаются реально оценить его масштабы и угрозы. По данным одной из самых активных в этом плане правозащитных организаций «Петербургская эгида», только в 2009 г. за помощью в нее обратилось более 200 петербурженок. «Петербургская эгида» стала инициатором обращения в суды по таким делам, целью которых является восстановление на рабочем месте незаконно уволенных женщин и взыскание причитающихся им пособий по беременности и родам. Некоторые из возбужденных дел организация выиграла в пользу пострадавших. Однако оказалось, что исполнить судебные решения о взыскании детских пособий практически невозможно, т. к. работодатели скрываются от органов правосудия.

Учитывая эти обстоятельства, в канун 8 марта 2010 г. «Петербургская эгида» обратилась к своим активисткам и тем женщинам, которых она защищала, а также другим петербурженкам с призывом встретить День международной солидарности женщин специальной акцией под лозунгом «Не надо цветов! Подарите закон!». Этой акцией протестующие намеревались обратить внимание на незаконные увольнения беременных, на махинации работодателей с выплатой пособий по беременности и родам, потребовать соблюдения установленных законом прав работающих женщин. Петербургские власти запретили проводить женскую демонстрацию, но согласились на митинг с ограниченным числом участников (не более десяти). Митинг состоялся, в нем приняли участие более 50 женщин, поочередно сменявших друг друга. Фотокорреспонденты зафиксировали плакаты и растяжки митингующих: «Я забеременела, меня уволили!», «Мой ребенок не получает пособие с 2008 г.!»; «Нет — произволу работодателей!» и др.

Эта акция, широко освещавшаяся в печати и Интернете, вызвала цепную реакцию. В декабре 2010 г., в марте и июне 2011 г. уже в 20 крупнейших городах России состоялись митинги, одиночные пикеты женщин. Только к лозунгам защиты прав беременных женщин от недобросовестных работодателей теперь добавились еще и требования остановить принятие в Государственной думе закона № 343 «О внесении изменений в Федеральный закон “Об обязательном социальном страховании на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством”». Его принятие грозило вдвое сократить размер пособий по беременности и родам. Иными словами, государственная власть также испытала приступ декретофобии. И неожиданно натолкнулась на сопротивление работающих матерей, которые решительно отказались от прекращения своего контракта с государством, выражением чего и стали их гражданские акции протеста. Они пришлись на 2011 г. — год парламентских выборов, которые окажут свое воздействие и на президентские выборы 2012 г. Этот политический фактор, скорее всего, сыграл определяющую роль в решении исполнительной власти временно, до 2013 г., заморозить внесение поправок в закон № 343. Ведь женщины — самые активные избиратели в современной России. Среди тех, кто приходит в день выборов на избирательные участки в последнее десятилетие, они составляют более 60 % [2, с. 128—129]. Рисковать результатами выборов, пойдя на нарушение контракта «работающей женщины», власти сочли нецелесообразным.

Прямые методы гражданского сопротивления (или действия) оказались в этом случае более эффективными, чем попытки задействовать для решения проблемы «декретофобии» такой механизм гражданского участия, как, скажем, регулярные встречи Президента РФ с членами Совета по развитию гражданского общества и правам человека³. Трижды — в марте 2010 г., в феврале и июле 2011 г. — Совет обращался к Президенту с письмами, в которых объяснялся феномен «декретофобии», возникший в результате отказа частных предпринимателей выполнять те функции по воспроизводству социальных благ, которые в советское время исправно отправляли государственные предприятия. Совет предлагал в первую очередь пересмотреть действующий порядок выплаты пособий по беременности и родам с тем, чтобы они осуществлялись не из бюджета предприятия, а напрямую из Фонда социального страхования. Президент РФ, соглашаясь с доводами Совета, трижды поручал Министерству здравоохранения и социального развития рассмотреть этот вопрос. Исполнение поручения означало бы, что государство готово взять на себя те социальные обязательства, которые уже не может нести частный предприниматель, впрочем продолжающий финансово поддерживать (как страхователь) свою беременную работницу. Министерство здравоохранения и социального развития пока не дает сколько-нибудь внятного ответа на эти поручения Президента РФ. Похоже, что они идут вразрез с курсом Российского государства на сведение к минимуму своих обязательств по социальной поддержке населения, включая выполнение контракта «работающей матери».

³ Свидетельство автора статьи, являющегося членом данного Совета.

Но в этом контракте заинтересованы работающие женщины, составляющие около 75 % экономически активного населения. При этом «каждая четвертая из них имеет университетский диплом по сравнению с каждым пятым мужчиной» [9]. Для них контракт «работающей матери» — это шанс хоть как-то совмещать свои профессиональные и семейные обязанности. А кроме того, еще и шанс со временем выйти на заключение контракта «гендерного равенства». Последний позволяет «рассматривать женщин не как жен и матерей, а как индивидов и субъектов, занимающих равное с мужчинами положение в обществе» [5, с. 7]. Он создает более совершенные условия для реализации профессиональных амбиций работающих женщин и гармонизации внутрисемейных отношений, для рождения не одного, а нескольких детей. Это подтверждает опыт скандинавских стран, где такой контракт утверждается в последние годы и сопровождается ростом показателя числа детей, рожденных в семье.

Если Российское государство все-таки пойдет на разрыв контракта «работающей матери» и женщины окажутся перед дилеммой либо работать, либо рожать (и не одного ребенка, что необходимо для выхода из нынешнего демографического тупика), то, по мнению наиболее авторитетных и знающих экспертов, в случае выбора между сохранением престижного рабочего места и рождением ребенка наши соотечественницы сделают выбор в пользу первого. Профессиональный труд за последние сто лет стал для россиянок и очень значимой ценностью, и средством экономической независимости — своей и своих детей. Треть из них рождает ребенка вне брака; значительная часть женщин в случае развода (им заканчиваются сегодня пять из семи браков) также вынуждена рассчитывать только на себя: алименты исправно выплачивают не более четверти разведенных отцов и т. д. Нужно учитывать и тот факт, что в репродуктивный возраст сейчас вступает крайне малочисленное поколение 90-х гг., у которого мотивация материнства по многим причинам очень ослаблена. А потому разрыв контракта «работающей матери» грозит Российскому государству серьезными проблемами — демографическими и, судя по гражданской активности беременных и матерей с малолетними детьми, политическими.

Библиографический список

1. *Айвазова С.* Гендерный порядок в России: возможности и пределы модернизации // Новые направления политической науки : гендерная политология. Институциональная политология. Политическая экономия. Социальная политика / отв. ред. С. Г. Айвазова, С. В. Патрушев и др. М. : РАПН : РОССПЭН, 2007. 344 с.
2. *Айвазова С.* Российские выборы: гендерное прочтение. М. : Моск. учебники и картолитография, 2008. 440 с.
3. *Айвазова С.* Русские женщины в лабиринте равноправия. М. : РИК Русанова, 1998. 408 с.
4. Женщины мира в борьбе за социальный прогресс. М. : Мысль, 1972. 245 с.
5. Заключительные замечания Комитета ООН по ликвидации дискриминации в отношении женщин по шестому и седьмому периодическим докладам РФ, 15 июля 2010 г. URL: <http://www.womnet.ru/prava/2010/1-2/4.htm> (дата обращения: 01.09.2011).

6. Законодательство о правах женщин в СССР : сб. нормативных актов. М. : Юрид. лит., 1975. 224 с.
7. Курганов А. И. Женщины и коммунизм. Нью-Йорк, 1968. 167 с.
8. Российский гендерный порядок: социологический подход / под ред. Е. Здравомысловой, А. Тёмкиной. СПб. : Изд-во Европ. ун-та в СПб., 2007. 306 с.
9. Россия в 2015 году: цели и приоритеты развития : докл. о развитии человеческого потенциала в РФ. Программа развития ООН, 2005. URL: <http://www.undp.ru/index.phtml?iso=ru&cmb=publications1&id=49> (дата обращения: 01.09.2011).
10. Хасбулатова О. А. Гендерные аспекты государственной политики. Комплексный подход к проблеме равенства полов и его реализация в политике // Гендерные аспекты политической социологии / отв. ред. С. Г. Айвазова, О. А. Хасбулатова. М. : РОССПЭН, 2004. 260 с.
11. Чернова Ж. Семейная политика в Европе и России: гендерный анализ. СПб. : Норма, 2008. 328 с.

ББК 60.542.21

Н. А. Шведова

ГЕНДЕРНОЕ РАВЕНСТВО В РОССИИ В XXI в. В КОНТЕКСТЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ: ПРОГРЕСС ИЛИ УПУЩЕННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ?

Решение Генеральной Ассамблеи ООН (2 июля 2010 г.) о создании специального подразделения по гендерному равенству и развитию в интересах женщин под названием «ООН-женщины» (UN Women) убедительно свидетельствует о том, что международное сообщество достигло согласия относительно гендерного равенства как важного принципа современности [6]. Генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун назвал это решение историческим: оно должно привести к ускорению прогресса на пути к обеспечению равенства полов. Мишель Бачелет, бывший президент Чили, возглавила его, одновременно замещая пост заместителя Генерального секретаря ООН. Повышение эффективности деятельности и усиление влияния самой гендерной структуры в рамках ООН с помощью нового укрупненного органа, статус главы которого также повышен, — цель предпринятой реорганизации. Вряд ли можно усомниться в том, что эта мера стала бесспорным свидетельством роста внимания мирового сообщества к проблеме гендерного равенства в мире. Крупнейшая международная региональная организация — Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе — утверждение равноправия между женщинами и мужчинами

также рассматривает в качестве неотъемлемого элемента своей политики и практики и считает своей исторической миссией.

Известно, что принятие Конвенции ООН о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин, признанной «биллем о правах женщин» (1979), ознаменовало значительный успех международного женского движения в достижении цели гендерного равенства. Она всесторонне определяет права женщин, являясь основным международным инструментом для решения проблем гендерной дискриминации. Ратифицируя эту Конвенцию, государства-участники берут на себя обязательства не только установить *формальное правовое равенство* между женщинами и мужчинами, но также принимать меры для обеспечения *реального осуществления женщинами своих прав* наравне с мужчинами. На данный момент ее поддержали 186 стран из 192 государств-членов ООН.

Комитет ООН по ликвидации дискриминации в отношении женщин (Комитет CEDAW) в соответствии с Конвенцией осуществляет мониторинг соблюдения Конвенции государствами-участниками, которые каждые четыре года обязаны представлять доклады, содержащие информацию о выполнении ее и заключительных рекомендаций Комитета, сформулированных по результатам предыдущего доклада. Если какие-то рекомендации не были реализованы, необходимо представлять информацию о причинах, не позволивших их осуществить.

Какова судьба Конвенции в России? Как удается России выполнять свои обязательства и информировать об этом мировое сообщество в соответствии с одобренной Конвенцией? Почему восьмилетняя история «хождения по мукам» законопроекта о гендерном равенстве в РФ в лабиринтах российского парламента продолжается и ей не видно конца? Почему в официальном документе России «Информация по темам и вопросам Комитета по ликвидации дискриминации в отношении женщин в связи с представлением периодического (шестого и седьмого) доклада о выполнении в Российской Федерации Конвенции Организации Объединенных Наций о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин» часто отсутствуют прямые ответы на поставленные вопросы [4, с. 9]?

Россия должна была представлять шестой периодический доклад еще 3 сентября 2002 г., а седьмой — 3 сентября 2006 г. [5]. Однако событие состоялось в первом случае на восемь, а во втором — на четыре года позже, т. е. 15 июля 2010, когда М. А. Топилин, глава делегации РФ, заместитель Министра здравоохранения и социального развития, представил объединенные шестой и седьмой периодические доклады на 46-й сессии Комитета. Сам факт красноречив. Либо с реализацией Конвенции дело обстоит чрезвычайно благополучно, и поэтому неважно, когда докладывать об этом мировому сообществу. Либо хвастаться нечем, лучше отложить доклад в надежде на какие-то изменения, а в настоящее время не следует подвергать авторитет страны заслуженному порицанию в связи с применением Конвенции. Ведь мировое сообщество давно уделяет серьезное внимание проблемам гендерного равенства и судит о нем по фактическому состоянию дел.

Обычно официальный правительственный периодический доклад сопровождается так называемыми альтернативными (теневыми) докладами, подготовленными неправительственными организациями (НПО). Комитет приветствует их и с глубоким вниманием относится к ним. В ходе сессии Комитет заслушивает короткие официальные презентации НПО, которые могут организовывать неофициальные встречи с членами Комитета. НПО предоставляют ему различные документы, подтверждающие их позицию, они рекомендуют вопросы для официальной делегации, формулировки для заключительных замечаний, комментарии по итогам ответов официальной делегации и др. В итоге Комитет издает заключительные рекомендации, на основании которых государство-участник будет отчитываться через следующие четыре года.

В случае с РФ, кроме официального доклада, было представлено семь альтернативных, посвященных отдельным направлениям, три из которых касались «специфических» групп женщин — сельских, «уязвимых групп» (включая женщин, употребляющих наркотики, и секс-работниц, представительниц сексуальных меньшинств: лесбиянок, бисексуальных женщин и трансгендерных людей). Они позволяют более подробно раскрыть проблемы и обратить внимание на те или иные специфические вопросы [1]. Тексты докладов представляются заранее. Следует также упомянуть еще один документ — Доклад Организации Объединенных Наций в Российской Федерации об исполнении Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (2009), который отличается взвешенным объективным и критическим характером.

В соответствии с процедурой Комитета CEDAW предсессионная рабочая группа практически за год до намеченной даты сессии Комитета, в августе 2009 г., ознакомилась с текстом объединенного (шестого и седьмого) периодического доклада РФ и представила «Перечень тем и вопросов в связи с рассмотрением периодических докладов», который состоял из 31 пункта. Следует подчеркнуть важность данного этапа мониторинга реализации Конвенции, поскольку именно в этот момент осуществляется объективная профессионально глубокая оценка реального положения вещей в стране, которая, в свою очередь, получает шанс до отчетной даты не только исправить упущения и предпринять определенные шаги, но и осмыслить будущие действия. Представляются чрезвычайно интересными ответы государства-участника на поставленные существенные и уточняющие вопросы, поскольку они позволяют увидеть реальную картину применения Конвенции в стране, показывают отношение правящих кругов и государственных органов к данной проблеме и позволяют определить вектор будущего развития. Очень показательна в этой связи официальная реакция РФ на представленный «Перечень», в котором содержалось серьезное намерение понять суть происходящего. Не удивляет тот факт, что рассмотрение предсессионной рабочей группой объединенного периодического доклада РФ вызвало множество вопросов, поскольку сам доклад страдает чрезвычайной расплывчатостью. Можно сказать, это попытка за общими рассуждениями и сентенциями скрыть суть вещей. «Перечень» охватил широкий спектр вопросов и тем: от общих положений, правового статуса Конвенции и Факультативного протокола — до социально-экономического статуса женщин различных групп и их участия в политической и общественной жизни.

Россия представила в Комитет ООН документ к объединенному докладу под названием «Информация по темам и вопросам Комитета по ликвидации дискриминации в отношении женщин в связи с представлением периодического (шестого и седьмого) доклада о выполнении в Российской Федерации Конвенции Организации Объединенных Наций о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин» [4]. Министерство здравоохранения и социального развития трудилось над ним совместно с другими ведомствами, среди них 9 министерств и 4 федеральные службы. Сведения поступили из Верховного суда; Генеральной прокуратуры; Комитета Государственной думы Федерального собрания РФ по вопросам семьи, женщин и детей; аппарата уполномоченного по правам человека в РФ. 18 субъектов исполнительной, законодательной и судебной ветвей власти — многообразие участников, которое, казалось бы, предвещало исчерпывающую и достоверную информацию. Однако внимательный анализ документа разочаровывает читателя. Был ли доклад утвержден Российским Правительством и представлен российскому парламенту — вопрос без ответа? Разве не важно знать о характере участия Российского Правительства и Федерального собрания в нем, что само по себе свидетельствует об отношении правящей элиты к данному вопросу?

Многие вопросы остались без ответов. В частности, нет прямого ответа о характере и степени привлечения НПО, в особенности женских, в процесс подготовки официального доклада. Отмечено, что НПО проводили большую работу по реализации Конвенции, принимали активное участие в распространении знаний о ее положениях, перечислен ряд мероприятий (конференции, круглые столы). Однако упомянутые мероприятия имели иную направленность, состоялись, главным образом, по инициативе женских НПО и не в рамках подготовки или обсуждения доклада. Тот факт, что на официальном сайте Минздравсоцразвития, ведомства, которое считается ответственным за подготовку периодического доклада для Комитета ООН, не были своевременно размещены все материалы, связанные с отчетом России о реализации Конвенции, не только красноречиво свидетельствует о том, какое место данная проблема занимает в системе приоритетов государства, но и наглядно демонстрирует отсутствие элементарных условий, при которых общественность, и прежде всего женские НПО, могли бы ознакомиться с докладом и принять участие в его подготовке. На самом деле, отсутствие совместных действий, отчуждение женских НПО от подготовки доклада вынуждает его авторов обходиться без четких ответов, которые маскируют, скрывают реальное положение вещей.

В своих предыдущих заключительных замечаниях Комитет настоятельно призывал государство-участник включить в Конституцию конкретное право на недискриминацию по признаку пола и определение дискриминации в соответствии со ст. 1 Конвенции. И в этот раз содержалась просьба сообщить, намерено ли государство-участник принять законопроект «О государственных гарантиях равных прав и свобод мужчин и женщин в Российской Федерации и равных возможностей для их реализации» или незамедлительно включить определение дискриминации в Конституцию или в другие законодательные акты.

В документе «Информация по темам и вопросам» была изложена хронология судьбы законопроекта (№ 284965-3) в Государственной думе, который был внесен на рассмотрение еще 16 января 2003 г. Полученные замечания Президента РФ (В. В. Путина) [4] затрагивали его концептуальные положения, которые, по сути, отвергали данное предложение. Аргументация президентского «Заключения» не только представляется непоследовательной, но и демонстрирует неприятие буквы и духа Конвенции, принципы которой, как известно, лежат в основе предлагаемого законопроекта и которая обязательна для применения в России. В «Заключении» уточняется, что «в статье 10 законопроекта предлагается при комплектовании организаций (структурных подразделений) кадрами и продвижении работников по службе при прочих равных условиях использовать принцип оказания предпочтения лицу того пола, в отношении которого в данной организации существует гендерный дисбаланс». Отметим здесь ключевые слова «при прочих равных условиях» и «гендерный дисбаланс». Иными словами, при наличии прочих равных условий (например, профессиональных и квалификационных характеристик) и гендерного дисбаланса, который необходимо преодолеть, как раз и нужна именно такая процедура, когда используется принцип оказания предпочтения лицу того пола, который недопредставлен в данной организации.

Однако вывод в «Заключении» Президента обескураживает: «Таким образом, в приеме на работу или в повышении по службе может быть отказано именно по признаку пола, что противоречит не только смыслу и целям законопроекта, но и Конституции Российской Федерации. Указанное замечание касается и ст. 13 законопроекта, согласно которой при подведении итогов конкурса на замещение вакантных должностей государственной службы приоритет отдается лицу того пола, представители которого составляют меньшинство на государственных должностях, на замещение которых проводился конкурс» [4, с. 5].

Необходимо напомнить, что в ст. 4 Конвенции четко сформулировано: «Принятие временных специальных мер, которые направлены на ускорение установления фактического равенства между мужчинами и женщинами, таких как меры, связанные с политикой *гарантирования участия*, не считается дискриминационным» [2]. В соответствии с принципом Конвенции, нейтральный подход не имеет права на существование. Необходимы активные действия государства для борьбы и защиты прав женщин.

Таким образом, восьмилетняя история «хождения по мукам» законопроекта в коридорах российского парламента продолжается и, с учетом широко распространенных (антигендерных) настроений в пользу поддержки традиционного подхода к равенству полов в современной Государственной думе, ее счастливое завершение вряд ли представляется возможным.

Вопросы по поводу правового статуса Конвенции и Факультативного протокола, поставленные рабочей группой Комитета, звучат предельно конкретно. В ответ перечислены, казалось бы, значительные существующие средства правовой защиты и возмещения, гарантирующие женщинам возможность пользоваться своими правами. Однако вопрос о действенности этих

норм не может не вызывать искреннее сожаление, поскольку, как отмечено в представленной информации, за указанный период жалоб от заявителей (т. е. женщин) об их дискриминации по признаку половой принадлежности к уполномоченному по правам человека в Российской Федерации не поступало.

Следовательно, либо действительно женщины в России не подвергаются дискриминации, либо все средства правовой защиты не работают. Возникает вопрос: почему? О мерах, которые принимаются, чтобы информировать женщин и предлагать им использовать средства правовой защиты от дискриминации, хранится полное молчание.

Вопросы об участии россиянок в политической и общественной жизни касались препятствий и дискриминационных стереотипов на пути их политической карьеры, а также принимаемых временных специальных мер в соответствии со ст. 4 (1) Конвенции и общей рекомендацией № 25.

В официальном российском документе признается «актуальной» проблема «продвижения женщин на руководящие посты» и сказано, что в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 25.08.2008 г. № 1252 формируется общероссийский резерв эффективных управленческих кадров — единая общедоступная база данных о лучших специалистах на трех уровнях управления: муниципальном, региональном и федеральном. 100 человек составили так называемую «президентскую квоту», в которую вошло лишь 11 женщин, т. е. 11 % — достаточно скромный показатель. Во время встречи с первой сотней кадрового резерва Президент РФ обратил особое внимание руководителей Администрации Президента и Правительства Российской Федерации на необходимость существенного увеличения доли женщин в управлении. Позже в кадровый резерв вошли еще 500 человек, среди которых 79 женщин (13,8 %) [4, с. 38]. Озабоченность Президента получила отклик: на неполные 3 % (!) увеличилась доля женщин резерва «второго» ряда. По замыслу, это должно внушать надежду на дальнейшее расширение участия женщин на уровне принятия решений.

Между тем две комиссии — Комиссия по вопросам положения женщин в Российской Федерации под руководством заместителя Председателя Правительства РФ и Комиссия по вопросам женщин, семьи и демографии при Президенте РФ — были ликвидированы (2004). Созданная в 2002 г. при Председателе Совета Федерации Общественная комиссия по обеспечению равных прав и равных возможностей мужчин и женщин в России, продолжая номинально существовать, на практике уже давно свернула свою деятельность. Сегодня лишь Комитет Государственной думы по вопросам семьи, женщин и детей и Минздравсоцразвития осуществляют некую скромную деятельность по некоторым аспектам гендерных проблем на государственном уровне.

В документе справедливо отмечено, что гендерные стереотипы проявляют себя в повседневной жизни России в распространенных представлениях о предназначении женщины, однако в нем, по сути, отсутствует информация о мерах государства-участника по преодолению стереотипных гендерных представлений.

Тема «насилие в отношении женщин» в документе освещена вполне оптимистично: в течение последних лет количество зарегистрированных сообщений о бытовом насилии в отношении женщин невелико. Правда, подчеркнуто, что имеющиеся показатели так называемой семейной преступности несколько занижены. На самом деле оценка *«несколько занижены»* слишком скромна. Как справедливо показано в альтернативном докладе [3], подготовленном Национальной независимой комиссией по правам женщин и насилию в отношении женщин, *«насилие в той или иной форме наблюдается почти в каждой четвертой семье; две трети умышленных убийств обусловлены семейно-бытовыми мотивами; ежегодно около 14 тысяч женщин погибает от рук мужей или других близких; до 40 процентов всех тяжких насильственных преступлений совершается в семьях»* [3, с. 5]. Одна из причин кроется в отсутствии специального законодательства, посвященного борьбе с насилием в отношении женщин. Неслучайно опросы фиксируют 73,3 % респондентов (Gallup World Poll, 2008), которые считают, что государство не предпринимает необходимых мер для борьбы с насилием в семье [3, с. 5].

Кроме того, в России практически отсутствуют специализированные учреждения — социальные гостиницы и убежища, в которых пострадавшие женщины могли бы быть в безопасности. Цифры говорят сами за себя: 23 подобных учреждения (общее количество мест — около 200, оно рассчитано и на женщин, и на детей!) на страну с населением свыше 140 млн человек не назовешь даже каплей в море. Причем они финансируются, как правило, из местного бюджета, который в редких случаях бывает недефицитным. Надо прибавить: в России отсутствует четкая система сбора статистики по насильственным преступлениям, а в общих статистических данных Министерства внутренних дел по совершенным преступлениям нет разбивки пострадавших по полу. Обращает на себя внимание неэффективность существующего российского законодательства, в частности в сфере насилия в семье. В нормативно-правовой базе, как подчеркивают многие специалисты, не учитываются специфика преступных деяний в отношении женщин и угроза, которую представляет насилие, их здоровью, безопасности и жизни. Отсутствуют защитные меры для пострадавших в виде охранный ордера, которые особенно необходимы в ситуации насилия в семье.

В целом вызывает скептическое отношение заявление в официальном докладе России о том, что осуществление целостной государственной политики по улучшению положения женщин является одним из приоритетных направлений социально-экономической политики государства, поскольку оно носит декларативный характер, не подтвержденный ни материальными, ни людскими ресурсами: ликвидированы даже элементы организационно-структурного измерения национального механизма гендерного равенства. Не принята до сих пор *Стратегия гендерного равенства в России*. Анализ показывает, что в *России грубо нарушаются статьи Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин, что обусловило общий, поверхностный и неконкретный характер ответов на поставленный пере-*

чень вопросов и тем, представленный предсессионной рабочей группой Комитета после изучения объединенных шестого и седьмого периодических докладов России. Вся совокупность гендерной политики России с точки зрения трех основных обязательств (*недопущение прямой или косвенной дискриминации, улучшение фактического положения женщин, развенчивание гендерных стереотипов*), возлагаемых Конвенцией на государство-участника, убеждает в том, что государству необходимо активизировать свою деятельность в этой сфере.

Разве Россия не должна заботиться о собственном образе и авторитете на международной арене? Ведь страна являет свое истинное лицо, не выполняя своих международных обязательств по обеспечению прав женщин, что способствует созданию негативного имиджа России в глазах мирового сообщества, не говоря уже об обязательствах перед собственным народом и его доверии к своему государству и властям.

Значение заключительных замечаний Комитета ООН по ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин по результатам представленного периодического доклада страны состоит в том, что они послужат базой для последующего официального доклада России по Конвенции. Кроме того, позиция такой международной организации, как ООН, не может не повлиять на общественное мнение, как внутри страны, так и на мировой арене. Несомненно и то, что отчет о выполнении Россией Конвенции представляется полезным для государственных организаций, юристов, специалистов в гендерной области и широкой общественности, заинтересованных в улучшении положения с равенством женщин и мужчин в России.

Библиографический список

1. Дискриминация и статус сельских женщин в Российской Федерации : теневой докл. 2010. URL: http://www2.ohchr.org/english/bodies/cedaw/docs/ngos/NGC_RussianFederation46.pdf (дата обращения: 01.09.2011).
2. Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (1979). URL: <http://gender.hrworld.ru/law/convention.html> (дата обращения: 01.09.2011).
3. Насилие в отношении женщин в России : теневой докл. 2010. URL: http://opr.f.ru/files/Shadow_report_violence.doc (дата обращения: 01.09.2011).
4. CEDAW/C/USR/Q/7/Add.1. URL: <http://www.ohchr.ru/4/ch4/%D0%B8%D0%BD%D1%84.pdf> (дата обращения: 01.09.2011).
5. Committee on the Elimination of Discrimination against Women (CEDAW) 44th session (20 July — 7 August 2009) and Pre-session for the 46th session (10—14 August 2009). United Nations Headquarters, New York. URL: http://www2.ohchr.org/english/bodies/cedaw/docs/NGO_note_44th.pdf (дата обращения: 01.09.2011).
6. Creation of UN Women. URL: http://www.un.org/womenwatch/osagi/sta_creationUNWomen.html (дата обращения: 01.09.2011).

ББК 60.542.21

И. И. Юкина

ДВУЛИКИЙ ЯНУС ГЕНДЕРНОЙ ПОЛИТИКИ В РОССИИ

«Гендерная политика» или «политика гендерного равенства» — сегодня принятые термины в официальных документах Российской Федерации. Своим появлением они обязаны феминизму второй волны, который поднял вопрос о дискриминации женщин и инициировал осмысление отношений власти между большими социальными группами — мужчинами и женщинами — в контексте прав человека. Именно феминизм конца 1960-х — 1970-х гг. своей научной и активистской деятельностью подтолкнул социальную и юридическую мысль к пониманию того, что, несмотря на формальное равноправие, женщины являются маргинализованной социальной группой и что для реализации своих прав женщинам необходимы дополнительные законы и механизмы их соблюдения.

В 1979 г. был разработан «женский билль» о правах — Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (CEDAW). В Конвенции впервые было дано определение понятия дискриминации в отношении женщин — любое различие, исключение или ограничение по признаку пола, которое ослабляет или сводит на нет признание или осуществление женщинами, независимо от их семейного положения, на основе равноправия мужчин и женщин, прав человека и основных свобод в политической, экономической, социальной, культурной, гражданской или любой другой области [11]. Государства-участники обязались раз в четыре года представлять в ООН доклады о законодательных, судебных, административных или других мерах, принятых ими для выполнения положений настоящей Конвенции, и о прогрессе, достигнутом в этой сфере.

Советский Союз ратифицировал Конвенцию в числе первых государств, практически без обсуждения и каких-либо оговорок. Однако полный текст этого документа на русском языке не публиковался и не был представлен на общественное обсуждение, что, впрочем, было обычной практикой для советского времени. Содержание Конвенции, таким образом, мало кому было известно, да и необходимости в этом не видели. Советская пропаганда утверждала, что «женский вопрос» в Советском Союзе давно решен, что все проблемы, связанные с «положением женщин», — это проблемы буржуазного общества, что в социалистическом обществе в принципе не существует дискриминации, в том числе дискриминации по признаку пола. Поэтому Конвенция была принята быстро и легко, она мыслилась как демонстрация преимуществ социализма: все требования Конвенции уже претворены в жизнь. Для отчета о выполнении рамочных требований Конвенции были произведены незначительные косметиче-

ские изменения. В частности, введены квоты представительства женщин в выборных органах власти всех уровней.

Осмысления принципиальных положений Конвенции не было, как и работы по ее реализации. Собственно, анализировать положения Конвенции было некому, т. к. советская социальная и юридическая мысль развивалась исключительно в рамках марксистской теории. Исследования на тему социальных проблем женщин в СССР практически не проводились, а если и проводились, то выводы были известны заранее. Но некоторые проблемы исследователи фиксировали, например «двойную нагрузку» на женщин, которая оценивалась как неантагонистическое противоречие социализма.

Ни женского движения, ни феминизма второй волны в Советском Союзе не было, поэтому ставить проблемы женщин тоже было некому. Комитет советских женщин не может рассматриваться как представитель женского сообщества. Это была имитационная структура, в которую входили женщины из элитных групп советского общества и куда рядовым советским женщинам с их проблемами доступа не было [16, 21]. Лишь на рубеже 1980—1990-х гг. текст Конвенции был опубликован сразу несколькими независимыми женскими организациями, его стали обсуждать и распространять.

КПСС как руководящая сила общества в вопросе улучшения положения женщин политическую волю не проявляла, т. к., являясь, по сути, мужским клубом, рассматривала проблемы женщин, как и других маргинализированных социальных групп, в рамках «социальных проблем населения», которые решаются методами распределительной социальной политики.

В СССР к тому времени была выработана и проводилась своя особая государственная политика в отношении женщин, которая, по мнению советского руководства, позволила ему решить «женский вопрос». Сегодня ее определяют как патерналистскую. Исследователи рассматривают государственную политику в отношении женщин как часть общей социальной политики, которая затрагивает интересы женщин как крупной социально-демографической группы, формирует их правовой и социальный статус, регламентирует взаимоотношения с обществом [20, с. 80—81]. Теоретической основой такой политики выступает марксистская трактовка «женского вопроса».

В отечественной науке уже немало написано о гендерной политике. Нам ближе исторический подход, который вычленяет «государственную политику в отношении женщин» и «гендерную политику» [19]. Согласно этому подходу выделяют следующие типы государственной политики в отношении женщин:

— патриархатный, или традиционный, неназываемый, в рамках которого государство действует согласно традиционным установкам патриархатного гендерного порядка. Единственным его актором являлось государство. Исторически в Европе и в России такая политика была нормой до середины XIX в., т. е. до возникновения женского движения, которое подвергло ее критике и инициировало переосмысление;

— исторически более поздний патерналистский, проводимый как политика «помощи женщине» через протекционизм или патернализм. Советский Союз развивал именно этот тип политики. После распада СССР стало ясно, что его результатом явилось закрепление традиционных гендерных ролей, норм,

стереотипов, что неравенство между мужчинами и женщинами, а также дискриминация по признаку пола были не преодолены, а, возможно, даже усилены советской социальной практикой [7]. Патерналистский тип государственной политики в отношении женщин характеризуется признанием юридического равноправия полов, принятием законодательства, устанавливающего равные права мужчин и женщин во всех сферах общественной жизни и семье; широким участием женщин в общественном производстве; развитием сферы услуг с целью создания условий для совмещения *женщиной* профессиональных и семейных обязанностей; созданием государственной системы социальной защиты в виде льгот, пособий, отпусков в связи с рождением ребенка [19, с. 86];

— либеральный, базирующийся на основании нескольких гендерных укладов. В значительной степени его формируют законы рынка, число акторов политики возрастает. Теперь это не только государство, но частный сектор, организации гражданского общества. Этот тип чаще называют гендерной политикой.

Развитие феминистской мысли в зарубежной социальной науке привело к пониманию необходимости переноса фокуса внимания с самих женщин как социальной группы на анализ культуры, экономического и социально-политического контекста проблемы, который рассматривался через концепцию гендера. Гендерный анализ сделал приоритетной идею о необходимости переоценки и фундаментальной перестройки (реструктуризации) общества, институтов, его составляющих, и отношений всех уровней между мужчинами и женщинами. Принятие этой позиции стало главным достижением Четвертой Всемирной конференции ООН по положению женщин в Пекине (1995). После Пекина термин «государственная политика в отношении женщин» ушел в прошлое, стал использоваться термин «политика гендерного равенства» («гендерная политика»). Здесь основное внимание сосредоточивается не на «положении женщин» в обществе, а на отношениях власти, процессе принятия решений и перестройке общественных институтов. Этот подход составляет суть основных документов Конференции: Пекинской декларации и Платформы действий. Кроме того, Пекинская конференция поддержала стратегию комплексного подхода к проблеме равенства полов (*gender mainstreaming*), выработанную на III Всемирной конференции ООН по положению женщин в Найроби.

Главную ответственность за осуществление Платформы действий несут правительства государств-членов ООН. Однако, как подчеркивается в документах Конференции, успех в значительной степени зависит от участия широкого спектра организаций государственного, частного и неправительственного секторов на международном, национальном и региональном уровнях, от наличия у них плана, полномочий и ресурсов. В связи с этим национальные механизмы по улучшению положения женщин рекомендовалось сделать центральными координирующими органами по включению гендерного измерения во все сферы жизнедеятельности общества.

Пекинская конференция презентовала нового актора гендерной политики — национальные женские движения, которые собрались на Форум неправительственных организаций, проходивший одновременно с Конференцией. Участницы Форума повлияли на содержание основных документов Конференции. Следует сказать, что независимое женское движение России

сумело организовать, найти финансирование и подготовиться соответственно к Форуму НПО. Впервые в конференции ООН приняла участие представительная делегация женских общественных организаций из России — 450 человек, тогда как на предыдущей женской конференции ООН в Найроби в 1985 г. их было 17 человек [2].

Сегодня мировое сообщество определяет гендерную политику как «государственную и общественную деятельность, направленную на установление равенства мужчин и женщин во всех сферах жизнедеятельности» [5], и тем самым легитимирует структуры гражданского общества как акторов гендерной политики. Неправительственным организациям отводится особая роль в развитии идеи гендерного равенства через мобилизацию движения, установление межсекторных связей с государственными структурами и бизнесом, через функцию контроля и влияние на политику, формулирование социального заказа науке и др.

В чем же разница между «государственной политикой в отношении женщин» и «гендерной политикой»? Она принципиальная и состоит в следующем:

— в теории объектом воздействия любой политики являются социальные группы и (или) отношения внутри социальных групп и между ними по поводу реализации их интересов. Объектом государственной политики в отношении женщин являются женщины как большая социальная группа. Объектом гендерной политики выступают социальные группы мужчин и женщин как субъекты гендерных отношений;

— предмет государственной политики в отношении женщин составляет поддержка производственной и воспроизводственной функций женщин. Предметом гендерной политики выступают отношения власти, возникающие на основе существующего в обществе гендерного порядка, т. к. сам термин «гендер» понимается как отношения власти между мужчинами и женщинами, организованные при помощи социокультурного предписания и легитимации гендерных ролей;

— цель государственной политики в отношении женщин — поддержание женщин в их общественной (прежде всего в производственной) деятельности и в реализации ими репродуктивной функции как социально значимой. Цель политики гендерного равенства намного масштабнее — формирование современного общества, в котором гендерная перспектива принята за точку отсчета и в котором мужчины и женщины имеют одинаковые (равные) права, возможности (доступ к власти и ресурсам) и обязанности во всех сферах жизнедеятельности общества и в семье;

— обязательным атрибутом институционально оформленной политики является наличие официальной государственной идеологии (целей, принципов, приоритетов), а также механизмов ее реализации (законодательных, институциональных, финансовых, информационных, пропагандистских, научных, кадровых и др.) [18, с. 6]. Идеология политики в отношении женщин в СССР была, безусловно, эгалитарной. Она представляла собой набор декларируемых утверждений о равноправии полов и рассматривала все социальные проблемы, связанные с полом, применительно только к женщинам. На деле она маскировала фактическую дискриминацию женщин во всех сферах

жизни [4]. В основе идеологии политики гендерного равенства лежат представления о равенстве и социальной справедливости в контексте прав человека, идеал эгалитарного общества;

— механизмом реализации и той и другой политики выступают законодательная база и меры социальной политики, но для реализации гендерной политики сегодня считается необходимым наличие такой институции, как национальный механизм по обеспечению гендерного равенства и использование стратегии «гендерного мейнстриминга»;

— единственным актором государственной политики в отношении женщин, принимающим директивные решения и осуществляющим само воздействие, является государство, а политики гендерного равенства — государство, международное сообщество, частный сектор, институты гражданского общества в целом, женское движение и гендерное академическое сообщество в частности.

Какая политика проводится сегодня в Российской Федерации — гендерная или государственная политика в отношении женщин? Сказать однозначно сложно. После Пекина Российская Федерация предприняла ряд шагов, продемонстрировавших приверженность духу и букве Пекинской декларации и Платформе действий. На Международном форуме «После Пекина: от слов к действию» был отмечен значительный прогресс, достигнутый Россией в области развития национального механизма, высоко оценена политическая воля Российского государства в вопросах повышения статуса женщин, выразившаяся в принятии ряда указов Президента и постановлений Правительства. Хотя было отмечено, что Правительство еще не обеспечило ресурсами ни Концепцию улучшения положения женщин Российской Федерации (1996), ни Национальный план действий (1996—2000).

В первые годы после Пекина национальный механизм по гендерному равенству Российской Федерации включал в себя структуры исполнительной и законодательной власти. При Министерстве труда и социального развития РФ действовал круглый стол женских неправительственных организаций, который выполнял функцию переговорной площадки между правительством и женским движением. На наш взгляд, это необходимое условие для развития гендерной политики. Комиссия по вопросам улучшения положения женщин (1996) выполняла координирующую функцию федеральных органов исполнительной власти и органов исполнительной власти субъектов РФ по разработке и реализации гендерной стратегии [1]. Важным элементом национального механизма было проведение всероссийских конференций. Другими словами, национальный механизм по гендерному равенству соответствовал в целом духу и букве документов ООН. По мнению экспертов, он был в состоянии проводить общегосударственную гендерную политику [6].

Но затем произошел отход. В 2000 г. была ликвидирована Комиссия по вопросам женщин, семьи и демографии при Президенте РФ. Второй Национальный план по улучшению положения женщин не был реализован, следующий уже не принимался. «Гендерная стратегия РФ» не была принята, как и закон «О государственных гарантиях равных прав и свобод и равных возможностей мужчин и женщин в Российской Федерации».

В 2004 г. в ходе административной реформы национальный механизм по обеспечению равных прав и равных возможностей мужчин и женщин на федеральном уровне был ликвидирован как дублирующий функции других структур исполнительной власти [15]. Интересно, что такое уже происходило в нашей стране. В 1929 г. при реформе аппарата ВКП(б) были упразднены женотделы, целью которых также было противодействие дискриминации женщин и установление равноправия [14].

Сегодня практически все реальные достижения по реализации современной гендерной политики образца ООН на федеральном уровне упразднены. Причина этого — изменение политического курса, который декларировал в качестве цели завершение реформ, стабильность, безопасность, борьбу с терроризмом и коррупцией [3]. Результатом стало ограничение деятельности организаций гражданского общества [12]. Для женского движения как актора гендерной политики с особым статусом каналы политического влияния также перекрыты. Женское движение было вытеснено на поле социальной политики решать острые социальные проблемы женщин, детей и мужчин.

Правительство продолжает эту линию и поддерживает именно «социально ориентированные некоммерческие организации», которые, конечно, являются не только женскими, но преимущественно ими [13]. Списки этих НКО составляются и утверждаются с помощью Управления юстиции.

Общий тренд, который задают федеральные власти в решении гендерных проблем общества, — старая колея «государственной политики в отношении женщин». Этот вывод подтверждает «Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 г.» (2007) [17] и законопроект «О внесении изменений в Федеральный закон “Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации”» (2011), ужесточающий правила осуществления абортов. Данный законопроект — грубое вторжение в частную жизнь граждан с единственной целью повышения рождаемости любой ценой, которое нарушает репродуктивные права женщин и полностью противоречит взятым Российской Федерацией международным обязательствам.

Государство гарантирует материальную поддержку семьям в виде пособий и выплат («материнский капитал»), обязуется помогать совмещать родительские и семейные обязанности с профессиональной деятельностью только женщине-матери. Проблемы отцовства и совмещения мужчиной-отцом профессиональных и родительских, семейных обязанностей не поставлены, хотя Российская Федерация ратифицировала Конвенцию МОТ № 157 [10], в которой говорится о «трудящихся с семейными обязанностями». Таким образом, воссоздается советская модель семьи, в которой вся ответственность за рождение, воспитание и образование детей ложится на мать. Проект «антиабортного» закона продолжает эту линию: вопрос о рождении ребенка перестает быть личным вопросом, он становится предметом общественного обсуждения и осуждения женщин, но не мужчин, которые также принимают участие в процессе зачатия. Цели демографической политики, понимаемые упрощенно, и выбор метода давления на женщин предлагают забыть о политике гендерного равенства. Между тем исследователи доказывают, что гендерная и демографическая политика могут усиливать друг друга при условии, когда решение демографи-

ческих проблем способствует продвижению в обществе гендерного равенства, и ослабляют друг друга, если решение демографических проблем приводит к усилению гендерного неравенства [8, 9]. Что, собственно, и происходит сегодня.

Механизмом такой политики выступает распределительная социальная политика. Стоит вспомнить, что государство через свою социальную политику всегда решает две важные задачи: выражает интересы социальных групп, обладающих властью и собственностью, и обеспечивает общественный мир через достижение баланса интересов основных социальных групп [18, с. 6].

Политическое руководство страны сегодня подходит к вопросу гендерного равенства формально, как и в советские времена, не проявляет политической воли к его достижению, прежде всего потому, что это не входит в интересы элиты, а воспроизводство населения — входит. Поэтому российская гендерная политика находится в состоянии раздвоенности и все более принимает зримые черты государственной политики в отношении женщин советского образца. Деятельность одних структур государственной власти строится на реанимации традиционных социальных ролей мужчин и женщин, на идеализации традиционных властных отношений в семье и обществе. С другой стороны — в обществе существуют акторы, продвигающие гендерную политику, и существует запрос на нее со стороны представителей среднего класса, молодежи.

Интересы женщин как социальной группы в первую очередь выражает и отстаивает женское движение. Женское движение развивается преимущественно в больших городах, в регионах ситуация не столь однозначна. Например, в Санкт-Петербурге ситуация предстает как одна из самых успешных.

Первое и главное — в Санкт-Петербурге сохранены элементы национального механизма. Этому способствовали особенности города — экономические, политические, культурные. С политической точки зрения важно то, что Петербург имеет тесные деловые и культурные связи со странами Северной Европы, для которых политика гендерного равенства — одна из приоритетных. Поэтому тема гендерного равноправия давно и прочно вошла в политический дискурс города, ее обсуждение привычно для исполнительной и законодательной власти. Другими словами, включение политиков и чиновников в международное корпоративное сообщество способствует поддержанию гендерной политики.

В настоящее время в Законодательном собрании Санкт-Петербурга подготовлен проект закона «Об обеспечении государственных гарантий гендерного равноправия», который принят к обсуждению в октябре 2011 г. на заседании Координационного совета по реализации политики гендерного равноправия при Правительстве Санкт-Петербурга.

На уровне исполнительной власти в структуре Комитета по социальной политике Санкт-Петербурга существует Отдел по вопросам демографии и гендерной политики, который является координирующим центром гендерной политики. Постоянно действуют два координационных совета: Координационный совет по реализации политики гендерного равноправия (при Правительстве города) и Координационный совет по предотвращению насилия в семье и связанных с ней социальных институтах (при Комитете по социальной политике). В 14 районах города (из 18) созданы Координационные советы по реализации политики гендерного равенства. По инициативе городского Координационного

совета по реализации политики гендерного равноправия разработаны и одобрены (но еще не приняты) «Концепция развития гендерного равенства в Санкт-Петербурге на период до 2015 года» и план мероприятий. Существует, как минимум, две переговорные площадки между Правительством города, его структурами, работающими с гендерными проблемами, и женскими организациями. Это постоянно действующая рабочая группа при Отделе по вопросам демографии и гендерной политики и круглый стол женских организаций «Диалог».

Женское движение как центральный актор политики гендерного равенства в Санкт-Петербурге существует с середины 1980-х. Авторитет, длительный опыт работы, взаимодействие с органами власти — вот те условия, которые позволяют им работать и сегодня. Кроме «старых» организаций, в Петербурге действуют новые женские и мужские организации, решающие гендерные проблемы. Прежде всего стоит назвать общество содействия социальной защите граждан «Петербургская эгида», «Молодые мамы — за справедливый закон», «Мужчины XXI века», «Папа-школы». В городе действует довольно сильное и влиятельное академическое гендерное сообщество, которое проводит исследования, вносит гендерную тему в научный и общественно-политический дискурс, влияя тем самым на политику города и идеологию женских организаций. Частично академическое сообщество взяло на себя функции женского движения в выборе тактики, в презентации проблем женщин власти. Научная, образовательная, издательская и активистская деятельность одного из первых гендерных центров в России — Петербургского центра гендерных проблем — способствовала еще в начале 1990-х формированию гендерного сообщества, включившего в себя членов женских организаций, исследователей, журналистов, профсоюзных и других общественных деятелей и активистов. Сегодня эту функцию взяли на себя гендерная секция Санкт-Петербургской ассоциации социологов, ассоциация сотрудничества со странами Северной Европы «Норден», которая реализует проект «Женская сеть по недискриминации, равенству, правам и солидарности» и многие другие проекты. В городе проходит регулярное обсуждение гендерной проблематики на городских и международных конференциях, в ряде вузов ведется соответствующая подготовка студентов, действуют курсы повышения квалификации для государственных гражданских служащих.

Таким образом, на примере Петербурга мы видим, что в субъектах Российской Федерации гендерная политика по-прежнему остается в повестке дня, и это позволяет надеяться, что ситуация не так безнадежна.

Библиографический список

1. *Баллаева Е. А.* Проблемы формирования национального механизма по гендерному равенству в Российской Федерации // Гендерное равенство в современном мире: роль национальных механизмов / отв. ред. и сост. О. А. Воронина. М.: МЦГИ, 2008. С. 378—390.
2. *Бойченко Л. Д.* ООН и права женщин: история и современность // Права женщин в России: законодательство и практика. 1998. № 2. С. 8—16.
3. *Бочков С. О., Журавель В. П.* В. В. Путин и проблемы борьбы с терроризмом // Право и безопасность. 2003. № 1/2. URL: http://dpr.ru/pravo/pravo_5_14.htm (дата обращения: 09.09.2011).

4. *Воронина О. А.* Гендерная экспертиза законодательства РФ о средствах массовой информации. URL: [http://www.a-z.ru/women/texts/\\$gend-1.htm](http://www.a-z.ru/women/texts/$gend-1.htm) (дата обращения: 10.09.2011).
5. Глоссарий гендерных терминов. ЮНИФЕМ, 2001 г. URL: <http://vocabulary.ru/dictionary/488> (дата обращения: 09.09.2011).
6. Женщины и процесс социально-экономического развития в России и других странах СНГ / Информационно-аналитическое управление Аппарата Совета Федерации Федерального собрания РФ. М., 2000. URL: <http://gener.ru/pages/library/books/pdf/rol/part4.pdf> (дата обращения: 09.09.2011).
7. *Здравомыслова Е., Тёмкина А.* История и современность: гендерный порядок в России // Гендер для чайников. М. : Звенья, 2006. С. 56—83.
8. *Кашина М. А.* Взаимосвязь задач гендерного, демографического, экономического развития, или О демографической детерминанте социально-экономической политики // Власть, этнос, семья: гендерные роли в XXI веке : материалы Международного общественного и научного форума (28—30 ноября, Москва). М. : ИЭА РАН, 2010. С. 117—119.
9. *Кашина М. А., Юкина И. И.* Российская демографическая политика: опыт гендерного анализа // Журнал социологии и социальной антропологии. 2009. Т. 12, № 1. С. 109—123.
10. Конвенция МОТ № 157 (Конвенция об установлении международной системы сохранения прав в области социального обеспечения). URL: <http://www.ilo.org/ilolex/russian/docs/conv157.htm> (дата обращения: 07.09.2011).
11. Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин : ст. 1. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cedaw.shtml (дата обращения: 07.09.2011).
12. О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 23 дек. 2005 г. URL: <http://www.consultant.ru/online/base/?req=doc;base=LAW;n=57689> (дата обращения: 07.09.2011).
13. О предоставлении поддержки социально ориентированным некоммерческим организациям : постановление от 23 авг. 2011 г. № 713. URL: <http://www.rg.ru/2011/09/02/podderjka-dok.html> (дата обращения: 09.09.2011).
14. О реорганизации аппарата ВКП(б) : постановление ЦК ВКП(б) от 5.01.1929 г. // Партийное строительство. 1930. № 2. С. 70—72.
15. О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти : Указ Президента РФ от 9 марта 2004 г. № 314. URL: <http://www.rg.ru/2004/03/11/federel-dok.html> (дата обращения: 07.09.2011).
16. *Пухова З. П.* Женское движение и перестройка в СССР // Женщины в современном мире. М. : Наука, 1989. С. 58—63.
17. Указ Президента РФ от 9 октября 2007 г. № 1351. URL: <http://www.consultant.ru/online/base/?req=doc;base=LAW;n=71673> (дата обращения: 07.09.2011).
18. *Федотовская Т. А.* Современная социальная политика: гендерный подход // Аналит. вестн. Совета Федерации Федерального собрания РФ. 2007. № 25. URL: http://council.gov.ru/inf_sl/bulletin/item/297/index.html (дата обращения: 07.09.2011).
19. *Хасбулатова О. А.* Гендерные аспекты государственной политики. Комплексный подход к проблеме равенств полов и его реализации в политике // Гендерные аспекты политической социологии. М. : РОССПЭН, 2004. С. 79—106.
20. *Хасбулатова О. А.* Государственная политика в отношении женщин // Словарь гендерных терминов. М. : Информация — XXI век, 2002. С. 80—81.
21. *Юкина И. И.* Русский феминизм как вызов современности. СПб. : Алетейя, 2007. 541 с.

ББК 60.542.2

А. А. Гнедаш

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ГЕНДЕРНОЙ ПОЛИТИКИ В ONLINE ПРОСТРАНСТВЕ: СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ И БЛОГИ

Основой online публичной сферы России является online пространство, которое можно рассматривать как быстро развивающуюся проекцию offline социально-политической системы и предположить, что online публичная сфера содействует процессу трансляции общественного мнения в поле принятия политических решений. Наиболее активными участниками online публичной сферы на сегодняшний момент являются блоги и социальные сети, которые, в свою очередь, представляют системы в online пространстве, выстроенные на нескольких популярных платформах, таких как Twitter, Facebook, ВКонтакте, LiveJournal.

Технология web 2.0 и основанная на ней технология web 3.0 предоставляют пользователю возможность проектирования систем, которые создают единое социально-политическое пространство, значительно расширяющее возможности информационно-коммуникационных процессов, протекающих в нем. Н.А.Рябченко именуется его online пространством при условии, что термин «пространство» понимается как сущность некоторой системы [3].

На сегодняшний день Рунет остается элитарной и стратифицированной средой [9], в которой доминируют городские и образованные пользователи, с большим разрывом между крупными городами и пригородными районами; 37 миллионов российских интернет-пользователей составляют менее 40 % населения; те, кто выходит в Интернет, делают это довольно часто и весьма неравнодушны к социальным медиа. На самом деле, если верить статистическим данным [12], доля активных пользователей Интернета, которые постоянно пользуются блогами и социальными сетями, в России выше, чем в США. Кроме того, те, кто используют сайты социальных сетей, гораздо большее вовлечены в это, чем пользователи в других странах [14].

В октябре 2010 г. *центр Беркмана* опубликовал исследование «*Публичный дискурс в российской блогосфере: анализ политики мобилизации в Интернете*» [4], которое проводилось в течение двух лет и направлено на изучение роли Интернета в российском обществе. База исследования вклю-

© Гнедаш А. А., 2011

Работа выполнена при финансовой помощи гранта Президента РФ для государственной поддержки молодых российских ученых — кандидатов наук «Социальные сети как ресурс модернизации современного российского общества: концептуальные основы и методология межрегиональных сравнений» (МК-2122.2011.6).

чила в себя более 5 миллионов блогов, среди которых выделили активное дискуссионное ядро, состоящее из 11 тысяч блогов общественно-политической направленности.

Структура дискуссионного ядра online пространства России, описанная исследователями центра Беркмана, включает шесть online образований:

- *общественный дискурс, ссылающийся на международные источники;*
- *общественный дискурс, ссылающийся на российские медиа;*
- *националистов;*
- *демократическую оппозицию;*
- *бизнес, экономику и финансы;*
- *социальный и экологический активизм.*

Гендерные показатели только одного кластера — социальный и экологический активизм (66,7 % женщин, 33,7 % мужчин) — демонстрируют высокую долю женщин на карте, противоположную общему распределению в других кластерах (67,3 % мужчин, 32,7 % женщин). Кластер включает в себя ряд блоггеров из Санкт-Петербурга, которые активно противостояли строительству башни «Газпром»; блоггеров, пишущих об общих проблемах, связанных с сохранением архитектуры городов, садов и общественных зданий; ряд антифашистских и антиэкстремистских блоггеров; блоги известных общественных деятелей [4].

Интересно, что развитие блогов приводит к постоянно растущему числу женщин-блоггеров. Это частично можно объяснить тем, что культура написания и работы с дневником присуща женщинам больше, чем мужчинам. Современный блог как раз и представляет собой дневник как культурный образец по форме и содержанию. Несмотря на то что женщин-блоггеров больше, читать пользователи предпочитают мужчин-блоггеров. Основная причина заключается в выборе тем: мужчины пишут на общественно-политические темы, женщины выбирают более приватные темы.

Как отмечают исследователи, мужчины и женщины используют социальные сетевые сервисы по-разному, с разной частотой и с разными социальными целями. Так, например, в июне 2011 г. компания «Яндекс» опубликовала исследование «Поиск в Интернете: как ищут мужчины и женщины» [2]. По данным comScore, поиском Яндекса ежедневно пользуются более 43 миллионов человек, из которых 48 % — мужчины, 52 % — женщины. Яндекс научился автоматически определять пол пользователей поиска — с помощью технологии Матрикснет, которая учитывает около трехсот закономерностей в поведенческом поведении пользователей и при этом каждый раз оценивает вероятность того, насколько правильно определен пол пользователя. При анализе результатов исследования учитывались пользователи, пол которых был определен с точностью не менее 70 %: около 15 миллионов мужчин и около 15 миллионов женщин.

Общая поисковая активность мужчин и женщин практически не различается: она совпадает с активностью всех пользователей Яндекса в среднем. Результаты исследования показали, что мужчины, которые используют поиск Яндекс, задают в среднем 6,1 запроса (женщины — в среднем 6 запросов). Средняя длина мужских запросов — 3,2 слова, женских — 3,5 слова. В 2,9 %

запросов мужчины вставляют названия городов, в 15 % — используют числа, в 0,3 % — указывают цвета, а 3,3 % — формулируют как вопросы. В 3,7 % запросов женщины вставляют названия городов, в 9 % — используют числа, в 0,5 % — указывают цвета, а 4,2 % — формулируют как вопросы. У мужчин числовые запросы — это в первую очередь артикулы различных товаров, а у женщин — даты и разнообразные номера. Числа в женских запросах часто обозначают вещи, связанные с детьми: номера детских садов, школ и классов в школе, а также возраст детей.

Таким образом, основные различия между поисковым поведением мужчин и женщин — в самих поисковых запросах: мужские запросы к Яндексу немного короче женских, ошибки в запросах немного чаще делают мужчины. Обычно мужчины ищут в Интернете различные предметы, мультимедийные объекты и информацию, связанную со своим хобби, женщины — мультимедийные объекты, различные предметы и компании. Мужчины гораздо больше женщин интересуются компьютерами и гаджетами, женщины чаще мужчин интересуются отношениями между людьми, детьми, поиском работы и здоровьем. Мужчины чаще ищут материалы, чтобы самостоятельно решить ту или иную проблему, например, спрашивают про документацию и отзывы о товарах и организациях. Женщины склонны искать готовые ответы на вопросы: они чаще задают запросы, которые требуют однозначного ответа, а документацией и отзывами интересуются реже.

В контексте феминистской критики мы можем сформулировать вопрос: действительно ли данные исследования Яндекса отражают реальную картину различий поисковых запросов мужчин и женщин или всего лишь гендерные стереотипы, заложенные в саму систему определения пользователя?

В начале 1990-х гг. феминистское сообщество имело достаточно противоречивые взгляды на развитие online пространства [6]. Одна часть исследователей и исследовательниц называли Интернет сферой деятельности исключительно мужчин [15], такое восприятие было сформировано под влиянием интерпретации Интернета как суммы «технологий». Кроме того, использование женщинами компьютерных технологий и влияние на развитие вычислительной техники было тривиальным [11], в то время как значительные достижения в компьютерной технике были маскулинизированы. Мужчины доминировали в обсуждениях в форумах и в чатах [8], и Интернет считался частью системы, пронизанной гендерным неравенством и отношениями власти, как и в «реальном мире». В то же время Интернет был связан с надеждами и ожиданиями солидарности женщин, более активно участвующих в социальных сетях. Феминистки обсуждали возможности для развития общественных пространств и изменения границ данных пространств путем удаления границ между государственной и частной сферами [18]. В этой связи Интернет был интерпретирован не как технология, а как «среда». Кроме того, феминистки были вдохновлены постструктуралистской теорией, разработавшей ряд утопических проектов для мира за пределами бинарных отношений полов. В Интернете, как киберфеминисты надеялись, границы между технологией и человеком, а также между мужчинами и женщинами будут разрушаться. В частности, возможности «бес-телесного» общения через Интернет и «гендерной замены» в чатах и форумах,

где идентичность может быть изобретена заново, сделали Интернет проекционным экраном для постмодернистской теории [5, 17].

Эмпирические исследования зарубежных авторов в течение последнего десятилетия свидетельствуют: несмотря на то что «цифровой» гендерный разрыв сведен к минимуму в большинстве развитых стран [8], наблюдения за общением на форумах, чатах и в социальных сетях показывают, что гендерные роли имеют неожиданно важное значение в «бестелесном» взаимодействии. Например, дизайн регистрации и самопрезентации на сайтах таких социальных сетей, как MySpace, Facebook, предполагает обязательную актуализацию пользователя как мужчины или как женщины. Таким образом, половая бинарность (гетеронормативность) вписывается разработчиками и администраторами как данность. Необходимо отметить и постоянно растущую и все время усиливающуюся в online пространстве сексуализацию женского тела [1].

Некоторые исследования [10, 16] показывают, что традиционность гендерных ролей в современных социальных сетях усиливается со временем: пользователи активно транслируют традиционные представления о мужественности и женственности. Исследователи отмечают, что негативные высказывания и комментарии допускаются только для пользователей-мужчин, но никак не для пользователей-женщин, что мы можем интерпретировать как двойной стандарт в online-пространстве [13].

Мужское доминирование уже не представляется проблемой в пространстве технологий web 2.0 и web 3. Однако online сфера продолжает оставаться средой, воспроизводящей гендерные стереотипы, и средой, закрепляющей существующие в offline пространстве патриархальные механизмы.

Библиографический список

1. *Ганова Е.* Полный Фуко: тело как поле власти. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2011/2/ga8.html> (дата обращения: 21.08.2011).
2. Поиск в Интернете: как ищут мужчины и женщины. URL: http://download.yandex.ru/company/Yandex_on_Men_and_Women_2011.pdf (дата обращения: 13.08.2011).
3. *Рябченко Н. А.* Online социальные сети в публичной политике: семь мостов Египта // Человек. Сообщество. Управление. 2001. № 4. С. 38—53.
4. Центр Беркмана. URL: http://cyber.law.harvard.edu/publications/2010/Public_Discourse_Russian_Blogosphere (дата обращения: 15.08.2011).
5. *Bruckman A.* Gender Swapping on the Internet. URL: <http://www.mith2.umd.edu/WomensStudies/Computing/Articles%2BResearchPapers/gender-swapping> (дата обращения: 18.08.2011).
6. *Carstensen T.* Gender Trouble in Web 2.0. Gender Perspectives on Social Network Sites, Wikis and Weblogs. URL: http://www.informatik.unibremen.de/soteg/gict2009/proceedings/GICT2009_Carstensen.pdf (дата обращения: 06.08.2011).
7. *Herring S. C.* Bringing Familiar Baggage to the New Frontier : Gender Differences in Computer-Mediated Communication. Boston : Allyn & Bacon, 1996, P. 144—154.
8. Initiative D21, and TNS Infratest. (N) Onliner Atlas 2008. URL: http://old.initiated21.de/fileadmin/files/08_NOA/NONLINER2008.pdf (дата обращения: 03.08.2011).

9. Internet in Russia. URL: http://bd.fom.ru/report/cat/smi/smi_int/int0309 (дата обращения: 10.08.2011).
10. *Kolek E. A., Saunders D.* Online Disclosure: an Empirical Examination of Undergraduate Facebook Profiles // *NASPA J.* 2008. № 45. P. 3—25.
11. *Light J.* When Computers Were Women // *Technology and Culture.* 1999. № 40. P. 455—483.
12. Russia has World's Most Engaged Social Networking Audience. URL: http://www.comscore.com/Press_Events/Press_Releases/2009/7/Russia_has_World_s_Most_Engaged_Social_Networking_Audience (дата обращения: 01.08.2011).
13. Self-Presentation and Gender on MySpace / *A. M. Manago, M. B. Graham, P. M. Greenfield, G. Salimkhan* // *J. of Applied Developmental Psychology.* 2008. Vol. 29, Iss. 6. P. 446—458.
14. *Soldatova G.* Russian Schoolchildren as Internet Users : Types and Risk Groups. URL: <http://pewInternet.org/Reports/2010/Social-Media-and-Young-Adults/Summary-of-Findings.aspx?r=1> (дата обращения: 11.08.2011).
15. *Spender D.* *Nattering on the Net.* Toronto : Garamond Press, 1996. 294 p.
16. *Strano M. M.* User Descriptions and Interpretations of Self-Presentation through Facebook Profile Images // *Cyberpsychology : J. of Psychosocial Research on Cyberspace.* 2009. Febr., 20. URL: <http://www.cyberpsychology.eu/view.php?cisloclanku=2008110402> (дата обращения: 03.09.2011).
17. *Turkle S.* *Life on the Screen : Identity in the Age of the Internet.* N. Y. : Simon & Schuster, 1995. 262 p.
18. *Women and Everyday Uses of the Internet. Agency and Identity* / *M. Consalvo, S. Paasonen* (Eds.). N. Y. ; Washington (D. C.) ; Baltimore : Peter Lang, 2002. 300 p.

СЕМЕЙНАЯ ПОЛИТИКА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

ББК 60.542.2

Ж. В. Чернова

СЕМЕЙНАЯ ПОЛИТИКА СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ГЕНДЕРНЫЙ АНАЛИЗ И ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ

Гендерный анализ современной российской семейной политики позволяет выделить этапы ее формирования, характеристики, обуславливающие ее специфику, а также оценить эффективность предпринимаемых государством мер в сфере поддержки семьи. Семейная политика в современном понимании отсутствовала в советском обществе. Меры, направленные на поддержку семей с детьми, выступали частью социальной и демографической политики государства, что определило специфику протомодели советской семейной политики. Мы исходим из того, что советская семейная политика носила патерналистский характер, когда государство поддерживало женщин как оплачиваемых работников и матерей, а также выполняло отеческие функции в отношении детей [6]. Социальная забота о детях распределялась между государством и матерями, в то время как биологические отцы были отчуждены от своих семейных и родительских обязанностей [10]. Объектом семейной политики выступали исключительно матери и дети, которым предоставлялись денежные и сервисные поддержки со стороны государства. Программы социальной и семейной политики были направлены на создание условий для достижения баланса между профессиональными, семейными и материнскими обязанностями. Реализация декларативной гендерной политики (как на практике достигалось и осуществлялось совмещение ролей, приведшее к закреплению двойной нагрузки женщин, формированию гендерной асимметрии в приватной сфере) подвергалась критической оценке со стороны исследователей [8]. Этот результат советской семейной политики в настоящее время расценивается, в том числе и властями, как негативный, повлекший за собой формирование паттерна малодетности и снижение уровня рождаемости в целом [14].

Российская семейная политика появилась в контексте «болезненных» социально-экономических трансформаций, которые переживало российское общество: перехода к рыночной экономике, изменений в структуре занятости, неспособности государства выполнять социальные обязательства в полном объеме, стремительного расслоения общества по уровню благосостояния [12].

© Чернова Ж. В., 2011

Данные структурные условия повлияли на то, что в семейной политике, как и в социальной в целом, стали преобладать идеи минимализма: вмешательство государства в дела семьи должно быть ограниченным, в первую очередь по своему объему, и осуществляться в крайних случаях. Так, по оценкам специалистов, доля семейных и материнских пособий в общем объеме государственных средств, идущих на выплату социальных пособий, сократилась с 77,3 % в 1991 г. до 32,4 % к 2003 г. [5, с. 135]. Некогерентность разрабатываемой семейной политики, двойственность позиции государства в отношении того, кому и в каком объеме помогать, недостаточность материальных ресурсов для выполнения в полном объеме взятых обязательств привели к тому, что в начале 2000-х гг. «разрыв» между декларируемыми универсалистскими принципами (поддержки семьям с детьми, вне зависимости от их экономического и социального статуса) и предоставляемыми поддержками нуждающимся семьям приобрел дискурсивное и законодательное оформление.

На практике принцип минимализма в семейной политике был реализован, например, в изменении порядка выплаты пособий по уходу за детьми. Если в начале 1990-х гг. ежемесячное пособие семьям, имеющим детей, выплачивалось на каждого ребенка до 18 лет вне зависимости от уровня доходов семей, то в соответствии с Федеральным законом № 66 от 30 мая 2001 г. право на ежемесячное пособие на ребенка стали иметь только те семьи, среднедушевой доход которых не превышает величины прожиточного минимума в субъекте РФ [3, с. 53]. Таким образом, на этом этапе реализации семейной политики произошел отказ от универсалистского принципа оказания прямой денежной поддержки семьям с детьми в пользу ограниченной по размеру и числу бенефициариев помощи. Либерализация социальной и семейной политики выражалась в том, что пособия и материальные выплаты предоставлялись по принципу нуждаемости, необходимость оказания поддержки определялась экономическим и социальным положением семьи.

Послание Президента РФ Федеральному собранию в 2006 г. определило новый этап развития современной российской семейной политики как на уровне идеологии, так и на уровне конкретных инструментов ее реализации [11]. Произошел переход от политики, построенной на принципах минимализма, к эксплицитным пронаталистским действиям государства в отношении семьи. С 2007 г. преодоление демографического кризиса и решение «семейного вопроса», по сути, является «пятым» национальным проектом, для успешной реализации которого государство готово мобилизовать как экономические¹, так и идеологические ресурсы (в качестве примера можно привести проведение в 2008 г. Года семьи в России). Пронаталистская направленность семейной политики наиболее явно представлена в такой инновационной мере, как «материнский капитал». Чем объясняется подобная оценка? По-нашему мнению, тем, что, во-первых, с введением материального вознаграждения за рождение второго и последующего

¹ Государственные расходы на программу материальной поддержки семей с детьми составили 200 млрд р., что сопоставимо с общими расходами на реализацию четырех национальных проектов в области здравоохранения, образования, сельского хозяйства (206,3 млрд р.) [5, с. 136].

ребенка государство открыто сформулировало свою заинтересованность в увеличении рождаемости, обозначив определенную «репродуктивную норму» (сначала два, а потом три ребенка). Во-вторых, повышение уровня рождаемости обеспечивается преимущественно за счет экономических стимулов. В-третьих, государство готово взять на себя обязательства по материальной поддержке женщин, уровень которой напрямую связан с количеством и очередностью детей. Все это позволяет нам обозначить современную семейную политику России, начавшуюся в 2007 г., как пронаталистскую, направленную на решение демографических проблем преимущественно посредством материальных поддержек и стимулирования рождения нескольких детей в семье.

Интерес государства к вопросам семьи и детства вновь был артикулирован в Послании Президента РФ Федеральному собранию в 2010 г. [15]. Необходимо отметить, что «детская» тема не являлась «сквозной» для предыдущих посланий Д. А. Медведева, в которых семейная проблематика поднималась исключительно в контексте образования и заботы о здоровье школьников. Внимание, уделенное проблематике детства в Послании-2010, позволяет рассматривать данный политический документ как следующий шаг в построении современной российской семейной политики. В связи с этим встает вопрос о том, насколько эти шаги связаны, в чем заключается отличие нового прочтения демографического вопроса от уже предпринимаемых государством мер. Как и в Послании-2006, демографическая проблема определяется как одна из приоритетных, как «вызов нации». В качестве основных направлений государственной политики в отношении не столько семьи, сколько детства перечислены следующие: забота о здоровье ребенка и матери, развитие детской медицины, поддержка молодых и многодетных семей, поощрение благотворительности в отношении семьи и детства, увеличение числа детских дошкольных учреждений и развитие вариативных форм дошкольного образования, забота о беспризорных и детях с ограниченными физическими возможностями, борьба с насилием в отношении детей. Для решения демографической проблемы в Послании-2010 предлагается ряд мер, встроенных в логику уже проводимой пронаталистски ориентированной политики (введение регионального «материнского капитала», выделение земельного участка многодетным семьям, введение дополнительных налоговых преференций многодетным родителям) [15].

В этом документе представлено новое прочтение демографического вопроса, которое условно можно обозначить как «детоцентристское». Его отличие от предыдущего заключается не в наборе мер и не в определении направленности семейной политики, которая по-прежнему ориентирована на повышение уровня рождаемости за счет прямых материальных поддержек со стороны государства, а в изменении смысловых акцентов, риторика становится более «детоцентристской». Если в начале 2000-х преодоление демографического кризиса в стране определялась в категориях сохранения нации и национальной безопасности и необходимости сохранения страны — понятиях, достаточно абстрактных для простого обывателя, то в Послании-2010 основным мотивом всех предлагаемых действий становится стремление каждого родителя обеспечить благополучие своих детей: «И по большому счету все, что мы делаем, мы делаем для тех, кого любим сильнее всего, — для наших детей, потому что мы

хотим, чтобы они жили лучше нас, чтобы они были лучше, чем мы, чтобы смогли сделать то, что, может быть, не успеем сделать мы. Чтобы из их успехов сложилось успешное будущее нашей великой России» [15]. Меняется схема построения смысловой конструкции семейной политики: от индивидуально-родительского желания сделать счастливым своего ребенка — к процветанию всей страны. Кроме этого, в данном документе трехдетная семья рассматривается как «главный путь преодоления демографического кризиса», позиционируется как желаемый образец репродуктивного поведения граждан. Нормативный образец двухдетной семьи, способной обеспечить простое воспроизводство, сменяется трехдетной семьей, «дающей» государству желаемый прирост населения. Для поддержания и увеличения числа таких семей государство планирует оказывать им как прямые поддержки (предоставление земельных участков, налоговые преференции), так и идеологические, пропагандируя этот образ в социальной рекламе. В качестве успешного примера такой PR-акции приводится информационная кампания, которая осуществлялась в Алтайском крае и рассказывала о знаменитых людях в России, бывших третьими детьми в семье.

Таким образом, с 2007 г. формируется устойчивый тренд государственной семейной политики: от предоставления помощи малоимущим и нуждающимся гражданам с семейными обязанностями (что было характерно для политики 1990-х — начала 2000-х гг.) — к уделению особого внимания и заботы «благополучной» семье. Семейная политика, направленная на абстрактную семью, перестает оцениваться государством как эффективная, т. к. она не привела к ожидаемым результатам (стабильно высокий уровень рождаемости, снижение числа разводов, укрепление семейных ценностей); государственные программы начинают диверсифицироваться, «объект заботы» становится все более дробным (выделение особого направления семейной политики, адресованной молодой семье). При этом существенных изменений в идеологии и мерах проводимой политики не происходит, сохраняется пронаталистская направленность и минимальная компенсация рисков, связанных с рождением и воспитанием детей. Некогерентность проводимой государством семейной политики выражается в противоречии между декларируемыми поддержками семьи и конкретными мерами, предпринимаемыми государством в этой сфере. В качестве наиболее яркого примера рассогласованности официального дискурса и конкретных механизмов реализации семейной политики можно привести принятие в конце 2010 г. закона № 343, серьезно сокращающего выплаты по больничным и пособиям по уходу за ребенком. По-прежнему вопрос о переопределении гендерных ролей, преодолении различных видов дискриминации как мужчин, так и женщин в профессиональной и семейной сферах не входит в повестку дня семейной политики. В то время как вопрос о гендерном неравенстве в домашней сфере и родительстве напрямую связан с проблемой дискриминации женщин вообще, поскольку необходимость совмещения роли жены и матери, выполнения домашней работы накладывает существенные ограничения на возможности их профессиональной реализации, снижает их конкурентоспособность на рынке труда, закрепляет более

низкий экономический статус по сравнению с мужчинами, делая их «объектами» заботы и поддержки со стороны государства.

Гендерный анализ семейной политики позволяет реконструировать идеологию государства в отношении семьи, выделить образец семейных отношений, который конституируется в качестве нормативной модели. Ряд исследователей отмечают, что объектом семейной политики выступает «здоровая, благополучная и традиционная семья» [4, с. 327]. Принцип минимализма, на котором строилась семейная политика 1990-х — начала 2000-х гг., в сочетании с либеральными идеями о необходимости рассчитывать на собственные силы сделали именно такой тип семьи наиболее привлекательным в глазах государства. Физическое здоровье и материальное благополучие членов семьи исключали их из числа бенефициариев помощи, сводя оказываемые поддержки к символическим акциям (учреждение таких праздников, как День матери в 1998 г., День семьи, любви и верности в 2008 г., празднование в 2008 г. Года семьи). В риторике современных официальных документов, как и в советский период, главное внимание уделяется женщинам-матерям и детям, тогда как роль мужчины-отца в обеспечении благополучия семьи в широком смысле слова непосредственно не проговаривается. В то время как государству, материально поддерживающему матерей с двумя и более детьми (в этом состоит отличие от советской семейной политики, в которой эксплицитно не задавалась так называемая репродуктивная норма для женщин), отводится ведущая роль при формулировании принципов семейной политики.

В официальном дискурсе в качестве нормативной модели семьи, на которую ориентируется государство в своей политике, выступает «благополучная семья»² [13]. Эта модель предполагает наличие юридически оформленных отношений между супругами («благополучной считается та семья, члены которой проживают в зарегистрированном браке»); это полная семья («благополучная семья должна быть полной и состоять из супружеской пары (родителей) и детей»); она предполагает выполнение «репродуктивной нормы» («благополучная семья должна иметь такое количество детей, которое обеспечивает расширенное воспроизводство населения по данному региону») [9]. Если раньше в риторике документов в основном использовались такие понятия, как «российская семья» (Концепция национальной семейной политики), «семья с двумя и более детьми» (Концепция демографической политики), то введение категории благополучной семьи указывает на неортодоксальную ориентацию современной семейной политики, нормализующую официально зарегистрированные браки и не учитывающую многообразие партнерских и родительских отношений.

Пронаталистский вариант семейной политики, в пользу которого сделало выбор государство, представляется неэффективным с точки зрения достижения целей повышения рождаемости в долгосрочной перспективе. Материальное стимулирование вторых и последующих рождений, по оценкам демографов,

²Данная категория достаточно подробно представлена в Концепции государственной политики в отношении молодой семьи, утвержденной 8 мая 2007 г. Министерством образования и науки России.

привело к изменению календаря рождений, но не способствует формированию паттерна многодетности среди российских семей [2]. Низкая эффективность проводимой политики связана с тем, что государство не учитывает целый ряд проблем, с которыми сталкиваются родители, когда речь идет не только о рождении, но и воспитании детей. Меры государственной поддержки, которые провозглашаются сегодня, фактически охватывают период «от зачатия до младенчества». При этом большое количество конкретных проблем повседневной жизни родителей остаются на периферии семейной политики. К их числу можно отнести в первую очередь высокий уровень «реальных» затрат семьи, связанных с рождением и воспитанием ребенка, компенсировать которые государственные пособия могут лишь минимально. По оценкам специалистов, в России пособия составляют 1—2 % от семейного дохода и не гарантируют ребенку минимально приемлемого уровня потребления. В то время как опыт европейских стран показывает, что увеличение объема финансирования пособий на 25 % приводит к росту рождаемости на 0,07 % [5, с. 141]. Незначительная роль пособий в структуре доходов семьи может привести к тому, что многие меры современной семейной политики, по выражению Т. Гурко, могут «сработать» в ситуациях социального неблагополучия. В то время как планирование рождения второго и последующего ребенка высокообразованными высококвалифицированными женщинами может оставаться под вопросом, поскольку «образованные матери, не работающие значительную часть времени, теряют квалификацию, возможности карьерного роста именно в эпоху информационных обществ, когда постоянно обновляются технологии» [1, с. 11]. В данном случае представляется необходимой и более эффективной разработка семейной политики, ориентированной на семью с двумя работающими родителями, предоставление специальных поддержек женщинам для выполнения материнских и профессиональных обязанностей, создание для них «дружественных» рабочих мест (гибкий рабочий график, неполная занятость). Кроме этого, политика в отношении отцов также должна быть более гендерно-сбалансированной, направленной на стимулирование большей включенности мужчин в заботу о детях и их воспитание за счет создания институциональных поддержек «ответственного» отцовства: законодательно закрепленной возможности делить отпуск по уходу за ребенком между отцом и матерью в удобной для родителей пропорции, квотирования определенного количества дней в родительском отпуске для отцов, отмены дополнительной платы за партнерские роды, обязательной совместной опеки над ребенком после развода родителей.

Другой проблемой, характерной для современной российской семейной политики, является острый дефицит мест в детских дошкольных заведениях, который по-прежнему сохраняется, несмотря на предпринимаемые государством попытки изменения данной ситуации [7]. Существенное сокращение дошкольных образовательных заведений в 1990-х гг., в период резкого снижения рождаемости, отсутствие возможности аккумулировать и использовать поддержку со стороны старших родственников ставит перед родителями проблему организации ухода за детьми и заботы о них, что особенно актуально в случае молодых родителей, чьи мамы и папы, т. е. бабушки и дедушки ребенка, находятся в трудоспособном возрасте и не могут посвятить этому все свое время.

Решение проблемы видится в уделении должного внимания со стороны государства не только расширению количества детских садов, но и повышению качества предоставляемых ими услуг. Наряду с квартирным вопросом, который, как и в советский период, актуален для многих семей, важной проблемой, относящейся к сфере семейной политики, по нашему мнению, является несовершенство «алиментного» законодательства, отсутствие юридически закрепленных вариантов совместной опеки над ребенком после развода. Высокий уровень разводов, характерный для современной России, также должен учитываться при разработке государством мер по поддержке семьи. Будущие родители, главным образом матери, должны быть уверены, что в случае развода они и дети получат необходимую поддержку и внимание со стороны отдельно проживающего отца. Кроме этого, необходимо, чтобы государство было заинтересовано в том, чтобы мужчины-отцы больше участвовали в осуществлении ухода за детьми и заботы о них, в создании гендерного равенства в семейной сфере, когда и мать и отец принимают материальное и эмоциональное участие в воспитании детей как в браке, так и в случае развода.

В современном варианте семейная политика направлена на формирование и поддержку только определенного, «традиционного» типа семьи, в то время как она должна быть направлена на удовлетворение потребностей всех семей, признавать разнообразие форм семьи и родительства, быть более гибкой в своей реализации. Государство должно расширять число акторов, участвующих в формировании и реализации семейной политики, не сводить все свои действия к патерналистской заботе о матерях и детях; поддерживать и развивать корпоративную социальную политику в отношении работников с семейными обязанностями; предпринимать меры по поддержке и стимулированию профессиональной занятости женщин; создавать рабочие места, «дружественные» работающим родителям.

Библиографический список

1. *Гурко Т.* Россия: социальная политика в отношении молодых родителей // *Власть*. 2008. № 6. С. 10—14.
2. *Захаров С.* Рожать сегодня... и не рожать завтра // *Открытая экономика : экспертный канал*. 2010. 3 марта. URL: <http://www.opes.ru/1212849.html> (дата обращения: 10.09.2011).
3. *Климантова Г.* Государственная семейная политика современной России : учеб. пособие. М. : Дашков и К, 2004. 192 с.
4. *Ловцова Н.* «Здоровая, благополучная семья — опора государства»: гендерный анализ семейной социальной политики // *Журн. исследований социальной политики*. 2003. № 3/4. С. 323—339.
5. Новые меры семейной политики и их влияние на материально-имущественное положение семей с детьми / А. Бурдяк, И. Корчагина, Л. Овчарова, Л. Прокофьева, О. Синявская // *Семья в центре социально-демографической политики? : сб. аналит. ст. / отв. ред. О. Синявская*. М. : НИСП, 2009. С. 127—160.
6. *Рабжаева М.* Историко-социальный анализ семейной политики в России XX века // *СОЦИС*. 2004. № 6. С. 89—97.
7. *Синявская О., Сухова А.* Институциональные услуги по уходу за детьми: неравенство в доступе // *Семья в центре социально-демографической политики?* С. 73—96.

8. *Хасбулатова О.* Российская гендерная политика в XX столетии: мифы и реалии. Иваново : Иван. гос. ун-т, 2005. 372 с.
9. *Чернова Ж. В.* «Демографический резерв»: молодая семья как объект государственной политики // *Женщина в российском обществе.* 2010. № 1. С. 23—42 ; № 2. С. 26—38.
10. *Чернова Ж.* Модель «советского» отцовства: дискурсивные предписания // *Российский гендерный порядок: социологический подход / под ред. Е. Здравомысловой, А. Тёмкиной.* СПб. : Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2007. С. 138—168.
11. *Ярская-Смирнова Е. Р.* «Да-да, я вас помню, вы же у нас неблагополучная семья!» Дискурсивное оформление современной российской семейной политики // *Женщина в российском обществе.* 2010. № 2. С. 14—25.
12. *Klimantova G.* The Family in the Process of the Transformation of Russian Society // *Russian Education and Society.* 2002. [№] 4. P. 53—60.
13. URL: <http://demoscope.ru/weekly/knigi/koncepciya25.html> (дата обращения: 01.02.2011).
14. URL: http://tours.kremlin.ru/appears/2000/07/08/0000_tipe63372type63374tipe82634_28782.shtml (дата обращения: 01.02. 2011).
15. URL: <http://www.kremlin.ru/news/9637> (дата обращения: 01.02. 2011).

ББК 60.561.53

Л. Л. Шпаковская

ПОЛИТИКА НОРМАЛИЗАЦИИ СЕМЬИ: ПАРТНЕРСТВО И БРАК В РОССИИ

Цель статьи — анализ политики в отношении гражданского брака (совместное проживание гетеросексуальной пары без регистрации этих отношений) как элемента нормализующей политики в отношении семьи¹. Рассмотрение государственной политики в отношении официального/гражданского брака является важным с точки зрения анализа гендерного порядка и его трансформаций. Как отмечает Р. Коннелл, государству принадлежит конституирующая роль в формировании и реформировании гендерных паттернов [16, р. 130]. О. Хасбулатова также полагает, что государственная политика способна существенным образом влиять на социальный статус женщин и мужчин и во мно-

© Шпаковская Л. Л., 2011

¹ Статья написана на материалах исследования «Новые формы организации гетеросексуальных отношений: что такое гражданский брак», проведенного в 2009 г. Гендерной программой ЕУСПб и поддержанного фондом Г. Белля (руководители Е. Здравомыслова, А. Тёмкина, координатор и исполнитель Л. Шпаковская). Исследование включало анализ официальных документов, фокус-группу, анализ дискуссии в социальной сети, а также 21 полуструктурированное интервью с молодыми людьми, проживающими в гражданском браке. Материалы интервью проанализированы и представлены в [15].

гом определять характер гендерного неравенства в конкретно-исторические периоды [12, с. 6].

Семья представляет собой идеологический и управленческий концепт, выступая одним из основных направлений гендерной политики [17]. Современная государственная социальная политика всегда в той или иной степени связана с нормированием и регулированием института семьи. Например, современная семья определяется как нуклеарная, подразумевающая роли мужа (кормильца), жены (отвечающей за ведение домашнего хозяйства) и зависимых от них детей [10, с. 190]. Государство поддерживает такую семью через политики налогообложения и кредитования, жилищную политику и др. На более фундаментальном уровне брак сам по себе является законным действием и законным отношением, определяемым и регулируемым государством [16, р. 130]. В этом смысле стратегия власти всегда связана со стремлением делать отношения между людьми зарегистрированными, т. е. видимыми и управляемыми. Благодаря кодификации семейных отношений семья становится агентом, или проводником, разного рода государственных политик, например гигиены, контроля миграции, сексуальности, стимулирования рождаемости. Однако интересы государства могут не соответствовать практикам, ценностям и интересам отдельных индивидов, их семей, социальных групп и институтов и даже входить в противоречия с ними. Примером таких разнонаправленных и противоречивых интересов может быть ситуация, характерная для современной России, связанная с политикой нормализации семьи и тенденциями индивидуализации, рефлексивности и демократизации, которые реализуются в практике партнерства, характерны для определенных социальных слоев, каковым является городской образованный средний класс [15, с. 29—31]. Далее рассмотрим более подробно политики нормализации семейного поведения в России.

В России партнерство получает в настоящее время все большее распространение и признание [1, 3]. Но термин «гражданский брак», с которым, как правило, ассоциируются незарегистрированные союзы, является проблематичным. В России это понятие предположительно начинает использоваться в XIX в. для обозначения супружеского союза, заключенного без участия церкви, но зарегистрированного соответствующими органами государственной власти². Большевицкая политика секуляризации брачных отношений в послереволюционный период придала этому понятию прогрессивное значение, сделав гражданский брак, т. е. союз, зарегистрированный советскими отделами ЗАГС, легитимной и широко распространенной формой супружества. В период с 1926 по 1944 г. незарегистрированные союзы были законодательно уравнены в правах с союзами, зарегистрированными в отделах ЗАГС. Однако в послевоенный период, в связи с изменением гендерной политики и ужесточением семейного законодательства, отношение к ним изменилось. Штамп в паспорте стал важен для социальной успешности, он был необходим для служебной карьеры, давал

² Гражданские, или нецерковные, браки в России были введены законом о светской регистрации раскольничьих браков в 1874 г. С этого момента браки раскольников получали законную силу посредством записи в метрические книги в полицейском или волостном управлении [7].

возможность выезда за рубеж. Незарегистрированные союзы оказались либо «несуществующими» (непризнаваемыми и невидимыми для общества), либо осуждаемыми с точки зрения официального дискурса. Такие союзы были распространены, главным образом, среди маргинальных слоев общества. Семейная нестабильность, незарегистрированные союзы, частая смена партнеров, промискуитет, сексуальное насилие были характерны для париев, лиц, находящихся на дне общества, по разным причинам оказавшихся нелегалами, алкоголиками, преступниками [13]. Нормализация и брачная стабилизация личной жизни, прослеживаемая на уровне биографий, выступала одним из признаков повышения социального статуса таких маргиналов [8, с. 248]. «Презрение к загсовскому штампику» было характерно также для советских диссидентских кругов, в которых крещение детей, совместная жизнь без официальной регистрации или частая смена партнеров выступали формой инакомыслия и инакодействия в приватной сфере, в условиях, когда открытый протест невозможен [18, 14]. Пренебрежение официальными нормами брачного и сексуального поведения являлось отличительной практикой молодежи — выходцев из среды советской номенклатурной и культурной элит в позднесоветском обществе [4]. Таким образом, в позднесоветский период, несмотря на то что официальный брак с традиционным разделением ролей (при этом женщина также являлась работницей, а мужчина не был основным кормильцем) являлся единственной легитимной формой супружества с точки зрения официального дискурса, практики сожительства были приемлемы внутри некоторых социальных сред (фактически практики добрачных сексуальных отношений в это время были достаточно широко распространены среди городского населения) [4, с. 445; 11, с. 241].

В постсоветское время практика совместного проживания без регистрации брака становится не просто распространенной, но воспринимаемой многими как нормальная; она не ассоциируется больше с маргинальными слоями общества. Среди представителей поколений, родившихся после 1960 г., распространение неформальных союзов приобрело взрывной характер. Не менее 25 % женщин к 20 годам и не менее 45 % мужчин того же возраста не регистрировали брак со своим первым партнером [3]. Показателем определенной степени общественного и политического признания гражданского брака может считаться включение в анкету переписи населения, проведенной в 2002 г., вопроса о легальном статусе брачного союза граждан («Является ли Ваш брак зарегистрированным?»). Перепись показала, что на момент ее проведения 11 % всех заявленных брачных союзов были незарегистрированными (всего в браке состояло 57 % россиян). По данным опроса ФОМ (2004), опыт сожительства когда-либо имели 22 % россиян. При этом незарегистрированные союзы оказались в большей степени распространены в молодежной среде (18—20 лет), среди респондентов в возрасте 21—24 лет доля незарегистрированных браков в общем числе союзов составила четверть, среди респондентов в возрасте 25—29 лет — пятую часть. Регистрация брака утрачивает значение стартовой позиции для совместного проживания молодых людей. Таким образом, сожительство в России в конце 1990-х — первой половине 2000-х приобретает характер устойчивой молодежной практики, часто предшествующей браку [1].

Незарегистрированные союзы становятся приемлемыми и благодаря гражданскому, семейному и финансовому законодательству постсоветского периода. Упрощенная процедура установления отцовства для детей, рожденных вне брака, возможность получения матерями социальных льгот и выплат вне зависимости от своего maritalного статуса, возможность оформления имущества в совместную собственность (например, долевая собственность на недвижимость) и даже возможность заключения договора между партнерами о совместном проживании — все это позволяет партнерам не только регулировать имущественные отношения между собой, но и претендовать на социальные льготы и гарантии.

Во второй половине 2000-х в российских медиа наблюдается политизация публичного сожительства, прежде всего в связи с дискурсом укрепления семьи, решения демографической проблемы и повышения рождаемости. Консервативно настроенные авторы определяют незарегистрированные союзы как «ненастоящие» или «неполноценные» браки, свидетельствующие о разрушении семейных ценностей и самого института семьи; распространение таких союзов считается причиной снижения рождаемости. Нормативной моделью супружеских отношений провозглашается официально зарегистрированный брак (а в идеале — осуществленный и по религиозному обряду). Православная церковь высказывается против гражданских союзов, называя их греховными, «школой безответственных наслаждений», блудом [9, 2]. Принятая в 2007 г. «Концепция государственной политики в отношении молодой семьи» вводит понятие благополучной семьи, основным критерием которой является наличие зарегистрированных брачных отношений между родителями, а также детей, количество которых равно двум, трем и более для обеспечения «расширенного воспроизводства населения по данному региону» [5]. Благополучная семья определяется как нормативная модель, реализации которой должна способствовать государственная семейная и социальная политика. Показательным примером дискурсивного оформления вопроса гражданских браков являются парламентские слушания, состоявшиеся 5 октября 2009 г., на тему: «Благополучие российской семьи: законодательные проблемы и пути их решения», в ходе которых депутатами были признаны наличие кризиса семьи в российском обществе и необходимость ее поддержки с целью более эффективной защиты прав ребенка. Председатель Комитета Государственной думы по вопросам семьи, женщин и детей Е. Мизулина в своем выступлении обратила внимание на существование незарегистрированных союзов, как гетеро-, так и гомосексуальных. Однако, с ее точки зрения, такие союзы не могут выступать основанием законодательства, которое «укрепляет семью, поддерживает ее, поддерживает благополучную семью, то есть ту, которая основана на зарегистрированном браке, на легальном браке, на законном браке, семью, которая имеет детей, которая воспитывает, любит этих детей» (стенограмма). Председатель думской фракции «Справедливая Россия» Н. Левичев призвал к разработке политических мер, которые позволили бы преодолеть кризис семьи и распространение «внесемейного образа жизни» [6]. Следовательно, в конце 2000-х официальный дискурс все более ориентируется на нормативную модель полной зарегистрированной двух-

детной семьи. В этом контексте незарегистрированные союзы маргинализируются или рассматриваются как опасная девиация.

Таким образом, если на уровне практик незарегистрированные союзы являются достаточно массовым явлением, то на уровне официального дискурса наблюдается отход в направлении традиционалистского видения гендерных отношений: гражданские браки рассматриваются как явление вредное, угрожающее стабильности семьи. Иными словами, дискурсивная маргинализация сожительства вступает в противоречие с тенденциями индивидуализации, которые обнаруживает распространение незарегистрированных интимных союзов.

Библиографический список

1. *Вовк Г.* Незарегистрированные интимные союзы: «разновидности» брака или «альтернативы» ему? // Социальная реальность. № 1 (2005). URL: http://bd.fom.ru/report/cat/journ_socrea/number_1_05/gur050103 (дата обращения: 05.09.2011).
2. *Гумеров Павел, свящ.* Гражданский брак // Православие.ru. 2008. URL: <http://www.pravoslavie.ru/put/080229130624.htm> (дата обращения: 22.05.2011).
3. *Захаров С.* Расширяющиеся границы брака // Демоскоп Weekly. № 237/238. 6—9 марта (2006). URL: <http://demoscope.ru/weekly/2006/0237/tema08.php> (дата обращения: 07.09.2011).
4. *Козлова Н.* Реконверсия // Советские люди. Сцены из истории. М.: Европа, 2005. С. 435—470.
5. Концепция государственной политики в отношении молодой семьи. М.: Минобраз РФ, 2007. URL: <http://mon.gov.ru/work/yosp/dok/3697> (дата обращения: 12.10.2011).
6. *Левичев Н.* Выступление на парламентских слушаниях «Благополучие российской семьи: законодательные проблемы и пути их решения», 5 окт. 2009 г. URL: http://www.levichev.info/2_827.html (дата обращения: 22.05.2011).
7. *Победоносцев К. П.* Курс гражданского права. М.: Статут, 2003. Ч. 2 : Права семейные, наследственные и завещательные. 639 с. URL: <http://civil.consultant.ru/elib/books/16> (дата обращения: 12.10.2011).
8. *Роткирх А.* Мужской вопрос: любовь и секс трех поколений в автобиографиях петербуржцев / пер. с англ. Е. Д. Никифоровой; науч. ред. Е. А. Здравомыслова. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2011. 309 с.
9. *Свечников Дионисий, иерей.* Можно ли назвать браком «гражданский брак»? // Православие и мир. 2008. 4 сент. URL: http://www.pravmir.ru/article_3275.html (дата обращения: 23.05.2011).
10. *Тартаковская И. Н.* Гендерная социология. М.: Вариант : Невский Простор, 2005. 368 с.
11. *Тёмкина А.* Сексуальная жизнь женщины: между подчинением и свободой. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2008. 376 с.
12. *Хасбулатова О. А.* Российская гендерная политика в XX столетии: мифы и реалии. Иваново : Иван. гос. ун-т, 2005. 372 с.
13. *Чуйкина С.* «Быт не отделим от политики»: официальные и неофициальные нормы «половой» морали в советском обществе 1930—1980-х годов // В поисках сексуальности : сб. ст. / под ред. Е. Здравомысловой, А. Тёмкиной. СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. С. 99—127.

14. Чуйкина С. Участие женщин в диссидентском движении (1956—1986) // Гендерное измерение социальной и политической активности в переходный период : сб. науч. ст. / под ред. Е. Здравомысловой, А. Тёмкиной. СПб. : ЦНСИ, 1996. С. 61—81.
15. Шнаковская Л. Л. Гражданский брак в России // Практики идентичности: гендерное устройство : сб. ст. / под ред. Е. Здравомысловой, В. Пасынковой, А. Тёмкиной, О. Ткач. СПб. : Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2010. С. 27—68.
16. Connell R. Gender and Power. Society, the Person and Sexual Politics. Stanford : Stanford University Press, 1987. 334 p.
17. Gittins D. The Family in Question: Changing Households and Family Ideologies. L. : Macmillan, 1993. 208 p.
18. Zdravomyslova E. The Cafe Saigon Tusovka: One Segment of the Informal-Public Sphere of Late Soviet Society // Biographical Research in Eastern Europe : Altered Lives and Broken Biographies / R. Miller, R. Humphrey, E. Zdravomyslova (Eds.). L. : Ashgate, 2002. P. 141—180.

ББК 60.542.2

Н. В. Досина, Я. О. Смирнов

РЕЖИМ РЕАЛИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНО- ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: МЕРА АДЕКВАТНОСТИ ВРЕМЕНИ

Становится все более понятно, что нельзя однозначно представлять процессы влияния государства на социально-демографическую сферу развития общества: прямолинейный причинно-следственный анализ не может помочь понять природу демографического кризиса и преодолеть его. Для политической практики важно иметь в виду следствие действия открытого закона глобального демографического перехода. Обратившись к целостному феноменологическому описанию демографического роста и рассматривая человечество как единую глобальную систему, ученые пришли к выводу, что рост человечества основан на механизме квадратичного коллективного взаимодействия, который хорошо изучен в физике конденсированного состояния и кинетике нелинейных явлений в синергетике. Квадратичный рост населения планеты указывает на то, что в человечестве процесс аналогичен: переход определяют не ресурсы, причину кризиса следует искать в идеях, системе ценностей, моральных норм, традиционно определяющих поведение людей в течение длительного времени.

Вопрос о том, насколько ориентиры и приоритеты в социальной сфере, например в сферах образования, труда и занятости, сбалансированы с ценностными ориентирами мер современной демографической политики России, оста-

© Досина Н. В., Смирнов Я. О., 2011

ется сложным и нерешенным. С его решением в настоящее время связаны некоторые проводимые специалистами достаточно обширные социологические исследования, в частности на тему «Гендерная дифференциация представлений о социальной солидарности в современном российском городе» (Иркутский государственный университет, 2010 г.). При помощи контент-анализа выявлялись наиболее частотные категории, встречающиеся в нарративах участников фокус-групп. Исследование показало, что важной проблемой является формирование влиятельной совокупности ценностей, обуславливающих новый образ и стиль жизни, стимулирующий достижение личного благополучия, но не расходящийся с нравственными традициями. Постепенно появляется ниша для формирования влиятельной системы ценностных ориентиров, которая может сложиться на основе процесса укрепления семьи, главного источника нравственных норм и ценностей. Но налицо определенное расхождение представителей гендерных групп по вопросу значимости ценностей индивидуальных усилий, личной успешности и предприимчивости в противовес воспроизводству традиций (см. об этом: *Полюшкевич О. А.* Гендерная дифференциация представлений о социальной солидарности в современном российском городе // *Женщина в российском обществе.* 2010. № 3).

Нас более всего заинтересовала одна из позиций *О. А. Полюшкевич*, предполагающая оценку российскими гражданами оптимальных ресурсов движения страны вперед и избежание новых ошибок в области социально-демографической политики. Отталкиваясь от этого положения и задавшись целью обнаружить возможности для коммуникации социодемографических групп мужчин и женщин (гендерных групп) и их взаимной трансформации, мы в течение 2010—2011 гг. провели ряд собственных социологических исследований. Одно из них было обращено к рядовым жителям Ярославской области (модель ценностей взаимоотношений в семье), другое — к участникам ежегодной отчетно-выборной конференции Ярославской женской общественной организации (модель фундаментальных ценностей, движущих поведением).

Авторами выяснялся, в частности, вопрос о том, насколько согласованы мнения молодых мужчин и женщин об имеющихся возможностях создать полноценную семью с детьми, т. е. о причинах, заставляющих молодые семьи откладывать рождение детей. Согласно полученным данным, потребность в детях связывают с наличием такой потребности у своего партнера или мужа, жены: женщины — в 88 % случаев, мужчины — в 85 %; со своими планами профессионального роста: женщины и мужчины в 72 % случаев; с материальным благополучием: женщины — в 63 % случаев, мужчины — в 68 %; с так называемой модой на детей в обществе: женщины и мужчины в 58 % случаев; с традициями родительской семьи, семейного воспитания: женщины — в 57 % случаев, мужчины — в 63 %. Мужчины выделили фактор осознания себя как человека, обладающего чувством патриотизма, желанием «помочь» России справиться со многими реальными проблемами (58 % респондентов).

Результаты анкетирования показали, что решения в семье относительно времени рождения ребенка, интервалов между рождениями, количества детей наиболее часто принимаются сообща партнерами/супругами, поэтому потребности каждого из членов семейной пары должны быть довольно четко обозна-

ченны ими и могут определенным образом сочетаться. Желания мужчин и женщин иметь детей могут не совпадать — как по определенному их количеству (1,8 против 2,0 в выборке), так и по времени рождения каждого из детей, по временным лагам между рожденьями. В данном случае речь идет о необходимости консенсуса (или компромисса) и различного рода договоров, определяющих этот консенсус/компромисс. В том случае, если доминирующим партнером в семье является мужчина, компромисс может «сдвигаться» в сторону уменьшения потребности в детях (1,8 для респондента-мужчины, 2,0 для респондента-женщины), воспроизводственный потенциал семейной пары в таком случае может существенно снизиться. Проблема интервала между рожденьями детей заключается в следующем: современные женщины, имеющие партнера, чаще стремятся быстрее, в ранние возрастные периоды родить первого ребенка, чтобы продолжить карьеру, поэтому возрастает временной промежуток между первым и вторым рождением. Небольшая отсрочка с рождением первого ребенка может затем отодвинуть его рождение к 30 и более годам, т. е. к тому времени, когда женщина станет самостоятельной и независимой. Но если доминирующий партнер — мужчина, то этот временной промежуток может быть несколько меньшим.

Отражение «гражданской ответственности» социально-демографического развития в нормативно-правовых актах современной России, не является, по нашему мнению, полным и всеобъемлющим, может быть дополнено и развито новыми мерами социально-демографической политики. Наиболее продуктивно, как нам представляется, вынесение обсуждения вопросов социально-демографической политики в СМИ с подключением заинтересованных общественных организаций. Это будет способствовать как увеличению доступности для граждан информации о мерах социальной поддержки государством семей и родителей, о существующих социальных программах реализации воспроизводственного потенциала семьи, так и расширению представлений о ценностях полной семьи, имеющей нескольких детей, о значимости семейного устройства детей, оставшихся без попечения родителей, детей-сирот. Реальная жизнь настаивает на превращении социально-демографической политики в публичную. Формирование такой политики, ответственного репродуктивного поведения молодежи в конечном итоге призвано содействовать оформлению самого правового статуса современной социально-демографической политики.

Перед двумястами членами женской организации методом анкетирования среди прочих были поставлены следующие вопросы, на которые получены следующие ответы:

1) в современных стратегиях деятельности женских организаций России используются традиционные ценности или внедряются новые? — В деятельности женских общественных организаций используются преимущественно традиционные ценности, в том числе ценности крепкой семьи, содружества поколений в семье — 22 %; преимущественно новые — 34 %; пятьдесят на пятьдесят (и старое и новое) — 38 %; затруднились с ответом — 2 %; другое — 4 %;

2) в какой степени в технологиях согласования действий/взаимодействий гендерных групп используется манипуляция? — Очень часто, практически по-

всеместно — 49 %; часто, но не всегда — 32 %; время от времени — 10 %; очень редко, практически никогда — 9 %; затруднились с ответом — 8 %;

3) использовали ли Вы лично технологии согласования действий/взаимодействий гендерных групп? Была ли цель определенного решения в социально-демографической сфере достигнута? — Да — 53 %, нет — 47 %;

4) какова эффективность коммуникационного канала для технологий согласования действий/взаимодействий гендерных групп (пресса, радио, телевидения, Интернета, собрания, конференции)? — В политике — 53 %, образовании — 20 %, здравоохранении — 12 %, сфере права — 5 % и др. Ответы участников анкетирования дали понять, что в восприятии технологий согласования действий/взаимодействий гендерных групп в России у массовой аудитории преобладает позитивная окрашенность — 28 %, скорее позитивная окрашенность — 19 %, нейтральная окрашенность — 29 %, скорее негативная окрашенность — 21 %, негативная окрашенность — 3 %, затруднились с ответом — 10 %.

Обобщение результатов исследования стало возможным при распространении среди участников областной женской общественной конференции анкеты с дополнительными вопросами, направленными на изучение отношения присутствующих к 15 следующим положениям:

— для эффективной социально-демографической политики необходимо:
1) улучшить интеграцию мужчин в общественные связи с женщинами;
2) обществу мягче относиться к женщинам; 3) тратить деньги на регулирование процессов социального равенства;

— для повышения эффективности социально-демографической политики необходимо распространять в обществе мнение о том, что: 4) власть — не благотворительная организация; 5) дружественные отношения гендерных групп — не исключение, а объективная реальность; 6) права просителей, обращающихся во властные органы, следует ограничивать; 7) следует опасаться того, что роженицы в скором времени станут в России меньшинством;

— цели социально-демографической политики должны быть в первую очередь направлены на то, чтобы: 8) право рожениц было охраняемым по всей стране; 9) была прекращена враждебность к женщинам, наносящая вред всей стране; 10) прежде всего создавались нормальные условия для молодых семей; 11) при этом не терялись из виду все остальные семьи и люди; 12) гендерная культура не означала гонение мужчин из властно-управляющих структур; 13) прекратилось манипулирующее влияние мнения о том, что во власти нет свободных мест, 14) что женщины ничего не понимают во власти, 15) что интеграция женщин во власть — убийство власти и политики.

Оценка ставилась по семибалльной шкале — от полного несогласия (1) до полного согласия (7). Результаты опроса 118 человек рассчитывались в программе SPSS методом вращения факторов (ортогонального вращения по так называемому методу варимакса), т. е. сведением большого числа переменных к меньшему количеству независимых влияющих величин — факторов. При этом в один фактор объединялись переменные, сильно коррелирующие между собой. Целью факторного анализа являлось нахождение таких комплексов факторов, которые как можно более полно объясняют наблюдаемые связи между переменными, находящимися в наличии. При помощи стандартизированных

значений переменных рассчитывались корреляционные коэффициенты Пирсона между рассматриваемыми переменными.

Результаты анализа данных позволили увидеть, что три фактора имеют значение, превосходящее единицу. Следовательно, имело смысл отобрать для анализа только их. Варианты мнений можно отнести к трем факторам в следующем порядке. Фактор 1. «Враждебная точка зрения»: власть — не благотворительная организация; роженицы станут меньшинством; гендерная культура означает гонение мужчин; во власти нет свободных мест; женщины ничего не понимают во власти; интеграция женщин во власть — убийство власти и политики. Фактор 2. «Дружелюбное или осторожное отношение»: необходимо улучшить интеграцию мужчин...; необходимо мягче относиться к женщинам; необходимо налаживать дружественные отношения; права просителей следует ограничивать; враждебность к женщинам наносит вред всей стране; мы все практически находимся в этих условиях. Фактор 3. «Социальные страхи»: необходимо тратить деньги на регулирование...; права просителей следует ограничивать; роженицы станут меньшинством.

Определение значения факторов показало, что здесь не наблюдается враждебная направленность или она слаба. Выбранное в качестве метки для второго фактора выражение «Доброжелательная позиция» дало возможность сделать вывод, что едва ли в этом случае присутствует полностью доброжелательное отношение к другой гендерной группе. В качестве метки для третьего фактора мы выбрали выражение «Социальные страхи». Наблюдение характеризуется очень высоким факторным значением. В этом случае наблюдаются очень сильные социальные страхи.

Как показало исследование, участники понимают, что наиболее важная проблема трансформации гендерных взаимодействий в социально-демографической сфере в РФ состоит в том, чтобы роль государства не сводилась к призыву к повышению рождаемости, его внимание должно фокусироваться на семейных ценностях и создании крепкой и благополучной семьи. Эффективность большинства принимаемых политических мер на основе анализа демографического развития общества можно проанализировать только через длительные временные отрезки, например через поколение. В этой связи актуализируется проблема перманентного, промежуточного между демографическими циклами развития семьи контроля за развитием социально-демографических процессов в обществе. Речь в данном случае идет не о реальных демографических показателях, фиксируемых статистическими органами, а о потенциальных показателях, определяемых в ходе социологического исследования. Основной показатель — воспроизводственный потенциал семьи, т. е. то, сколько семейная пара готова иметь детей вообще, в ближайшие пять лет и в обстоятельствах, если были бы выполнены все необходимые условия. Факторы могут быть внешними по отношению к самому явлению, обуславливающими внешние возможности реализации потребности семьи в детях (доходы, жилищная обеспеченность, бытовые удобства, объем пособий), и внутренними, являющимися следствием внутрисемейного консенсуса семьи в отношении возможностей реализации по-

требности в детях и условий развития самой семьи (количество детей, социальный статус родителей).

ББК 60.542.21

Ю. Д. Анчабадзе

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ В АДЫГСКОМ АУЛЕ 1920-х гг.: ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ

Важнейшей государственной задачей, провозглашенной большевиками после прихода к власти в октябре 1917 г., стало «раскрепощение» женщин. Это подразумевало их вовлечение в социалистическое строительство и общественную жизнь, приобщение к актуализированным идеологическим лозунгам и превращение в конечном итоге в социально активную, но политически лояльную массу. Между тем было очевидно, что достичь декларируемых целей невозможно без коренной ломки старого быта, без изменения социокультурного и ментального статуса женщины, что многократно усложняло задачу, особенно в национальных регионах России, в частности на Кавказе.

Однако местные власти ретиво взялись на немедленное выполнение партийных директив по решению женского вопроса. Так, в циркулярном письме от 10 октября 1924 г. ЦИК Кабардино-Балкарской автономной области напомнил всем нижестоящим органам о том, что он придает «колоссальное значение делу перевоспитания туземных женщин» [10, ф. Р-236, оп. 1, д. 8, т. 2, л. 204 об.]. Актуальность этой задачи была очевидна. Большевики понимали, что серьезнейшим препятствием на пути задуманного строительства нового общества является ненавидимый ими старый, традиционный, патриархальный быт. Между тем его устои коренились во многом в семье, в социализирующей системе традиционного воспитания, которое целиком находилось в руках женщин. Поэтому было крайне важно разрушить основания старого быта, взорвать «узкий семейный мирок», вывести его из под векового влияния женщины. Но для этого надо было перевоспитать саму женщину, освободив прежде всего от исключительной привязанности к семейному очагу.

Как обычно, административные кампании сопровождались мощным и шумным пропагандистским аккомпанементом. На этот раз главным пропагандистским клише стало утверждение, что важнейшая цель советской работы на данном направлении заключается в том, чтобы «добыть свободу для темной горской женщины». Что касается практической деятельности, то она принимала разные формы. Так, естественным образом считалось, что важнейшим средством перевоспитания женской массы является ее идеологическое просвещение. Каналом этого стали всевозможные лекции, собрания, митинги, активы, заседания, лавина которых буквально обрушилась на головы сельчан.

Например, в кабардинском ауле Кызбурун-2 в 1928 г. за короткое время было проведено 19 общих собраний граждан, помимо которых дважды соби-рался сельский актив, трижды созывались «общие собрания бедноты», что не исключало и другой формы собраний, на которые созывались просто «группы бедноты», и др. Повестки дня многих из этих мероприятий включали вопросы идеологического и разъяснительного характера, поэтому для правильного освещения политически важных тем на места часто приезжали лекторы и идеологические работники из окружных центров. Областные органы вменяли в обя-занность местной администрации следить, чтобы на всех проводившихся ме-роприятиях присутствовали женщины. Но, помимо этого, жительниц того же Кызбуруна 2 еще дважды собрали на специальные женские собрания [10, ф. Р-2, оп. 1, д. 503, л. 50].

Идеологическая работа особенно активизировалась во время важных по-литических кампаний, например выборных. Предвыборная агитация рассмат-ривалась властями как действенная мера по политико-идеологическому воспи-танию масс, в том числе женщин, участием которых во всех соответствующих мероприятиях придавалось большое значение. Особенно активная работа ве-лась во время выборных кампаний в местные органы власти, в сельские испол-комы. Стремясь не допустить в состав Советов нежелательные элементы и дать правильное политическое направление трудящейся массе, в селах практикова-лись беседы на темы «как проводить выборы», «кого нужно выбирать», кото-рые проводили ответственные работники окружкома партии.

В партийной статистике утверждалось, например, что в Адыгее в выборах местных Советов приняло участие «женщин-черкешенок» в 1923 г. — 5 %, в 1924—1926 гг. — 10 %, 1926—1927 гг. — 19,4 %, 1928—1929 гг. — 20 %, но в выборных кампаниях 1930—1931 гг. на избирательные участки пришло уже 75,3 % женщин. Вряд ли можно сомневаться в причинах столь феноменального взлета политической сознательности и активности женского населения Адыгеи, тем не менее в партийных документах победно фиксировалось, что «темная, порабощенная в бытовом, правовом и экономическом отношении черкешенка-беднячка, середнячка стала сейчас в ряду активных строителей социализма» [7, ф. 17, оп. 21, д. 2273, л. 24—25].

Активность адыгской женщины поощрялась и в рамках «выдвиженчен-ской» кампании, когда за женщинами резервировалось определенное количе-ство мест в низовых административных структурах. В Кабарде женщины-выдвиженки появились после выборной кампании 1924 г. Так, при выборах Каменноостского сельисполкома в ноябре 1924 г. были избраны 22 человека, «из коих беспартийных 13 членов РКП(б), кандидатов РКП(б) 7, из них 2 жен-щины» [10, ф. Р-236, оп. 1, д. 7, т. 2, л. 536]. Избранный в то же время исполком Залукокуаже был составлен из 11 человек, «из коих 1 женщина-беднячка, 6 кандидатов РКП(б) и 4 беспартийных бедняка» [там же, л. 532]. В селе Урванском «членов Совета и кандидатов избрано 23, из коих коммунистов — 8, женщин — 6, бедняков — 10, середняков — 12, зажиточных — 1» [2].

Большое значение власти придавали вовлечению женщин в деятельность многочисленных обществ, организаций, ячеек, объединений, в обилии возник-ших в послереволюционной адыгской деревне. Общества и объединения быва-

ли порой весьма экзотическими. Так, 29 июля 1922 г. в малокабардинском селении Акбаш была образована «первая женская ячейка туземных женщин, сочувствующих КП». Газета «Красная Кабарда» назвала это событие «великим сдвигом в работе среди женщин-кабардинок» [5].

Одной из мер, и по-своему достаточно эффективной, по вовлечению женщин в советский быт было устройство так называемых учебных городков. Здесь с женщинами проводились занятия, которые включали обучение грамоте, проведение «просветительных» бесед, ознакомление слушательниц с «передовыми» достижениями в области хозяйствования и др. Слушательниц набирали, как это именовалось на актуализированном сленге того времени, «по разверстке», в соответствии с которой каждый сельсовет был обязан поставить в городок определенное число мобилизованных. Власти придавали большое значение этому направлению своей деятельности, о чем со всей определенностью было сказано в циркулярном отношении ЦИК Кабардино-Балкарской автономной области от 14 октября 1924 г., разосланном во все сельсоветы [10, ф. Р-236, оп. 1, д. 8, т. 2, л. 204].

Органы местной власти прониклись важностью вышеозначенной идеи. Так, председатель сельсовета Залукокуаже сообщал окружному начальству 29 октября 1924 г. о том, что «разверстка женщин в учебный городок была выполнена не только полностью, но даже с излишком». Как оказалось, председатель имел полное основание направить в округ подобную победную репликацию, ибо из Залукокуаже в учебный городок «было послано 2 женщины», между тем от вверенного председателю селения требовалась всего 1 женщина [там же, л. 210]. Аналогичный успех был достигнут в селении Сармаково [там же, л. 214].

Эти факты давали возможность властям трубить о победах, достигнутых в деле «раскрепощения» женщины-горянки, демонстрировать на слетах и конференциях национальных выдвиженок, снабжать пропагандистские материалы газетных и журнальных статей выразительными снимками и хлесткими заголовками. Между тем была и другая сторона этого процесса. По понятным причинам она редко становилась предметом общественного обсуждения, а если и становилась, то соответствующие факты трактовались как трудности, с которыми в ближайшее же время будет покончено. Архивные документы более откровенны в этом отношении, т. к. позволяют представить реальные сложности, с которыми сталкивались власти, пытаясь «перевоспитать» горянку.

«Женщина-черкешенка не имеет права по своему желанию бывать в обществе», — отмечалось в советской прессе [6]. Это беспокоило новые власти, поскольку естественным образом затрудняло работу среди женщин, не давало вовлекать их в производство, сужало возможности пропагандистской работы. Однако в этнографическом кавказоведении уже давно показано, что подобные утверждения, весьма, кстати, распространенные, искажали реальную ситуацию горского быта. Женщина-горянка имела достаточно большой выбор поведенческой активности в общественной сфере, но те ее формы, которые напористо и агрессивно внедрялись в жизнь большевистскими практиками, посвященными «женскому вопросу», слишком резко противоречили гендерным стереотипам, разрушая традиционные границы мужского и женского пространств.

Отсюда возникали непредвиденные ситуации. Так, на выборах Совета в селении Кенже 27 января 1926 г. женщины, чтобы избрать своих представителей, «отделились (от мужчин) и наметили кандидатов и в Совет, и в ревизионную комиссию, и на окружной съезд Советов» [3]. В одном из партийных документов того времени шел разговор о вышеупомянутой женской ячейке поддержки РКП(б), созданной в селении Верхний Акбаш. В отличие от фанфарной публикации об этой ячейке в «Красной Кабарде», автор документа жаловался на трудности. Дело в том, что, помимо женской ячейки, в Акбаше была создана такая же, но мужская. Автор сетовал, что ячейки нельзя слить в одну, «так как мусульманки сторонятся мужчин и в их присутствии “стыдятся” даже выговорить слово» [9, ф. 1, оп. 1, д. 9, л. 32]. В кабардинском селении Ерокко даже в середине 1920-х гг. женщины практически не посещали советских собраний [10, ф. Р-2, оп. 1, д. 503, л. 57], традиционный этикет продолжал в достаточно сильной степени действовать в адыгской среде.

При этом власти не без оснований видели в родственном и общинном коллективе, прежде всего в его мужской части, мощный орган контроля за социальным поведением женщины. Действительно, мужские родичи весьма болезненно воспринимали попытки большевиков расшатать традиционные устои женского быта. Так, жителей Урванского «три раза пришлось уговаривать <...>, чтобы они пришли и пригласили на выборы своих жен и дочерей. Сначала категорически заявили, что их жены не желают идти, а когда было доказано, что это неверно, заявили, что у одной малое дитя, другая больная, третья уехала в гости, четвертая заперла хату и куда-то ушла» [2]. Особо ретивыми ненавистниками нововведений советская пропаганда считала людей старших возрастных групп, которых печатно оскорбляли и унижали. Так, рассказывая о работе среди женщин, «Красная Кабарда» отмечала, что работа эта осуществляется тайком от стариков «являющихся наибольшими ревнителями своих эфипских законов по отношению к женщинам» [4].

Характерный случай произошел в селении Мисостово. В июне 1921 г. по кабардинским селам проехала важная чиновница — инструктор отдела работниц при Горском комитете РКП тов. Сухова, имевшая задание набрать делегатов для слета женщин-горянок во Владикавказе. Однако Сухова столкнулась с непредвиденными трудностями. В рапорте, составленном по свежим следам происшедших событий, она жаловалась, что в Мисостово она и сопровождающие лица «никакой помощи не встретили», более того, «подвергались всевозможным нелепостям и оскорблениям со стороны мужчин», при этом неоднократно по адресу прибывших слышалось: «Приехали смущать женщин». Председатель исполкома заявил посланцам: «Не дам ни одной делегатки на съезд». Суховой ничего не оставалось, как пригрозить председателю арестом. Лишь после этого тот несколько смягчился и стал более сговорчивым, пообещав, что «если другие аулы дадут делегатов, тогда и мы дадим». Неудивительно, что у Суховой сложилось твердое убеждение, что Мисостово «самое контрреволюционное» село [7, ф. 64, оп. 1, д. 119, л. 157, 157 об.].

Поэтому, проводя кампании среди женщин, большевики стали применять весьма своеобразные приемы работы, которую «Красная Кабарда» назвала «нелегальной», поскольку она проводилась «тайком от мужей». Как применя-

лись эти «нелегальные» методы, газета поведала, описывая случай в селении Лечинкай. Здесь пошли на хитрость: «Все мужчины были на общественных мелиоративных работах, и решено было до их прихода провести собрание женщин. Крикун (глашатай) обошел это небольшое селение и через час на сход явилось 114 женщин» [4].

Между тем женщины пытались сопротивляться, прежде всего особенно «страшным» для их самосознания нововведениям советской власти. Настойчивые попытки новых руководителей мобилизовать женщин на различного рода курсы, семинары, отправить их с просветительными целями в окружцентры, учебные городки, что предполагало выезд за пределы села, в большинстве случаев наткнулись на стойкое сопротивление и нежелание женщин подчиниться новым соблазнам эпохи. Соответствующие мобилизационные кампании 1920-х гг. часто завершались неудачей.

Так, председатель исполкома селения Псынодаха в сообщении председателю ревкома Нагорного округа 30 октября 1924 г. признавался: «...выполнение разверстки женщин во вверенном мне селении затруднительно». Свои затруднения председатель объяснял «заканчиванием осенних домашних работ», хотя главная причина состояла в том, что девушек подходящего возраста только 2 и они по семейным обстоятельствам оторваны от дома быть не могут [10, ф. Р-236, оп. 1, д. 58, т. 2, л. 205]. Еще более худшая ситуация сложилась в селении Хабез. Председатель местного исполкома был вынужден сообщить в округ о том, что женщин, желающих учиться в учебном городке, во вверенном ему селении не оказалось [там же, л. 213].

Это заявление, по существу, было самоубийственным. Власти с большим неудовольствием столкнулись с фактическим провалом кампании по разверстке слушательниц учебного городка. В циркулярном письме от 10 октября 1924 г. ЦИК КБАО, в частности, констатировал, что «разверстка по укомплектованию женщинами учебного городка до сего дня некоторыми селениями не выполнена, хотя срок исполнения истек 15 сентября с. г.». ЦИК предложил окружным органам «немедленно проверить на месте выполнение разверстки и к сельисполкомам, не выполнившим ее, принять имеющиеся меры побуждения и воздействия». Председатель ЦИК КБАО Б. Э. Калмыков, подписавший циркулярное письмо, пригрозил, что «по размерам выполнения разверстки президиум ЦИК будет судить о работоспособности Исполкома» [там же, л. 204].

Тем не менее, несмотря на спускаемые сверху разрядки, сельские власти были вынуждены конфузливо сообщать о невыполнении поставленных перед ними ответственных задач. При этом неуклюжие объяснения причин: «нет девушек подходящего возраста», «затруднительно ввиду заканчивания осенних домашних работ», «по семейным причинам оторваны от дома быть не могут» и т. п. — скрывали активное неприятие женщинами навязываемых новых поведенческих норм. Характерно, что сложившаяся ситуация порождала в общественном сознании специфические женские страхи. Так, по словам жительницы села Нартан Бекановой, «когда она ехала первый раз в Нальчик на какой-то съезд или пленум, то ей сказали, что в Нальчике как соберутся все делегаты, то в комнате потушат огонь, и тогда кто кому попадет, того и жена будет» [1].

Консерватизм адыгских женщин раздражал власть. Льстиво величая их в передовых статьях газетных официозов, в дежурных выступлениях на пленумах, слетах, митингах «активными строителями социализма», партийные функционеры одновременно унижали и дискредитировали адыгских женщин. Излюбленными стали фразы о «рабстве женщин перед мужчинами», о «полной зависимости от мужчины-мужа или же родителей-стариков», об испытываемых женщинами-черкешенками «всякого рода насилиях».

В пропагандистском рвении дело доходило порой до крайне одиозных измышлений. Скажем, в ряде своих выступлений Б. Э. Калмыков развивал теорию о полной непригодности кабардинских женщин. «Кабардинские трудовые женщины, — говорил он, — не отличаются физическим достатком в силу прошлой забитости и духовного рабства <...> Как общее правило — кабардинки не умеют приспособиться к тяжелой минуте крестьянского хозяйства: во время голода, во время болезни кого-либо из членов семьи она бессильно опускает руки. Она не умеет ухаживать за своим ребенком, не умеет держать в доме чистоту, не может постирать белье, не умеет готовить пищу, не знает, что такое огород». Перспективы, по Калмыкову, были нерадостные: «...чтобы научить кабардинскую женщину, понадобятся долгие годы. Чтобы вылечить ее от духовых ран рабства и забитости, нужны десятилетия, чтобы возродить ее физически требуется еще большее время» [8].

Тот же Б. Э. Калмыков внес в этот набор инвектив новую струю, коснувшись специфического явления в кабардинской среде первых лет революции, когда падение сословных перегородок сделало возможным межсословные браки. В частности, для многих мужчин-кабардинцев стали весьма желательными и привлекательными браки с женщинами из бывших дворянско-княжеских фамилий. Между тем революционный лидер Кабарды предостерег кабардинских мужчин от такого шага: женщины из привилегированного сословия имеют физические недостатки. «Целые столетия одна и та же кровь в кабардинских князьях и дворянах текла по одним и тем же жилам и неумолимые законы природы <...> [сделали] эти считающиеся высшими породы людей слабоумными, хилыми, идиотами, способными только к продолжительному кутежу и разврату. Браки трудовой молодежи с женщинами из этих классов сейчас дали чахлае потомство, а новые хозяйки внесли в крестьянский дом мало хорошего, физический труд им неведом» [8].

Пропагандистские кампании принимали порой полуанекдотические формы. Так, в 1920-х гг. в Кабарде проводилась усиленная агитация за межнациональную брачность. Ее застрельщиком выступил опять Б. Э. Калмыков, который объявил, что мелкие народности, которые не имеют свежего притока крови извне, постепенно вымирают, а поэтому «кабардинец и балкарец вырождаются». Спасти дело, «оздоровить» вымирающие народы, по Калмыкову, можно было только одним путем — «прилитием свежей крови от женщин русских, немок и т. д.» [8].

Таким образом, осуществляя масштабную программу по «перевоспитанию» женщины-горянки, власти задействовали весь имевшийся арсенал пропагандистских и организационных мер. В ходе реализации программы были достигнуты определенные успехи, что позволило советской пропаганде говорить

о практически повсеместном охвате женщин кампанией по ликвидации неграмотности, об их активном участии в избирательных кампаниях, в работе общественных организаций, на выборных должностях в органах местного управления. Однако в реальности властям пришлось столкнуться со многими сложностями, которые не были учтены идеологами и практиками решения женского вопроса. Агрессивное и грубое внедрение новых политических и идеологических стандартов вызывало противодействие и сопротивление со стороны адыгского аула. Многие нововведения оказались травмирующими для женского сознания, которое не было готово к столь радикальному изменению гендерного статуса в семейной и общественной жизни.

Библиографический список

1. В селе Нартан // Кабардино-Балкарская беднота (Карахалк). 1925. № 521.
2. В селе Урванском // Там же.
3. Выборы Совета в селении Кенже // Там же. 1926. № 616.
4. Кабардинка и женотдел // Красная Кабарда. 1922. № 106.
5. Корреспонденция // Там же. № 86.
6. *Кухтаев*. Заметки о женщине-черкешенке // Красная звезда. 1921. 5 апр.
7. Российский государственный архив социально-политической истории.
8. Там, где недавно был голод // Красная Кабарда. 1924. № 345.
9. Центр документации новейшей истории Кабардино-Балкарской республики.
10. Центральный государственный архив Кабардино-Балкарской республики.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА: ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ

ББК 60.542.22

Т. Б. Рябова, О. В. Рябов

«НАСТОЯЩИЙ МУЖИК»: О ГЕНДЕРНОМ ИЗМЕРЕНИИ СИМВОЛИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

Под символической политикой понимают деятельность политических акторов, направленную на производство и продвижение определенных способов интерпретации социальной реальности [4]. Символическая политика является важным элементом политической сферы, в которой различные акторы оперируют большим количеством символов, используя старые, иногда перекодируя их или же создавая новые. Функции символической политики многообразны, но основная заключается в легитимации власти. Как отметили П. Бергер и Т. Лукман, легитимация как способ «объяснения» и «оправдания» представляет собой многоуровневый процесс, включающий и апелляцию к символическому универсуму — системе теоретической традиции, впитавшей различные области значений и включающей институциональный порядок во всей его символической целостности [3].

Эффективная символическая политика предполагает использование различных ресурсов. Так, всякая власть, в большей или меньшей степени, использует ресурс истории, апеллируя к коллективной памяти или «изобретая» прошлое; тем самым символическая политика приобретает историческое измерение. Другим чрезвычайно востребованным ресурсом является ресурс национализма.

Символическая политика имеет и гендерное измерение — в той степени, в какой, во-первых, использует гендерный дискурс и, во-вторых, оказывает влияние на гендерные отношения. Скажем, апелляция к военному прошлому, создание «мест памяти», как правило, становится фактором поддержания гендерного порядка, укрепляя традиционные гендерные стереотипы мужчины как воина и защитника и женщины — как жертвы. В качестве символов выступают, к примеру, образы мужественности и женственности, репрезентации гендерных отношений, мужские и женские аллегории нации, которые не только включаются в национальную мифологию, но и активно используются в политической коммуникации. Оговоримся, что в качестве подобных символов используются как эталонные гендерные модели, так и «анти-эталонные» (образ

© Рябова Т. Б., Рябов О. В., 2011

слабого советского мужчины в антикоммунистической риторике постсоветского периода [18] и др.).

Цель нашей статьи состоит в анализе гендерного измерения символической политики в современной России на примере использования властью образа национальной мужественности.

Символическая политика нынешней власти, об эффективности которой свидетельствует ее широкая поддержка, использует, помимо исторического, геополитического, военного, конфессионального, гендерный ресурс. Разумеется, о каком-то одном направлении эксплуатации гендерного дискурса в современном обществе с его многообразием говорить едва ли возможно; скажем, гедонистическая гламурность занимает не последнее место в гендерных образах и символах нынешней власти. Однако гегемонным дискурсом является процесс, который мы обозначаем как «ремаскулинизация России»; он имеет несколько измерений, среди которых в качестве важнейших выступают наделение образа страны маскулинными коннотациями, демаскулинизация Чужих, создание привлекательных моделей национальной маскулинности.

Необходимо напомнить, что 1990-е гг. характеризовались скорее утратой привлекательных образцов мужественности и женственности [8, с. 219—233]. Мужчина перестроечных и первых постперестроечных лет обвинялся в несостоятельности, инфантильности, зависимости от государства, общества и женщины. Этому способствовало несколько факторов, в том числе значительное снижение жизненного уровня подавляющего большинства наших соотечественников и внезапная потеря мужчиной статуса кормильца; на международной арене болезненной оказалась утрата страной статуса сверхдержавы. Демаскулинизация стала одним из диагнозов, который ставится «больной России» (подробнее см.: [10, 11]).

Репрезентации России 2000-х гг. как успешной страны предполагали и вовлечение гендерного дискурса. Восстановление собственной маскулинности, явившееся реакцией на отмеченную демаскулинизацию, связанную с «периодом национального унижения» 1990-х, происходило как за счет феминизации Чужих, так и посредством создания привлекательных канонов национальной мужественности, которые призваны репрезентировать норму гендерных отношений и соответствуют идущим в обществе процессам [там же].

Такой привлекательной моделью маскулинности, своего рода ответом на образ слабого мужчины советских и первых постсоветских лет стал образ «мужика», приобретающий черты гегемонной маскулинности.

Являясь продуктом уникальной для отечественной истории социально-политической ситуации и постмодернистских медиа-технологий, образ «мужика» в какой-то степени синтезирует либеральный и советский типы маскулинностей; при этом он был создан в противовес репрезентациям западной маскулинности [11]. В основе данного типа лежат самостоятельность, экономическая независимость, уважение к частной собственности (в этом смысле «мужик» — антикоммунист). Вместе с тем он далек и от стопроцентной поддержки либерализма, ценности которого интерпретируются как культ индивидуализма и эгоизма, между тем как товарищество, мужское братство — важнейшие составляющие образа «мужика». «Мужик» не разделяет и либеральные ценности по-

литкорректности; сексизм и гомофобия в данной среде не считаются пороками. В отличие от воображаемого мужчины современного Запада «мужик» вынослив, крепок и силен; он говорит немного, но всегда отвечает за свои слова. Наконец, он является патриотом: предпочитает ценности отечественной культуры и выражает готовность защищать Родину.

Образ «мужика» — факт российской массовой культуры, в частности кино, рекламы, песенной поп-культуры [13; 19, с. 448, 487], в качестве канона национальной мужественности он отражается в общественном мнении [10, 11], в языковых структурах современного русского языка [6, 5].

«Мужик» становится и фигурой политического дискурса: этот образ-символ используется различными политическими акторами [9]. Среди способов включения этого символа в политическую риторику отметим прежде всего создание самих избирателей: гегемонный дискурс обращен именно к «мужику», как раз его образ чаще всего используется в политической рекламе. Власть не только эксплуатирует образ «мужика», но и вносит существенный вклад в его создание и продвижение через различные социальные институты. Подобно тому как, скажем, большевики создавали свой тип маскулинности, используя образ Павки Корчагина, а американская элита Холодной войны — тип маскулинности по образу героев Джона Вейна. Очевидно, каждый тип маскулинности воплощает определенные ценности и тем самым способствует укреплению или разрушению той или иной политической системы. Неслучайно одним из вариантов именованного для создававшегося осенью 1999 г. политического блока правящей элиты, наряду с утвержденным затем названием «Медведь» (Межрегиональное движение «Единство»), было название «Мужики» [14, с. 138]. Обратим внимание и на то, что медведь (воплощающий силу, выносливость, самостоятельность, грубоватость), брендинг которого является важным элементом символической политики «Единой России», становится одним из символов новой мужественности.

Кроме того, с помощью этого символа оцениваются политические акторы; такие маркеры, как «настоящий мужик», «русский мужик», используют не только избиратели, но и сами политики, журналисты, деятели культуры. Недавний пример: перед стартом парламентской кампании 2011 г. А. Пугачева сделала публичное заявление о том, что, пожалуй, вступила бы в партию, но только такую, где есть «настоящий мужик», а именно М. Прохоров [1].

В последнее десятилетие эти маркеры особенно часто применялись по отношению к В. Путину, что подтверждают как данные контент-анализа СМИ, так и результаты опросов общественного мнения [9, с. 166—172; 11]. Образ выступает и символом мужественности, и символом политической состоятельности: характеристика В. Путина как «настоящего мужика» коррелируется с его высоким рейтингом. Примечательно, что первоначально имидж В. Путина соответствовал скорее западным канонам маскулинности: президент выглядел как рациональный, практичный и сухой менеджер, по-деловому решающий вопросы, равнодушный к алкоголю и т. д. Но вскоре его имидж стал все более приближаться к национальным канонам маскулинности. В. Путин становится для россиян «своим мужиком, с которым хорошо было бы сходить на футбол или пропустить пару кружек пива» [7]. Способы коммуникации В. Путина в последние

годы, в частности «использование простой и доступной лексики», еще более приблизили его стиль к образу «мужика» [11].

Выделим три дискурсивные практики, которые вовлекаются в конструирование образа «настоящего мужика»: национализацию, военизацию, эротизацию.

Прежде всего, образ «мужика» оказывается включенным не только в гендерный, но и в национальный дискурс, поскольку апеллирует к «подлинной русскости». Активное вовлечение этого образа в политический дискурс объясняется значимостью национальных идентификаторов; за определение того, какие именно мужские качества являются подлинно национальными, идет символическая борьба.

Кроме того, в качестве символов используются отдельные атрибуты образа «мужика» (скажем, приписываемые ему социальные роли). Таким символом является образ «мужика»-защитника, «мужика»-воина, вполне вписывающийся в традиционные стандарты маскулинности, поскольку символика армии и воинов соотносится с образом «настоящего мужчины», во-первых, и с поэтикой власти, во-вторых [8, 15, 16, 17]. В этой связи не выглядят удивительными ни высокая значимость репрезентаций военной компетенции политиков в предвыборной прессе (см. данные социологических исследований в [9], ни корреляция образа «мужика» и воина-защитника в глазах «людей с улицы». Так, один из информантов, участвующих в нашем интервью, проведенном летом 2010 г., оценил В. Путина следующим образом: «Путин настоящий мужик, поскольку он и политик, и защитник <...> он был военным, а в армии воспитывают настоящих мужиков» [12].

Наконец, третья дискурсивная практика, эротизация, связана с акцентированием в политической риторике мужской (в том числе сексуальной) привлекательности политика. Его успех у женщин репрезентируется в качестве свидетельства политической состоятельности, наоборот (пример — эксплуатация данных интернет-опросов, согласно которым В. Путин назывался секс-символом России; см. подробнее: [9, с. 154; 11]). Подобную символику включают также в интерпретацию результатов политической борьбы, используя в механизмах социальной каузальной атрибуции (в объяснении высокого процента голосов за А. Лебеда на выборах 1996 г. в дискуссии на канале ОРТ 17 июля того же года звучало: «Ивановские ткачихи предпочли мужественного генерала»). Сражение так называемых армий Путина с лозунгом «Порву за Путина» и его анти-армий (июль 2011 г.) также часть символической борьбы за навязывание смыслов: кто мужчина настоящий, а кто — ненастоящий (и в данном случае политический контекст этого медийного события читался прямо: мы поддерживаем Путина-политика, поскольку он «шикарный мужчина» [2]).

Подведем итоги. Использование гендерного дискурса является значимым компонентом символической политики в современной России, о чем свидетельствует широкое вовлечение гегемонным дискурсом гендерных образов и символов. Всякая власть стремится манипулировать гендерными символами, образами, метафорами. В наибольшей степени преуспевает та, которая угадывает психологические потребности своих граждан. Популярность В. Путина в значительной степени связана с процессами восстановления коллективного мужского достоинства. В свою очередь, имидж национального лидера представляет собой важный фактор формирования образов национальной маскулинности и фемининности.

Библиографический список

1. Алла Пугачева готова примкнуть к «Правому делу», если «настоящий мужик» Прохоров позовет // newsru.com, 06.09.2011. URL: <http://www.newsru.ru/russia/06sep2011/pugapro.html> (дата обращения: 09.09.2011).
2. «Армия Путина» порвет любого. URL: http://www.newsinfo.ru/articles/2011-07-19/armiya_putina/757852/ (дата обращения: 01.09.2011).
3. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности : трактат по социологии знания. 2001. URL: http://www.i-u.ru/biblio/archive/berger_reality_social_construction/default.aspx (дата обращения: 01.09.2011).
4. Бурдьё П. Социология политики. URL: <http://www.bourdieu.name/content/burdesociologija-politiki> (дата обращения: 01.09.2011).
5. Гриценко Е. Язык. Гендер. Дискурс. Н. Новгород : Изд-во ННГУ им. Н. И. Лобачевского, 2005. 267 с.
6. Кирилина А., Томская М. Лингвистические гендерные исследования // Отечественные записки, № 2 (2005). URL: http://magazines.russ.ru/oz/2005/2/2005_2_7.html (дата обращения: 01.09.2011).
7. Кречетников А. Россияне увидели президента с голым торсом // BBC Russian.com, 22.08.2007. URL: http://news.bbc.co.uk/hi/russian/russia/newsid_6958000/6958798.stm (дата обращения: 01.09.2011).
8. Рябов О. «Россия-Матушка» : национализм, гендер, война в России XX века. Штутгарт : Ганновер : Ibidem, 2007. 290 с.
9. Рябова Т. Б. Пол власти: гендерные стереотипы в современной российской политике. Иваново : Иван. гос. ун-т, 2008. 246 с.
10. Рябов О., Рябова Т. «Россия поднимается с колен» : ремаскулинизация и новая российская идентичность // Личность. Культура. Общество. 2008. Вып. 3/4. С. 250—257.
11. Рябова Т. Б., Рябов О. В. Настоящий мужчина российской политики? : (к вопросу о гендерном дискурсе как ресурсе власти) // Полис. 2010. № 5. С. 48—63.
12. Рябова Т. Б., Цалко Е. О. «Русский мужик»: о роли гендерных маркеров в национальной идентификации // Europe — Russia: Contexts / Discourses / Images / I. Novikova (Ed.). Riga : LU DZSC-LEVIRA, 2011. С. 206—220.
13. Шабурова О. В. Мужик не суетится, или Пиво с характером // О муже(Н)ственности / под ред. С. Ушакина. М. : НЛЮ, 2002. С. 532—556.
14. Шакиров Ю. Партия власти, 1993—2000 : (исторические корни Всероссийской политической партии «Единая Россия»). Новомосковск : Рос. хим.-технол. ун-т, 2009. 239 с.
15. Connell R. W. Gender. Cambridge (UK) : Polity ; Malden (MA) : Blackwell Publishers, 2002. 173 p.
16. Goldstein J. S. War and Gender : How Gender Shapes the War System and Vice Versa. Cambridge : Cambridge University Press, 2001. 523 p.
17. Hooper C. Manly States: Masculinities, International Relations, and Gender Politics. N. Y. : Columbia University Press, 2001. 298 p.
18. Riabova T., Riabov O. «U nas seksa net»: Gender, Identity, and Anticommunist Discourse in Russia // State, Politics, and Society : Issues and Problems within Post-Soviet Development / A. Markarov (Ed.). Iowa City, 2002. P. 29—38.
19. Saburova O. «Мужик» как конструкт русской мужественности и его репрезентация в российской массовой культуре // Vater Rhein und Mutter Wolga : Diskurse um Nation und Gender in Deutschland und Russland / E. Cheure, R. Nohejl, A. Napp (Eds.). Würzburg : Ergon Verlag, 2005. S. 485—496.

ББК 60.542.2

К. Ф. Завершинский, Н. А. Завершинская

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛЕГИТИМАЦИЯ ГЕНДЕРНОГО ГОСПОДСТВА

Социальные феномены, которые принято номинировать гендерными, наряду с многообразными социальными измерениями всегда имеют политические коннотации, даже если речь идет о гендерном конструировании в семейных отношениях или организации опыта повседневного существования. По словам П. Бурдьё, продуцирование социальных практик женственности и мужественности неизбежно сопровождается «инкорпорированием политики». В процессе подобной семантической экспансии «социально сформированное биологическое тело» и «базовое воспитание» политизируются, а дифференциация по половому признаку наполняется этическим, политическим и космологическим смыслом, который выражает «фундаментальные оппозиции видения мира» [2, с. 323—324]. На этот же аспект обращает внимание Д. Батлер, полагая, что гендер — «проект, совокупность навыков, следование “за”, воля, даже работа, цель которых принудить тело принять знаковое выражение одной исторической идеи, а не другой» [1, с. 295].

Но даже если вы не разделяете политического радикализма П. Бурдьё, основанного на критической интерпретации гендерных «габитусных схем», или «психики власти» Д. Батлер, сложно не согласиться с посылкой, что гендерная символизация постоянно присутствует в фоновых практиках современной политической легитимации. Хотя гендер не является единственным социальным полем, внутри и посредством которого артикулируется власть, он выступает «первичным средством» означивания и обозначения отношений власти, поэтому изменения в гендерных отношениях всегда соотносятся с «изменениями в репрезентации власти», а «лигитимирующая функция гендера действует во многих направлениях» (напр.: [7, с. 422, 425]).

Наиболее очевидно широкое использование символических практик «гендерных различий» в социальных технологиях конструирования и легитимации современного политического порядка, будь то в политическом дискурсе избирательных кампаний или политизации содержания символических объектов гендерной идентичности для получения эффекта политической мобилизации или дезинтеграции. При этом теоретическим фокусом современных исследований гендера и политики являются вопросы политической институционализации, организации и легитимации гендерного представительства. Они нацелены на расширение и усложнение «женской» презентации и репрезентации в публичном пространстве как необходимое условие достижения гендерного баланса (подробнее см.: [11, р. 99—103]).

Актуальность и высокий уровень смысловой вариативности современного публичного дискурса политической легитимации гендерных различий *проблематизирует вопросы теоретико-методологических оснований* изучения процесса «политической гендеризации», стимулирует смену приоритетов в исследовательских стратегиях и задачах при выявлении взаимосвязи гендера и политики. Поэтому представляется методологически значимой теоретическая посылка не столько исходить «из того, что мы знаем, *что такое гендер*, сколько задаться вопросом, каким образом конструируются значения полового различия» [8]. Причем проблему следует усматривать не только в дальнейшей диверсификации предметного горизонта и артикуляции все новых форм презентаций и репрезентаций «утонченного мужского коварства» для сохранения своего доминирования в институциональных структурах власти (см., напр: [12]). Эта проблема в значительной степени решена (решается) за десятилетия существования гендерных и феминистских исследований. В то же время растет актуальность методологической проблемы иного рода — выявлять, *как* структуры и идеи, создающие и осуществляющие властные отношения, формируют и устанавливают границы гендерного дискурса. Подобная методологическая проблематизация исследований взаимосвязи гендера и политики, как полагают авторы статьи, нацеливает на поиски теоретической комплементарности при ответе на вопросы, что такое политический гендер и как он обретает границы в социальном пространстве и времени.

Стремление к обретению оснований для артикуляции теоретической комплексности в гендерных исследованиях политического процесса предполагает ответ и на другой вопрос: что общего имеют гендер и половые различия с проявлениями власти, поскольку для методологической комплементарности необходим известный теоретический консенсус по данной проблеме. В гендерных исследованиях присутствует отчетливая тенденция представить отношения публичной власти и гендера как абсолютное доминирование первой стороны, которая экстраполируется на характеристику взаимосвязи политических аспектов мужественности и женственности. При этом дискурс феминности представляется символическим конструктом для легитимации мужского политического господства, а восстановление гендерного баланса в политике — как способ достижения консенсуса, преодолевающего, вытесняющего насильственные практики из гендерных отношений и политики в целом.

Весьма показательна в связи с этим ситуация с практикой интерпретации «инкорпорирования» политического в гендер в отечественной гендерной политологии. В ней, на наш взгляд, продолжает доминировать советский дискурс, нацеленный на соединение эксплицитной идеологии равенства полов с имплицитной идеологией «женской вторичности» [4, с. 235]. Думается, что подобные исследовательские тренды не столько рационализируют проблему взаимосвязи политики и гендера, политического господства и гендерного равенства, сколько ее мифологизируют и идеологизируют. Посылка, что гендерное насилие, прежде всего, в политической форме преходяще, а его вытеснение «политикой гендерной справедливости» должно привести к нормативному балансу, который трактуется как согласие, мало соответствует коммуникативным реалиям

современного общества, где наблюдается калейдоскоп продуцирования все более изощренных способов использования гендерных различий в публичном контроле человеческого существования. Это достаточно очевидно при наблюдении символических практик современных массмедиа. Подобная коммуникативная практика может содействовать включению женщины или мужчины в публичные пространства при сохранении социального порядка, а может блокировать креативный потенциал гендера в создании и поддержании легитимного политического порядка. В любом случае имеет смысл вспомнить ремарку Н. Лумана, что мотивация политических предпочтений всегда происходит не благодаря некому согласию, искореняющему хаос произвола, а благодаря процедуре включения/исключения, принуждения, которое номинируется легитимным или нелегитимным [6, с. 23].

Более предпочтительной кажется исследовательская установка, акцентирующая то, что гендер относится к значениям, которые данная культура придает половым различиям между мужчиной и женщиной. Но гендер — это не только система классификаций, благодаря которой биологические мужчины и женщины подвергаются отбору, разделению и наделению соответствующими половыми ролями. Гендер выражает универсальное неравенство между мужчинами и женщинами, т. е. подразумевает иерархию и власть, а не только простые различия [3, с. 11—13]. В рамках подобной когнитивной схемы универсальность гендера, как полагают авторы статьи, проявляется не столько в «прогрессе» гендерной справедливости и социального равенства полов, сколько в постоянном продуцировании все новых гендерных различий и адекватных им практик политической легитимации.

Обозначенная актуальность и проблемность исследования неустанного конфликтного «взаимооправдания» гендера и публичной власти, презентующая смысл и содержание процесса политической легитимации гендерного господства, позволяет высказать некоторые предположения относительно методологических оснований изучения социальных механизмов легитимации гендерного господства и обозначить в связи с этим ряд теоретических посылок.

Концепт «гендерное господство» можно рассматривать как способ наблюдения, описания и самоописания общества («гендерную линзу политики») и как коммуникативную практику конструирования институциональных и организационных ограничений насилия в политическом пространстве современного общества посредством символизации половых различий.

Подобное «описание» есть «авторитетная интерпретация» (Т. Парсонс) институциональных предписаний гендерного присутствия в политических коммуникациях. Символические продукты подобного описания могут обретать форму «гендерной памяти», которая, как и всякая социальная память, функционирует как комплекс «некоторых заведомо известных “предположений” (“социальных ожиданий”) о реальности, которые не нужно специально вводить в коммуникацию и обосновывать в ней» [5, с. 104]. В зависимости от динамики и конфигурации «гендерных ожиданий» происходит генерализация индивидуальных смыслов (начинается отсчет со-бытия □ «женщин», «мужчин» и иных гендерных номинаций), возникают гендерные идентичности и их политические про-

екции как результат признания физическими индивидами наличия «публичных» координат у гендерных классификаций. Изучение специфики гендерных ожиданий во взаимосвязи с особенностями, порожденными ими в предметной, пространственной, а главное — темпоральной реальности (символических структур «женского» и «мужского времени» в политике) позволяет более отчетливо ответить на вопрос о смысле гендерного господства, т. е. «интернационализации» символически оформленных структур гендерных политических ожиданий [9, р. 95; 10, р. 9] во властные коммуникации.

Библиографический список

1. Батлер Д. Присвоение телом гендера: философский вклад Симоны де Бовуар // Женщины, познание и реальность : исследования по феминистской философии. М. : РОССПЭН, 2005. С. 292—303.
2. Бурдьё П. Мужское господство // Бурдьё П. Социальное пространство: поля и практики : пер. с фр. / отв. ред. перевода, сост. и послесл. Н. А. Шматко. М. : Ин-т экспериментальной социологии ; СПб. : Алетейя, 2005. С. 286—364.
3. Киммел М. Гендерное общество. М. : РОССПЭН, 2006. 464 с.
4. Кукаренко Н. Н., Поспелова О. В. Гендерные исследования в российской политической науке // Политическая наука в России: проблемы, направления, школы (1990—2007). М. : РАПН : РОССПЭН, 2008. С. 231—246.
5. Луман Н. Реальность массмедиа. М. : Праксис, 2005. 256 с.
6. Луман Н. Эволюция. М. : Логос, 2005. 256 с.
7. Скотт Д. Гендер: полезная категория исторического анализа // Введение в гендерные исследования. Харьков : ХЦГИ ; СПб. : Алетейя, 2001. Ч. 2 : Хрест. С. 405—436.
8. Скотт Д. Женская история и переписывание истории // Библиотека Гумер — социология. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/Article/skott_gens.php (дата обращения : 12.09.2011).
9. Habermas J. Legitimation Crisis. L. : Heinemann Educational Books, 1976. 163 p.
10. Hetherington M. J. Why Trust Matters: Declining Political Trust and the Demise of American Liberalism. Princeton (N. J.) : Princeton University Press, 2005. 185 p.
11. Rethinking Women's Substantive Representation / K. Celis, S. Childs, J. Kantola, M. L. Krook // Representation. L. : Routledge, 2008. Vol. 44, № 2. P. 99—110.
12. Paul D., Smith J. L. Subtle Sexism? Examining Vote Preferences When Women Run Against Men for the Presidency // J. of Women, Politics and Policy. 2008. L. : Routledge, 2008. Vol. 29. P. 451—476.

МУЖЧИНЫ И ЖЕНЩИНЫ КАК СУБЪЕКТ И ОБЪЕКТ ГЕНДЕРНОЙ ПОЛИТИКИ

ББК 60.542.21

Н. М. Степанова

УЧАСТИЕ ЖЕНЩИН В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ ОПЫТ РОССИИ И ВЕЛИКОБРИТАНИИ

Ни Россия, ни Великобритания не относятся к числу стран мира с высоким уровнем участия женщин в политической жизни, в том числе участия в национальных парламентах и правительствах. Согласно данным Межпарламентского союза на 31 июля 2011 г., по доле женщин среди депутатов нижней палаты парламента Россия занимала 82-е место в мире, Великобритания — 48-е. В Государственной думе РФ после выборов в декабре 2008 г. женщины составляют 14 % депутатов (63 из 450), в палате общин британского парламента после выборов в мае 2010 г. они составляют 22 % депутатов (143 из 650). Для сравнения укажем, что в Руанде и Андорре женщин среди депутатов свыше 50 %, в Швеции — 45 % [5]. Доля женщин-министров в консервативном кабинете Д. Камерона и правительстве В. Путина примерно 14 %. По этому показателю Россия и Великобритания также отстают от многих стран мира, в том числе европейских. Так, в Испании — 53 % женщин в кабинете, в Германии — 37 %, во Франции — 33 %.

В Великобритании до 1997 г. доля женщин среди депутатов парламента была крайне низкой. Она составляла 2,9 % после всеобщих выборов 1979 г., 3,5 % — после выборов 1983 г., 6,2 % — после выборов 1987 г., 9,2 % — после выборов 1992 г. И лишь после выборов 1997 г. она возросла до 18,2 %, в основном за счет Лейбористской партии, которая применила на этих выборах определенный тип квотирования [1, с. 153]. Опыт Великобритании представляет интерес для России с точки зрения отношения населения и политических партий к проблеме участия женщин во власти и практических мер, предпринятых партиями для исправления этой ситуации. Наличие гендерного неравенства широко осознается в Британии. Опрос, проведенный в марте 2010 г., показал: большинство британцев — мужчин и женщин — считают, что демократические институты страны находятся под мужским господством. 63 % полагают, что слишком мало женщин в палате общин, 82 % — что женщины-члены пар-

ламенты должны отдавать приоритет таким вопросам, как домашнее насилие и справедливость [2].

В преддверии выборов 2010 г. между лидером консерваторов Д. Камероном и лейбористским руководством развернулось соревнование в погоне специально за женским электоратом, составляющим в Британии, как и в России, большинство избирателей. Обе главные политические партии публично обязались предпринять ряд мер по увеличению числа женщин-парламентариев. Они поощряли женщин предлагать свои кандидатуры и помогали им на стадии отбора. Консерваторы провели серию реформ, включая создание приоритетного Списка А, в котором 50 % кандидатов должны были быть женщинами. Как показала практика, эта цель не была достигнута и мужчины по-прежнему составляли большинство консервативных кандидатов. В октябре 2009 г. Д. Камерон впервые попытался ввести полностью женские короткие списки, которые лейбористы использовали с 1997 г. Однако руководство столкнулось с большим сопротивлением со стороны местных консервативных ассоциаций, которые видели в этой мере покушение на свою автономию. Идея М. Тэтчер о «заслугах» (merits) как основе для успеха в политической деятельности была широко распространена среди рядовых членов партии и особенно среди узкого круга руководителей местного уровня. Но, несмотря на ожесточенное сопротивление «старой гвардии» в консервативной партии, Д. Камерон все же использовал полностью женские короткие списки в некоторых избирательных округах.

Либеральные демократы еще в 1997 г. провозгласили себя партией для женщин и, согласно Уставу, предоставляют треть мест во всех партийных органах женщинам. Однако они с большой осторожностью подходят к идее «позитивной дискриминации», считая ее «нелиберальной». По их мнению, только пропорциональная избирательная система станет шагом вперед в продвижении гендерного равенства в политике. Партия отличается почти полным отсутствием женщин в руководстве, хотя многие из них активны на заднем плане, выполняя различные административные функции в аппарате Н. Клегга.

И в Консервативной, и в Либерально-демократической партии в 2010 г. сохранилась давно установившаяся тенденция чаще выдвигать женщин в ненадежных округах, где они не имели шансов быть избранными. Обе партии под давлением автономии местных организаций и партийной идеологии, отдававшей преимущество меритократам, не решались на более сильные меры для изменения гендерного баланса своих парламентских кандидатур. По контрасту Лейбористская партия Великобритании приняла «гарантии равенства» — меры, направленные на то, чтобы *требовать* выдвижения женщин. Как и на трех предшествовавших парламентских выборах, в 2010 г. она использовала в части избирательных округов полностью женские короткие списки.

На всеобщих парламентских выборах 6 мая 2010 г. политическими партиями Британии было выдвинуто рекордное число кандидатов-женщин — 877 (21 % от общего числа). Из них наибольшее количество — 190 (30 %) — от Лейбористской партии (по сравнению с 26 % в 2005 г. и 23 % в 2001 г.), затем 151 (24 %) — от Консервативной партии (19 % в 2005 г., 14 % в 2001 г.) и 134 (21 %) — от Либерально-демократической партии (23 % в 2005 г. и 22 % в 2001 г.). В Зеленой партии женщины составляли 33 % кандидатов, в Британ-

ской национальной партии — 16 %, в Шотландской национальной партии — 29 %, в Партии альянса (Северная Ирландия) — 33 %, в партии «Шинн Фейн» — 18 % [4, р. 1—4].

За месяц до выборов в палате общин было 126 женщин, или 19,5 % от общего числа депутатов: 94 — от Лейбористской партии, 18 — от Консервативной, 9 — от Либерально-демократической и 5 — от других партий. На выборах 2010 г. была избрана 141 женщина, или 22 % от общего числа 649 депутатов, — наиболее высокая доля с тех пор, как в 1928 г. все британские женщины, достигшие 21 года, получили право избирать и быть избранными. Число женщин-депутатов от Консервативной партии увеличилось до 48 — с 9 до 16 % ее парламентской фракции, от Лейбористской — сократилось до 81, но в процентном отношении, на фоне общего падения числа лейбористских депутатов, выросло с 27 до 31 %. Число женщин-депутатов от Либерально-демократической партии сократилось с 9 до 7, или с 15 до 12 %. 1 женщина была избрана в парламент от Зеленой партии, 1 — от Шотландской национальной партии, 1 — от партии «Шинн Фейн», 4 — от партий Северной Ирландии, 1 как независимая. Впервые членами парламента стали 1 темнокожая женщина и 3 мусульманки [3].

По данным гендерного анализа выборов 2010 г. (MORI. How Britain Voted in 2010), Д. Камерону удалось реализовать свой план привлечения женщин-избирателей на сторону консерваторов. Доля проголосовавших за них женщин по сравнению с выборами 2005 г. возросла с 32 до 36 %. Одновременно с 34 до 38 % возросла доля поддержавших их мужчин. Поддержка Лейбористской партии женщинами сократилась на 7 %, мужчинами — на 6 %. Потерянные лейбористами женские голоса распределились между консерваторами и либеральными демократами (плюс 3 %). Тем не менее доля проголосовавших за консерваторов женщин осталась меньше доли поддержавших их мужчин (36 и 38 % соответственно).

Гендерные итоги выборов 2010 г. не оправдали надежд британских сторонников гендерного равенства в политике. Так, исследовательница гендерных проблем в политической жизни Британии профессор Бристольского университета С. Чайлдс считает выборы 2010 г. «упущенной возможностью для тех, кто добивается справедливого представительства женщин в Вестминстере». Ее возмущает то, что столь низкий результат был получен на фоне обещания лидеров всех трех главных политических партий провести больше женщин в парламент. По ее мнению, попытки объяснить ситуацию нежеланием самих женщин выдвигать себя в качестве перспективных кандидатов в члены парламента неправомерны, поскольку «в Британии все партии имеют достаточное число женщин, стремящихся быть выдвинутыми кандидатами, по крайней мере, в половине округов, в которых партии одержали победу, и/или в тех, которые являются выигрышными для них». На самом же деле «политические партии препятствуют тому, чтобы женщины становились кандидатами» [3].

В марте 2008 г. Д. Камерон дал обещание в случае победы на выборах предоставить одну треть постов в своем кабинете женщинам. Однако в кабинет, сформированный после победы на выборах 2010 г., он назначил четыре

женщины из 29 членов — на 3 меньше, чем входило в его теневой кабинет. Либеральные демократы не включили ни одну женщину в число пяти членов коалиционного кабинета, установленное им Д. Камероном. Несколько лучше обстоит ситуация с женщинами в теневом лейбористском кабинете: в нем 6 женщин, что составляет 31,5 % его членов.

Давая общую оценку участию женщин России и Британии в политике, следует подчеркнуть, что обе страны все еще значительно отстают по этому показателю не только от ведущих европейских государств, но и от многих стран Латинской Америки, Африки и Азии. «Стеклянный потолок», мешающий женщинам на равных правах войти в мужской мир политики, сохраняется и в России, и в Британии.

Библиографический список

1. Степанова Н. М. Гендерные перемены в политике // Великобритания. Эпоха реформ / под ред. А. А. Громыко. М. : Весь мир, 2007. 536 с.
2. *Alibhai-Brown Y.* The Future of Politics Lies With Women // The Independent. 2010. March, 22.
3. *Childs S.* Women and the British General Election 2010: the Ongoing Underrepresentation of Women. URL: <http://www.e-ir/info/?p=4228> (дата обращения: 09.09.2011).
4. Election 2010: Where the Women Candidates Are : a Report from the Centre for Women and Democracy. April 2010. URL: <http://www.leftforward.org/images/2010/05/WomenCandidatesFpril2010.pdf> (дата обращения: 09.09.2011).
5. Inter-Parliamentary Union. Women in National Parliaments. World Classification. Situation as of 31 July 2011. <http://www.ipu.org/wmn-e/classif.htm> (дата обращения: 07.09.2011).

ББК 60.542.2

А. А. Иудин, Д. А. Шпилёв

ГЕРМАНИЯ: ГЕНДЕРНАЯ ПОЛИТИКА КАК ОСНОВА ГЕНДЕРНОЙ КУЛЬТУРЫ

По мнению ряда немецких социологов, гендерная политика в Германии, в основном, воспринималась как политика в отношении женщин (см., напр.: [10, S. 40]). Причина такого подхода кроется в том, что женщины долгое время существовали в общественном сознании исключительно как слабый пол, как жертвы исторически сложившихся отношений между полами. Немецкие ученые давно поднимали вопрос о том, насколько подобная точка зрения на гендерную политику соответствует всей сложности отношений между женщинами и мужчинами, а также духу основного закона и закона об уравнивании в правах

© Иудин А. А., Шпилёв Д. А., 2011

женщин и мужчин (принят ГДР в 1950 г., ФРГ в 1957 г.). Концептуальное развитие гендерной политики последнего времени, приведшее, например, к появлению Gender-Mainstreaming (социальный комплексный гендерный подход) [1, с. 27—31], заставляет рассматривать гендерную политику как поле для формирования гендерной культуры [4, S. 32—38]. Гендерная культура описывает существующий в человеческой популяции нормативно-символический способ обращения с тем обстоятельством, что вид Homo Sapiens состоит из двух существ, главное различие между которыми в том, что только одно из них обладает способностью к рождению детей [10, S. 40]. С учетом этого различия строится определение категории пола, присваивается формальный половой статус, осуществляется гендерно-специфическое разделение труда, а также оценка соответствующих видов деятельности, сфер жизни, образцов поведения и социальных ролей. В связи с этим важным для социологов становится вопрос о том, каким образом в последние десятилетия в Германии гендерная политика влияла на развитие гендерной культуры и какая гендерная культура будет формироваться в ближайшем будущем.

Путь от патриархата к равноправию. Основу гендерной политики в Германии составляют понятия «мужчина» и «женщина»: именно эти категории встречаются как в Основном законе и в законе об уравнении в правах женщин и мужчин, так и в Германском гражданском уложении (Гражданском кодексе). С точки зрения биологии однозначно можно выделить только два пола. Первый пол, женщина, производит небольшое количество зародышевых клеток большого размера. Второй пол, мужчина, производит большое количество зародышевых клеток небольшого размера [3]. Во всех известных культурах между полами заключался союз (как правило, моногамный), в определенной институциональной форме регулировавший отношения между мужчиной и женщиной, направленные на зачатие, рождение и воспитание детей [22, S. 61—67]. Статья 6 Основного закона Германии защищает этот союз — брак и семью. Германское гражданское уложение регулирует права и обязанности супругов, которые после принятия в 1957 г. закона об уравнении в правах женщин и мужчин подверглись изменениям: мужчина перестал быть однозначным главой семьи и уже не обладает правом последнего слова в вопросах воспитания детей; женщина перестала быть исключительно домохозяйкой; супруги находят компромисс и договариваются о распределении работ по дому и профессиональной трудовой деятельности [7].

Отношения между супругами регулируются в том числе и налоговым правом. Закон о разделении налога на совместный доход супругов (Ehegattensplitting) разрешает супружеским парам единое налогообложение общего дохода, и налоговое бремя на семью сокращается пропорционально уменьшению заработка одного из супругов. Эта норма 1958 г. в последнее время подвергается критике: налоговое бремя на семейный бюджет должно снижаться в зависимости от количества членов семьи.

В немецкой научной литературе все чаще обсуждается вопрос о современном содержании понятия «семья». Является ли она по-прежнему биологическим репродуктивным единством, состоящим из родного отца, родной матери и детей? Или семья возникает повсюду, где люди заботятся друг о друге при

совместном проживании? Эти важнейшие вопросы гендерной политики государства связаны с тем, что формы семейной жизни в Германии изменились со времени принятия закона об уравнивании в правах женщин и мужчин. Если в 1972 г. 93 % всех детей младше 18 лет жили в традиционных семьях (родители состояли в законном браке), то в 2000 г. в старых федеральных землях этот показатель составлял уже только 84 %, а в новых федеральных землях — 69 % [5].

Однако один аспект семейной жизни остался без изменений: у детей есть биологическая мать и биологический отец, гласит Германское гражданское уложение. Но именно в данном случае открывается особая специфика взаимоотношений между полами: если мать ребенка известна точно, то мужчины не знают с абсолютной точностью, являются ли они биологическими отцами тех детей, о которых они заботятся. Эволюционная биология использует в таких случаях термин «неопределенность отцовства» [22, S. 61—67]. Тем не менее сегодня при помощи анализа ДНК мужчины могут определить свое отцовство. Раньше при решении спорных вопросов относительно алиментов или попечительства тайное проведение анализа ДНК было недопустимым и тест проводился только в случаях оспаривания отцовства. Но с 2008 г. в Германии анализ происхождения ребенка можно осуществлять в любых случаях. Таким образом, в правовом поле сохраняются отношения между ребенком и его (возможно) небологическим отцом [14].

Возможность определения отцовства является важным шагом в направлении равноправия и самоопределения мужчин. Но по поводу правового регулирования прерывания нежелательной беременности женщинами у ученых отсутствует единая точка зрения. Впервые закон, дающий женщинам право прервать нежелательную беременность, после долгих дискуссий был принят в старых федеральных землях в 1976 г. С 1995 г. в объединенной Германии действует закон, дающий женщинам право на аборт после обязательной консультации с врачом, а также на основании криминогенных или медицинских показателей. Однако многие немецкие женщины продолжают добиваться права на физическое самоопределение (*körperliche Selbstbestimmung*) и отсутствие наказания за прерывание беременности по любым причинам.

Гендерная культура общества выражается не только в способах регулирования отношений между мужчиной и женщиной, но и в отношении к формам совместной жизни [10, S. 40]. До 1973 г. гомосексуальные отношения в ФРГ были уголовно наказуемы, но с августа 2001 г., после принятия закона о парах, находящихся в долгосрочных отношениях (*Lebenspartnerschaftsgesetz*), появилась возможность регистрировать отношения в гомосексуальных парах. Долгосрочное партнерство по многим параметрам было приравнено к браку (с точки зрения гражданского права и норм, регулирующих вопросы социального страхования). Но с точки зрения налогового права гомосексуальные партнеры рассматриваются как не состоящие в браке и не могут воспользоваться законом о разделении налога на совместный доход супругов.

В соответствии с § 1353 Германского гражданского уложения оба вида союзов, как гетеросексуальных, так и гомосексуальных, должны заключаться на всю жизнь. Однако растущее число разводов находится в явном противоречии с этим положением законодательства. Если в 1959 г. разводом заканчива-

лись около 15 % заключенных браков, то в 2005 г. это число превысило 35 % [11]. С 1977 г. при разводе начинает действовать принцип расторжения брака при непоправимом его расстройстве (*Zerrüttungsprinzip*) вместо действовавшего до этого принципа ответственности только при наличии вины (*Schuldprinzip*), и теперь причины, приведшие к распаду брака, не играют для судебного производства никакой роли. Правила содержания бывших супругов регулируются законом о проведении реформы норм права, регулирующих вопрос об оказании материальной помощи (*Unterhaltsrechtsreformgesetz*), вступившим в силу в 2008 г. В новой редакции закона приоритет отдан оказанию материальной помощи детям и выплата алиментов имеет более строгие временные ограничения [23].

Равноправие. Статья 3 Основного закона Германии провозглашает мужчину и женщину равноправными субъектами, обеспечивая, таким образом, формальное гендерное равенство [2]. Для того чтобы де-факто воплотить в жизнь провозглашенное де-юре равенство между мужчинами и женщинами, в Германии с 1970-х гг. проводится так называемая политика равноправия (*Gleichstellungspolitik*) [16, S. 221], основу которой составляют законы об обеспечении равноправия женщин (*Frauenförderungsgesetze*), гарантирующие с помощью квот увеличение представительства женщин на руководящих постах. Такие же инструменты обеспечения равноправия используются в партиях и объединениях. С самого основания Партии зеленых установлено, что во всех списках ее органов количество мужчин и женщин должно быть равным. В СДПГ с 1988 г. действует 40 %-я квота представительства женщин на всех должностях и при распределении депутатских мандатов. В ХДС, из которого происходит первая женщина — бундесканцлер ФРГ, после долгих обсуждений окончательно зафиксировано так называемое правило кворума: на всех должностях и во всех органах партии количество женщин должно составлять, как минимум, одну треть. Квоты для женщин и инструменты, обеспечивающие равноправие женщин, также введены в объединение немецких профсоюзов.

Однако в экономике ситуация выглядит несколько иначе. Так, в 2004 г. в правлениях 100 самых крупных предприятий на 685 мужчин приходилось только 4 женщины [6]. Первая попытка использования в экономической сфере закона об обеспечении равноправия мужчин и женщин закончилась в 2001 г. достижением договоренности о добровольном обеспечении равноправия мужчин и женщин в частных хозяйствах. Для создания соответствующих инструментов федеральным правительством и объединениями крупных компаний была создана рабочая группа «Равенства шансов и семейная политика предприятий в сфере экономики» (*Chancengleichheit und Familienfreundlichkeit in der Wirtschaft*). Данные статистики показывают, что к 2006 г. количество женщин на руководящих постах в экономической сфере выросло, но проводимая политика обеспечения равноправия женщин существенно не изменила ситуацию [8, S. 40]. Наоборот, мужские образцы поведения в повседневной и трудовой сферах сохраняются в общественном сознании в качестве нормативных, и политика обеспечения равноправия женщин вынуждена подстраиваться под них [19, S. 12]. В такой ситуации женщины, как и прежде, будут восприниматься как особые существа с ограниченными возможностями [15]. Неудивительно, что, по данным последних исследований, 56 % немецких женщин отрицательно от-

носятся к законодательному закреплению квот с целью увеличения представительства женщин на руководящих постах [12].

Необходимость изменения общественного сознания. В Германии по-прежнему существуют профессии и стили жизни, воспринимаемые в общественном сознании как исключительно мужские; на рынке труда также продолжает существовать четкое разделение между мужскими и женскими профессиями. Например, в 2004 г. 75 % трудящихся, занятых неполный рабочий день, были женщинами. Жизнь мужчин и женщин продолжает различаться: мужчины ежедневно проводят на работе в два раза больше времени, чем женщины. Фактически, это две трети того объема времени, которое женщины тратят на работу по дому и уходу за детьми [9, S. 55]. Неудивительно, что большинство немецких женщин выступают за сокращенный рабочий день; как правило, речь идет о 32-часовой неделе у женщин и 38-часовой — у мужчин [17]. При этом желание иметь детей у женщин, как и раньше, выражено сильнее, чем у мужчин. Однако у мужчин, ставших отцами, в последнее время появилось желание не только играть роль кормильца семьи, но и активно участвовать в воспитании ребенка (*aktive Väter*) [8].

На распределение домашних обязанностей по-прежнему влияет разница в доходах мужчин и женщин. По данным федерального ведомства по статистике, общая сумма заработка у мужчин и женщин (как у рабочих, так и у служащих) в 2005 г. различалась в среднем на 27 %. Поэтому еще одной причиной отсутствия достаточного количества женщин на руководящих постах является прерывание женщинами своей профессиональной карьеры ради семьи и детей [13]. Немецкие социологи отмечают, что и в экономике, и в науке, и в политике система карьерного роста до сих пор выстроена под образец мужчины-добытчика.

Для решения проблем государственной гендерной политики ставка делается на развитие сети открытых детских учреждений и планомерное реформирование закона о детских пособиях (*Elterngeldgesetz*), принятого в 1986 г. Серьезные изменения в этот закон были впервые внесены в 2007 г.: родитель, находящийся в отпуске по уходу за ребенком, стал получать 67 % своего последнего чистого дохода. Результат этих изменений — увеличение количества отцов, подавших заявку на получение детского пособия. Если раньше такую заявку подавали только 3 % мужчин, то в 2007 г. это количество увеличилось до 10,5 %. Увеличению доли отцов, берущих отпуск по уходу за ребенком, препятствует негативное отношение к таким мужчинам со стороны руководства и сослуживцев [8].

Статья 20 Конституции бывшей ГДР провозглашала равноправие мужчин и женщин и интеграцию женщин в социалистический трудовой процесс. Но гендерную культуру второго немецкого государства отличало значительное неравенство в положении мужчин и женщин [20, 21]. С одной стороны, профессиональную деятельность матерей существенно облегчала широкая сеть государственных детских учреждений, с другой — забота о детях и работа по дому практически целиком лежали на женщинах. Оплаченный свободный день для работ по дому (*Haushaltstag*) ежемесячно предоставлялся (до 1976 г.) только работающим женщинам. Мужчины не имели права и на оплачиваемый го-

довой отпуск по уходу за ребенком. Гендерная политика ГДР была ориентирована на женщин-матерей. Но, несмотря на то что почти все женщины в ГДР работали, их средний ежемесячный доход был на 30 % ниже, чем у мужчин: реально существовали традиционные женские и мужские профессии со значительной разницей в заработной плате. При этом в ГДР, по сравнению с другими странами, доля женщин, занятых в технических профессиях, была очень высокой. Так, в 1988 г. 27 % студентов технических вузов были женщинами. Однако практически в то же время (в 1987 г.) 60 % выпускниц школ продолжили свое образование в виде подготовки к рабочим профессиям (правда, требующим высокой квалификации), в которых доля женщин составляла более 85 %. В системе социального обеспечения ГДР доля женщин была 92 %, в сфере здравоохранения — 83 %, в сфере образования — 77 % [8].

Немецкие социологи отмечают, что гендерные роли являются социальным конструктом, изменения в котором зависят от гендерной политики государства. Мужчины и женщины обладают одинаковыми потребностями и когнитивными способностями. Гендерные различия в жизненных планах, образцах поведения и выборе профессии зависят от исторически обусловленного уровня развития конкретного общества. При этом гендерное равноправие не должно означать гендерного равенства. Речь должна идти о равнозначности, основанной на специфических различиях мужчины и женщины. Только в результате синтеза мужского и женского своеобразия возможен прогресс в политической, государственной и общественной сферах [18]. Но поиск границ этого своеобразия и его социального содержания чрезвычайно затруднен — до сих пор социологи так и не смогли решить этой задачи.

Библиографический список

1. Иудин А. А., Шпилёв Д. А. Современная немецкая социология. Проблемы развития города. Н. Новгород : НИСОЦ, 2010.
2. Основной закон Федеративной Республики Германия / Ведомство печати и информации Федерального правительства, Германский фонд международного правового сотрудничества. Бонн, 1998.
3. Arnold A. P. Biologische Grundlagen von Geschlechtsunterschieden // Gehirn und Geschlecht. Neurowissenschaft des kleinen Unterschieds zwischen Frau und Mann / S. Lautenbacher, O. Güntürkün, M. Hausmann (Hrsg.). Heidelberg, 2007.
4. Aus Politik und Zeitgeschichte : Beilage zur Wochenzeitung «Das Parlament». 2008. 24/25.
5. BMFSFJ : Familie im Spiegel der amtlichen Statistik. Berlin, 2003. [Bd.] 5 (25).
6. BMFSFJ : 2. Bilanz Chancengleichheit Frauen in Führungspositionen. Berlin, 2008.
7. Bundesministerium für Justiz, Das Eherecht. URL: http://www.bmj.bund.de/files/-/1066/Eherecht_Stand-Juli2007.pdf (дата обращения: 10.08.2007).
8. Döge P. Männer — auf dem Weg zu aktiver Vaterschaft? // Aus Politik und Zeitgeschichte. 2007. [№] 7.
9. Döge P. Männer — Paschas und Nestflüchter? // Zeitverwendung von Männern in der Bundesrepublik Deutschland. Leverkusen-Opladen, 2006.
10. Döge P. Von der Anti-Diskriminierung zum Diversity Management : Ein Leitfaden. Göttingen, 2008.
11. Emmerling D. Ehescheidungen 2005 // Wirtschaft und Statistik. 2007. [Bd.] 2.

12. Forsa, Meinungen zum Weltfrauentag. Initiative Neue Soziale Marktwirtschaft. S. 1., 2008.
13. GCG, Frauen in Führungspositionen : eine Umfrage der CGC — Claus Goworr Consulting unter 600 Führungskräften in Deutschland im Juli 2006. München, 2006.
14. Gesetz zur Klärung der Vaterschaft unabhängig vom Anfechtungsverfahren. Deutscher Bundestag Gesetzentwurf der Bundesregierung. Drucksache 16/6561. URL: <http://dip21.bundestag.de/dip21/btd/16/065/1606561.pdf> (дата обращения: 04.10.2007).
15. Hagemann-White C. Von der Gleichstellung zur Geschlechtergerechtigkeit. URL: <http://www.taz.de/pt/2000/12/16/a0037.nf/textdruck> (дата обращения: 04.01.2007).
16. Hoecker B. Lern- und Arbeitsbuch Frauen, Männer und die Politik. Bonn, 1999.
17. Holst E. Arbeitszeitwünsche von Frauen und Männern liegen näher beieinander als tatsächliche Arbeitszeiten // DIW-Wochenbericht. 2007. № 14/15.
18. Notz G. Frauen in der Mannschaft. Sozialdemokratinnen im Parlamentarischen Rat und im Deutschen Bundestag 1948/49 bis 1957 : mit 26 Biografien. Bonn, 2003.
19. Schiebinger L. Frauen forschen anders. Wie weiblich ist die Wissenschaft? München, 2000.
20. Scholz H. Die DDR-Frau zwischen Mythos und Realität : zum Umgang mit der Frauenfrage in der Sowjetischen Besatzungszone und der DDR von 1949—1989. Schwerin, 1997.
21. Schwarz G. «Wenn Mutti früh zur Arbeit geht...»: Mütter und Berufskarrieren // «Wenn Mutti früh zur Arbeit geht...»: zur Geschichte des Kindergartens in der DDR / M. Müller-Rieger (Hrsg.). Dresden, 1997.
22. Sommer V. Von Menschen und anderen Tieren : Essays zur Evolutionsbiologie. Stuttgart, 2000.
23. URL: http://www.bmj.bund.de/enid/38c7438b8c62ddc38e74d92afea81210,0/Unterhaltsrecht/Inhalte_der_Reform_lfe.html (дата обращения: 25.03.2008).

ББК 60.542.22

З. Х. Саралиева, С. С. Балабанов, Л. М. Кузьмина

СОЦИАЛЬНЫЕ РОЛИ СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ МУЖЧИН

Понятие «социальная роль» является одним из самых «нагруженных» в социологии, отражает совокупность социально определяемых атрибутов и ожиданий, связанных с определенными социальными позициями, и относится к числу наиболее важных для понимания социального поведения индивидов и отдельных групп. Принятие той или иной роли личностью — это результат взаимодействия с другими, что способствует формированию социальной деятельности, социальной идентичности, поддержанию социального порядка и социальной организации в обществе. В структурно-функциональной парадигме действие индивида, которого Т. Парсонс называет актором, а не субъектом, обусловлено ролевым поведением и решением инвариантного набора функциональных проблем: «Безусловно, социальная система состоит из взаимоотно-

© Саралиева З. Х., Балабанов С. С., Кузьмина Л. М., 2011

шений индивидуальных акторов <...> Наиболее значимой единицей социальной структуры является не конкретное лицо, а роль. Роль — это такой организованный сектор ориентации актора, который конституирует и определяет его участие в процессе взаимодействия» [3, с. 195].

Гендерные исследования в социологии первоначально возникли как исследования женщин, ущемленных в правах и свободах дискриминированной половины рода человеческого (мужская часть общества в таких исследованиях играла роль второго плана, чтобы оттенить несправедливость существующего положения вещей), и до сих пор гендерная тематика ориентирована преимущественно на женщин. Для отечественной социологии исследование социальных ролей российских мужчин и женщин приобретает особое значение. Построение советского общества в прошлом веке существенным образом изменило ролевые предписания и нормы женской половины населения СССР, вовлекло женщин в сферу общественного производства, и их занятость стала самой высокой в мире. С началом перестройки и перехода страны к рыночным отношениям произошли (и продолжают) изменения ролевой структуры и мужской части населения нашей страны. Эти изменения затронули практически все сферы жизнедеятельности современного россиянина, иногда ставя под сомнение или радикально отрицая «привычный» ролевой набор, обеспечивающий ранее мужчинам ощущение стабильности, устойчивости своего положения в обществе, разумности сложившихся правил поведения обладателей того или иного статуса, предсказуемости соответствующих реакций при взаимодействии с другими людьми.

Если применить исторический подход к исследованию модификации социальных ролей мужчин, то легко заметить, что число значимых (и массовидных) мужских ролей непрерывно растет по мере развития общества, усложнения и повышения разнообразия социальной жизни. Между тем перед отдельно взятым индивидом встает проблема ограничения числа исполняемых ролей, координации и согласования их друг с другом, поскольку с ростом значимых для индивида ролей учащаются случаи их несовместимости. Возникающие роли, рожденные новой практикой, вступают в противоречие с прежними и порождают ролевой конфликт.

Проведенное авторами в 2011 г. межрегиональное социологическое исследование на тему «Мужчины современной России» было сфокусировано на мужской части российского общества. Его цель — изучить представления мужчин в больших городах России (где социально-экономические и социокультурные процессы протекают быстрее) о своих современных социальных ролях, оценки ожидаемых и реализуемых ими образцов поведения в различных сферах жизни общества, ролевых конфликтах, возникающих в результате противоречивых требований и предписаний.

Молодое поколение, социализируясь, с одной стороны, усваивает нормы и правила поведения поколения отцов, реже дедов, благодаря чему происходит преемственность поколений, с другой — подвергает их ревизии, обновляет практики, благодаря чему происходит развитие общества. Неизбежным побочным эффектом прерывания преемственности является конфликт поколений:

молодежь не хочет жить по-старому, а старшее поколение не может убедить (заставить) молодое поколение жить так, как жили их отцы и деды.

Инструментарий прикладного пилотажного исследования, результаты которого предлагаются ниже, представляет анкета «Мужчины современной России», в которой респондентам предъявлялся перечень социальных ролей в нескольких сферах жизни и предлагалось оценить по пятибалльной шкале, во-первых, личную *важность для респондентов* каждой из перечисленных в анкете ролей в настоящее время и, во-вторых, *успешность исполнения каждой из ролей*, имеющих для них ненулевую значимость.

Два предваряющих анализ результатов исследования замечания. Первое. На жизненном пути, определенном сложившимися обстоятельствами и личной активностью, отдельно взятый человек играет далеко не все роли, перечисленные в анкете. Однако пилотаж показал, что ряд респондентов (и, к сожалению, интервьюеров) не обратили внимания на данное обстоятельство. Оценивали, как выяснилось в ходе анализа, престиж тех или иных видов занятий, ролей, т. е. откликались только на первую часть предмета данного эмпирического исследования.

Второе. Понятно, что субъективизм в самооценках достаточно велик и, скорее всего, он чаще сказывается в завышении оценок успешности исполнения тех ролей, которые одобряются обществом, хотя бы потому, что респонденту не хочется быть или слыть неудачником, плохим исполнителем той или иной роли ни в собственных глазах, ни в глазах других людей. В психологической структуре личности включаются защитные механизмы, которые даже в анонимных опросах не позволяют ставить себе низкие оценки.

Анкетный опрос по теме «Социальные роли современных российских мужчин» проходил в четырех городах Приволжского федерального округа весной 2011 г. — Н. Новгороде, Кирове, Казани и Саратове. В каждом городе опрашивались по квотной выборке мужчины четырех возрастных когорт. Общий массив опрошенных мужчин — 1541 человек, том числе в Н. Новгороде — 381, Казани — 399, Саратове — 372, Кирове — 369 (табл. 1).

Таблица 1

Численность респондентов по городам и возрастным группам, %

Возрастная группа, лет	Город				Всего
	Н. Новгород	Казань	Саратов	Киров	
19—21	19	15	13	15	16
25—39	29	28	30	27	28
40—59	35	37	34	38	36
60—69	16	20	22	20	20
<i>Всего</i>	100	100	100	100	100

Молодежная группа представлена только студентами-старшекурсниками вузов перечисленных городов, выступающих, по гипотезе авторов, носителями новых представлений о мужских ролях в реформируемой России. Последую-

шие возрастные группы формировались стихийным образом и не отражают в точности социальную структуру мужского населения в возрастных когортах каждого города. Образовательный уровень респондентов: 3 % — неполное среднее и ниже, 15 % — среднее общее, 24 % — среднее специальное, 23 % — незаконченное высшее (специально выделена группа студентов-старшекурсников), 26 % — высшее, 5 % — несколько высших, 4 % — поствысшее (обладатели ученых степеней и званий).

Социальный состав опрошенных мужчин в выборочной совокупности: 12 % — предприниматели, 10 % — руководители различного уровня, 17 % — специалисты, 13 % — служащие, 13 % — рабочие, 15 % — студенты вузов, 8 % — пенсионеры, 7 % — безработные, 5 % — прочие. Палитра занятости респондентов достаточно разнообразна, что позволяет избежать односторонности оценок и влияния профессиональной однобокости при оценке значимости для них социальных ролей.

В инструментарии выделено несколько сфер жизни человека и дан перечень социальных ролей, которые респондентам требовалось оценить: А — с точки зрения *значимости* для них каждой из перечисленных ролей; Б — с точки зрения своего «исполнительского мастерства». Результаты по пятибалльной шкале представлены в табл. 2, 3, 4.

Таблица 2

**Оценка значимости для респондента социальных ролей
в экономической сфере (А) и своего исполнения их (Б).
Сумма оценок 4 и 5 по каждой позиции, %**

Человек экономический	А	Б
Руководитель, начальник	60	24
Занятый преимущественно умственным трудом	62	66
Занятый преимущественно физическим трудом	45	21
Предприниматель	61	15
Чиновник, госслужащий (гражданский)	37	8
Военнослужащий	46	8
Специалист	63	55
Рабочий	52	5
Безработный	5	4
Человек свободной профессии	23	7
Священнослужитель	33	3
Акционер	24	7
Собственник жилья, земельного участка...	67	38
Какие еще роли в сфере экономики, с Вашей точки зрения, значимы?		

В ответах на последний, открытый вопрос перечислены: владелец вклада в банке, военный пенсионер, врач, маркетолог, милиционер, оперативный управляющий, организатор-педагог, посредник, преподаватель, специалист по продажам, трудящийся, ученый-исследователь, юрист.

Полученные данные по мужчинам «экономическим» говорят о том, что их набор социальных ролей в этой сфере, как и следовало ожидать, относится к числу приоритетных и определяющих его состоятельность и место в обществе. Респонденты, занятые высококвалифицированным умственным трудом, выше других категорий граждан оценивают значимость социальной роли руководителя (60 %), предпринимателя (62 %).

Понятие «специалист», интерпретируемое в отечественной социологии преимущественно как лицо с высшим и средним специальным образованием, занятое квалифицированным умственным трудом, а в народе — как умелец в своей области профессиональной деятельности, получило, естественно, большое число голосов в оценке значимости этой роли (63 %), а более половины из них (55 %) собрали подтверждение достойного ее исполнения.

Возникают трудности при интерпретации качества игры, так сказать, «социально неодобряемых» ролей, которые нельзя отнести к разряду положительных, например роль безработного. Что значит для человека, потерявшего работу, хорошо исполнять эту роль? Исправно посещать центры по трудоустройству, хвататься за любые подработки, регулярно ходить за пособием по безработице? Переучиваться на другие специальности и профессии? Или вступить на преступный путь для жизнеобеспечения себя и своей семьи? Известно, что существует положительная корреляция между ростом безработицы и ростом преступности в обществе.

Наличие собственности служит индикатором социальной роли «человека экономического». На ее наличие у себя указали 76 % предпринимателей, 71 % рабочих, 68 % пенсионеров и 35 % небольшой группы священнослужителей. Если не считать предпринимателей, то для большинства чаще всего это приватизированная квартира, дачный дом, родительская изба в деревне, возможно, акции и иные атрибуты собственника. Но самые высокие показатели наличия собственности у... безработных — 93 % (не путать безработных с бездомными)! Вопрос о размерах собственности не задавался, поскольку ответ на него часто не может дать даже налоговая инспекция.

Перейдем к социальным ролям мужчин в семье. Здесь более четкие представления, что значит быть мужем, отцом, главой семьи и кормильцем, дедом и т. д. Реализм респондентов в оценке своих социальных ролей в этой сфере жизни проявляется в том, что, по большому счету, в среднем чуть более половины опрошенных согласились с тем, что они хорошо исполняют вышеперечисленные роли. На наш взгляд, немалое число мужчин ограничивает для себя круг мужских ролей в семейной жизни ролью кормильца, добытчика («деньги домой приношу!»), тогда как современные жены ожидают от мужа не только финансовой поддержки семьи.

Таблица 3

Оценка значимости для респондента семейных ролей (А) и своего исполнения их (Б).
Сумма оценок 4 и 5 по каждой позиции, %

Человек семейный	А	Б
Холостяк	25	13
Муж	74	50
Сожитель	19	7
Отец	78	55
Глава семьи	78	50
Наставник, воспитатель детей и внуков	69	57
Кормилец, на Вас держится семейный бюджет	76	56
Вдовец	16	3
Разведенный	12	3
Дед	61	21

Кроме перечисленных в таблице ролей, респонденты добавили еще несколько: сын, внук, деверь, кум, иждивенец, любимый муж, любимый сын, кумир семьи, друг, брат, отдыхающий от забот хозяин пустого гнезда, неудавшийся сын, крестный, родственник и др.

Семейный блок может за счет ввода все новых родственных связей вырасти многократно, но в данном случае в этом нет необходимости. Оценки значимости семейных ролей респондентами вполне предсказуемы, они соответствуют сложившемуся образу современной российской семьи и распределению в ней гендерных ролей, в том числе гендерного контракта. Более того, глядя на данные таблицы, можно удивиться алармистским настроениям некоторых исследователей семейных отношений в России, говорящих о кризисе семьи. Семья меняется в той же мере или даже медленнее, чем другие фундаментальные институты российского общества. Если бы она оставалась такой же, как и век назад, можно было бы говорить о кризисе, хотя проблем в ее функционировании и выполнении своих основных функций сегодня достаточно. С другой стороны, в кризисном обществе не может быть, по определению, «здоровых» социальных институтов. К сожительству российское общество относится уже довольно спокойно, доля вдовцов и разведенных среди мужчин стабильно меньше, чем среди женщин, так что при желании вдовцов и одиноких мужчин создать новую семью у них, при прочих равных обстоятельствах, не будет проблем. Регистрация однополых браков в России, по видимому, тоже вопрос времени.

Такие роли мужчины в семейной жизни, как отец, глава семьи, муж и кормилец («добытчик»), продолжают оставаться ведущими социальными ролями в семейно-брачной сфере жизни общества, и около трех четвертей мужчин в нашей выборке утверждают, что хорошо справляются со своими семей-

ными обязанностями. Однако нужно отметить, что фактически в России сейчас реализуется советская модель отцовства (кормилец семьи), не предполагающая выполнения социальной заботы о ребенке, участия в уходе за ним. И. Кон отмечает, что «физическое отсутствие отца в семье, его отстраненность от ухода за детьми — не только следствие его несемейных обязанностей, но и средство создания дистанции между ним и детьми ради поддержания отцовской власти [1].

Роли «человека общественного» встречаются у мужской части общества существенно реже, что характеризует горожан — представителей сильного пола не с лучшей стороны. Эта сфера деятельности, похоже, отдана в руки женщин, за исключением, пожалуй, руководящих общественно-политических должностей, которые чаще занимают именно мужчины.

Таблица 4

**Оценка значимости для респондента общественных ролей (А)
и своего исполнения их (Б).
Сумма оценок 4 и 5 по каждой позиции, %**

Человек общественный	А	Б
Активист общественной организации	42	16
Член политической партии	10	10
Политик	31	4
Благотворитель	49	7
Строитель гражданского общества в России	39	34
Волонтер	37	7

Другие значимые роли «человека общественного», указанные в ответах на открытый вопрос, — хороший человек, гражданин России, лидер, социальный работник, садовод-дачник, ветеран спорта, автомобилист, сосед, пассивный в общественных делах, старший по дому, патриот, аналитик, художник, философ, член оппозиционной партии, член профсоюза. Ряд определений явно не имеют отношения к социальным ролям.

Какие социальные роли современные мужчины считают главными для себя? В каком образе они представляют себя другими? Опрос показал, что презентация своих социальных ролей при знакомстве с собеседником характерна для меньшинства респондентов. На вопрос: «При знакомстве с кем-либо, представляясь, включаете ли Вы обычно сведения о своих социальных ролях?» — всего 16 % мужчин ответили «да», 80 % — «нет». Содержание немногочисленных презентаций в половине случаев касается обычно своей профессиональной роли и места работы. Однако было бы ошибкой считать, что так представляют себя другим только обладатели престижных занятий, должностей и мест работы, хобби. Свои семейные и общественные роли упоминает еще меньшее число ответивших на этот вопрос.

Интересен вопрос о наследовании социальных ролей своих отцов их сыновьями. Это можно выявить косвенно на примере сопоставления социального состава сыновей и отцов перед выходом последних на пенсию. Но если быть корректными, то правильнее вести речь о социальной мобильности отцов и детей. Поскольку мы говорим только о городском населении, то даже самые молодые отцы нынешних респондентов из числа студенческой молодежи жили еще в Советском Союзе, где в социальной структуре общества рабочий класс численно доминировал над колхозниками, интеллигенцией и служащими вместе взятыми. У половины нынешних горожан-пенсионеров отцы были рабочими. Самовоспроизводство социальных ролей отмечено у 41 % горожан-рабочих всех возрастов. Только в самой молодой когорте — студенческая молодежь — 55 % отцов в настоящее время или перед выходом на пенсию были руководителями, предпринимателями и специалистами. То есть перестройка и переход к рыночным отношениям дали мощные импульсы восходящей межпоколенной мобильности и, по полученным данным, нарушили в очередной раз преемственность статусов и социальных ролей в семьях горожан.

Стоит ли огорчаться, что социальные роли и статусы отцов и детей все более разнятся между собой? Что богатый жизненный опыт отцов (как и матерей) все менее востребован взрослыми детьми в их собственной семейной жизни, в трудовой и досуговой сферах деятельности?

Будет уместно, на наш взгляд, дополнить материалы данного исследования сведениями проведенного в 2009 г. в Нижегородской области социологического опроса городских семей. Прямым индикатором удовлетворенности («вполне удовлетворены») своей семейной жизнью является положительный ответ 67 % мужчин и женщин поколения родителей в следующей формулировке: «Хочу, чтобы семейная жизнь сына/дочери походила на мою собственную».

В то же время только 45 % молодых людей положительно ответили на вопрос, хотели ли бы они, чтобы их семейная жизнь в основных чертах походила на родительскую [2, с. 87, 94].

50 назад большая статья Б. Урланиса в «Литературной газете» под заголовком «Берегите мужчин» произвела впечатление взрыва, вызвав гнев женщин СССР, полагающих, что беречь нужно их. Сегодня наряду с демографической проблемой, о которой писал наш ученый-демограф (высокая смертность мужчин), набирает вес проблема ролевой самоидентификации и самореализации мужчин, которая затрагивает, естественно, не только мужскую часть населения, но и женскую.

Библиографический список

1. *Кон И.* Зачем нужны отцы? // Звезда. 2006. № 12. С. 124—145.
2. Нижегородские семьи: городские и сельские / С. С. Балабанов, Н. Т. Отделкина, З. Х. Саралиева, М. В. Ушакова. Н. Новгород : НИСОЦ, 2009. 111 с.
3. *Парсонс Т.* О структуре социального действия. М. : Академический проект, 2002. 880 с.

М. В. Серeda

ЖЕНЩИНЫ КАК СУБЪЕКТ НЕОТРАДИЦИОНАЛИСТСКОЙ ГЕНДЕРНОЙ ПОЛИТИКИ

Не останавливаясь подробно на теоретическом обосновании своей позиции, замечу, что в последующих рассуждениях опираюсь на критику универсального субъекта политики Д. Батлер [1] и Ш. Муфф [7, 8]. Я понимаю под политикой, вслед за Ш. Муфф, «совокупность практик, словесных игр и институтов, при помощи которых создается порядок, организующий человеческое сосуществование в контексте конфликтности, создаваемой политическим» [8].

В преддверии нового избирательного цикла в прессе появляется все больше материалов, посвященных политическому участию женщин. Некоторые из статей представляют собой реакцию на обсуждение проекта Федерального закона «О государственных гарантиях равных прав и свобод женщин и мужчин в Российской Федерации» и касаются, как в ниже идущем фрагменте, проблемы гендерного паритета. Данный текст служит наилучшей иллюстрацией к тому кругу вопросов о женщинах как субъектах гендерной политики, который я хотела бы обозначить: «Оценивать статистику можно по-разному. Большинство руководящих постов в администрациях Сургутского района занимают женщины. То есть у них есть все данные для исполнения этого объема работы. Между тем когда возникает ситуация выборов, то предпочтение отдается мужчинам, отметила Галина Резяпова. По ее мнению, причина этого в психофизиологии и философии. Ведь, по сути, женщина в отдельные периоды жизни нуждается в защите. Отсюда отношение к ней как к объекту защиты и помощи. Чего уж скрывать, женщинам нравится, когда им помогают и ухаживают. Далеко не все мечтают о карьере. Огромное количество женщин выбрало стезю домохозяйки. Изменить такое отношение к женщине невозможно, да и не нужно этого делать. Однако Галина Резяпова предложила задуматься над квотами в партийных списках для женщин» [6].

Как мы можем видеть, апелляция к количественным показателям фактически сводит вопрос о женщинах как субъектах гендерной политики к простой арифметике: чем больше женщин руководителей, тем больше гендерного равенства. Такое статистическое понимание гендерного равенства доминирует и в публичном дискурсе, в том числе активистском. За ним скрывается допущение, что все женщины обладают разделенным социальным опытом, обусловленным их «сущностью»/гендерным порядком/структурой занятости, что способствует агрегированию различных интересов и формированию консолидиро-

ванной позиции, включающей по умолчанию требование женской эмансипации. При этом игнорируется разнообразие социальных контекстов и не учитывается множество результирующих факторов, таких, например, как религия и класс. Кто говорит от имени женщин и какие именно интересы артикулируются, практически не обсуждается. Таким образом, роль женщин как субъектов гендерной политики оказывается не проблематизированной.

Однако сегодня мы стали свидетелями феномена, который можно назвать структурной самодискриминацией. Структурная самодискриминация выражается в том, что часть социальной группы намеренно или непреднамеренно способствует институционализации дискриминационных практик и поддерживает государственную политику, ухудшающую положение группы в целом. В первую очередь, подразумеваются женщины, имеющие доступ к принятию решений.

Эта ситуация является прямым следствием процессов классовообразования, обусловленных развитием капитализма, сопровождающимся клерикализацией государственной политики и общества в целом. В новом классовом (буржуазном) проекте «женский вопрос» получил патриархальную или, иначе говоря, неотрадиционалистскую интерпретацию [5]. В противовес утверждающейся неотрадиционалистской идеологии феминистские исследовательницы/активистки отводят женщинам особое место в трансформации социалистической системы и установлении капиталистического порядка.

Американская исследовательница М. Фонг в 1992 г. писала: «Несмотря на то что в России по-прежнему распространена мысль о том, что женщины являются более слабой половиной человечества, российские женщины могут сыграть значительную позитивную роль в процессе перехода к рыночной экономике» [12].

За последующие годы сформировался внушительный корпус литературы, в которой, так или иначе, развивается тезис М. Фонг. В основном она посвящена продвижению политики гендерного равенства. В чем же заключена позитивная роль женщин в процессе перехода к рыночной экономике? Здесь, на мой взгляд, можно выделить две ключевые идеи:

— женщины обладают большим предпринимательским потенциалом и способствуют формированию нового класса собственников, что, в свою очередь, ведет к созданию рабочих мест и сокращению бедности;

— женщины заинтересованы в сильной социальной политике и, получая доступ к принятию решений, будут лоббировать социальные реформы, способствующие достижению равенства возможностей для всех граждан независимо от пола.

Эти предположения тиражируются с завидным постоянством, несмотря на то что содержат противоречие, возникающее из самой природы капиталистического порядка, основанного на воспроизводстве неравенства и сокращении регулирующего вмешательства государства, без участия которого сильная социальная политика невозможна. Кроме того, упускается из виду, что именно женщины стали рядовыми менеджерами реформ, ведущих к сокращению социальных обязательств государства и коммерциализации социальной сферы, поскольку в силу сложившейся в советское время структуры занятости они составляют большинство работающих в здравоохранении, образовании и учре-

ждениях социальной защиты. И мы можем видеть, что редуцирование социальных прав почти до критического минимума не привело к появлению организованного женского протестного движения. Женщины приняли возникшие отношения гегемонии в том виде, в каком их сформулировал правящий класс. Более того, стало ясно, что значительная часть женщин, имеющих доступ к принятию решений, разделяют правые взгляды и активно содействуют включению религии в политическую практику, а следовательно, могут быть с достаточной степенью уверенности маркированы как субъекты неотрадиционалистской гендерной политики. Здесь имеется множество примеров. Начиная с мероприятий «по пропаганде семейных ценностей», типа «Роди патриота» и празднования дня святых Петра и Февронии Муромских под патронажем С. Медведевой, и заканчивая одиозным законопроектом Е. Мизулиной, в разработке которого активное участие принимали представители Русской православной церкви.

Важным обстоятельством является то, что религиозные организации стремятся не просто расширить свое влияние, но и перехватить инициативу у политических союзников в лице правящего класса. И здесь уместно повторить вывод, сделанный П. Бурдьё: «Доминирующие фракции, чья власть покоится на экономическом капитале, стремятся внушить легитимность своего господства либо с помощью собственного символического производства, либо при посредстве консервативных идеологов, которые по-настоящему служат интересам господствующих только по “остаточному принципу” и которые всегда угрожают обернуть к своей пользе власть определять социальный мир, данную им через механизм делегирования» [2, с. 92—93].

Церковь открывает перед женщинами широкое поле мобилизации, поэтому все труднее противостоять ее давлению. При институциональной поддержке религиозных организаций и государственных структур женщины рекрутируются в новые группы влияния. Так, 12 мая 2009 г. в Ставрополе прошел Первый съезд подвижниц Русской православной церкви. В нем приняли участие около 700 делегатов [11]. Если ставропольский съезд обсуждал преимущественно воспитание молодежи, то предшествующий ему I Всероссийский форум православных женщин со всей ясностью декларировал политические цели: «Способствовать созданию механизмов влияния и продвижения православных женщин в представительных органах власти разного уровня, чтобы политические решения не противоречили евангельским ценностям, но принимались с их учетом» [4].

Более радикально сформулировали свои требования в 2007 г. участницы Всероссийского съезда мусульманок, приуроченного к 90-летию со дня Первого Съезда мусульманок, проходившего 28—29 апреля 1917 г. в Казани. Съезд принял две резолюции и обращение к народу. Объявившие себя правопреемницами первых российских мусульманских феминисток, религиозные активистки выдвинули политическую программу праворадикального толка, не имеющую связи ни с мусульманским феминизмом, ни с каким-либо другим. «Мы хотим остановить развал общества, вернув человека к истинным ценностям, таким как вера в Бога, семья и т. д.», — сообщила в интервью корреспонденту информационного агентства «Islamnews» председатель Союза мусуль-

манских женщин Татарстана «Муслима» А. Адиатуллина [3]. Наряду с требованием введения квот для женщин в законодательных органах власти в резолюции съезда предлагалось следующее: разработать концепцию республиканской национальной политики и программу развития национального самосознания; пропагандировать исламские ценности и воспитывать детей в соответствии с канонами шариата; руководствоваться в создании семей религиозными и национальными традициями, причем идеалом должна служить моноэтническая семья [9].

Если 90 лет назад участницы Первого Съезда настаивали на том, что в шариате не содержится прямого предписания носить хиджаб, то современные мусульманки выступили за его обязательность, призывая бороться за право носить хиджаб в публичных местах без ограничений, которые считают нарушением прав женщин [10]. Необходимо отметить, Съезд был организован по инициативе Духовного управления мусульман Республики Татарстан, при непосредственной поддержке вице-преьера правительства и министра культуры Республики Татарстан З. Валеевой.

Без сомнения, соединение религии и политики в формально светском государстве создает исключительно нелепую, но от этого не менее сложную проблему для продвижения политики гендерного равенства. Кроме того, сложившаяся конфигурация идеологического пространства ставит под сомнение возможность артикуляции интересов, отличных от господствующей идеологии, а также эффективность коллективных действий в ранее использованных формах. Прежде всего, нам предстоит отказаться от иллюзии органического, внеидеологического единства женщин как субъектов гендерной политики. Тем более что феминистская теория уже давно пришла к пониманию того, что универсальной группы «женщины» с универсальными же интересами и требованиями не существует. Вероятно, настало время реализовать это понимание на практике, в том числе при определении политических приоритетов и способов институционализации гендера как категории реальной политики.

Библиографический список

1. *Батлер Д.* Гендерное беспокойство // Антология гендерной теории / сост. Е. Гапова, А. Усманова. Минск : Прописи, 2000. С. 297—346.
2. *Бурдьё П.* О символической власти // Социология социального пространства. М. : Ин-т экспериментальной социологии ; СПб. : Алетейя, 2007. С. 87—96.
3. В Казани готовится Всероссийский съезд мусульманских женщин. URL: <http://www.islamnews.ru/news-print-3508.html> (дата обращения: 09.09.2011).
4. Декларация I Всероссийского форума православных женщин. URL: <http://www.interfax-religion.ru/?act=documents&div=961> (дата обращения: 09.09.2011).
5. *Здравомыслова Е., Тёмкина А.* Неотрадиционализм[ы] — трансформация гендерного гражданства в современной России // Российский гендерный порядок: социологический подход / под ред. Е. Здравомысловой, А. Тёмкиной. СПб. : Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2007. С. 201—212.
6. *Меркушев В.* Куда уж равнее // Сургутская трибуна. 2011. 9 сент. URL: <http://ugra-news.ru/node/7666> (дата обращения: 09.09.2011).
7. *Муфф Ш.* К агонистической модели демократии // Логос. 2004. № 2. С. 180—197.

8. *Муфф Ш.* Пространства публичной полемики, демократическая политика и динамика настроений. URL: http://2nd.moscowbiennale.ru/ru/muff_doklad1/ (дата обращения: 09.09.2011).
9. Первый съезд мусульманок Татарстана. URL: http://eawarn.ru/pub/Bull/WebHome/64_13.htm (дата обращения: 09.09.2011).
10. Спустя 90 лет после завоевания женских свобод. URL: <http://www.islamrf.ru/news/faith/family/812/> (дата обращения: 09.09.2011).
11. Съезд православных женщин. URL: http://www.izobilny.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=47&Itemid=23 (дата обращения: 09.09.2011).
12. *Фонг М.* Роль женщин в перестройке российской экономики // Исследования экономических систем на стадии трансформации. URL: <http://www.wcons.org.ru/ru/files/economy.doc> (дата обращения: 09.09.2011).

Аннотации

***Хасбулатова О. А.* Реалии российской гендерной политики в XXI столетии**

Статья посвящена гендерному анализу внутренней политики Российского государства в 1991—2011 гг. Исследуются гендерные аспекты политики в сферах образования, занятости, здравоохранения, гражданских и политических прав, семейных отношений, управления.

Ключевые слова: гендерная политика, государство, гендерный анализ, демографическая политика, гендерное равноправие, гендерный дисбаланс, материнское и родительское право.

***Айвазова С. Г.* Контракт «работающей матери»: нарушения или расторжение? (К вопросу об особенностях гендерной политики в современной России)**

Статья посвящена анализу состояния контракта «работающей матери» в современной России. Разбираются обстоятельства утверждения и особенности функционирования контракта «работающей матери» в советское время, а также причины его постепенного размывания в нулевые годы. Описываются акции гражданского протеста, направленные на его сохранение. Прогнозируется, что разрыв контракта «работающей матери» грозит Российскому государству серьезными демографическими и, судя по гражданской активности беременных и матерей с малолетними детьми, политическими проблемами.

Ключевые слова: контракт «работающей матери», государственная гендерная политика, государственная политика в отношении женщин, женский труд в общественном производстве, патриархатное господство, гомогенная маскулинность, биологический детерминизм, декретофобия, гражданская активность женщин.

***Шведова Н. А.* Гендерное равенство в России в XXI в. в контексте международных обязательств: прогресс или упущенные возможности?**

Конвенция ООН о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин, признанная «биллем о правах женщин» (1979), одобренная на волне мощного международного женского движения, всесторонне определяет их права, являясь основным международным инструментом для решения проблем гендерной дискриминации. Россия, как и другие страны, которые ратифицировали ее, приняла на себя обязательства не только установить формальное правовое равенство между женщинами и мужчинами, но также принимать меры для обеспечения реального осуществления женщинами своих прав наравне с мужчинами. Каждые четыре года страна обязана представлять доклады, содержащие информацию о выполнении Конвенции и заключительных рекомендаций, сформулированных по результатам предыдущего доклада. Судьбе Конвенции в России и отчетам о ее выполнении посвящена статья.

Ключевые слова: Конвенция ООН о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин, «ООН-женщины», Комитет ООН по ликвидации дискриминации в отношении женщин, объединенные 6 и 7-й периодические доклады России.

Юкина И. И. Двуликий Янус гендерной политики в России

Автор рассматривает разницу между государственной политикой в отношении женщин и гендерной политикой, анализирует современные тенденции гендерной политики Российской Федерации, ее соответствие международным стандартам и ставит вопрос о том, можно ли ее называть гендерной политикой в принципе.

Ключевые слова: государственная политика в отношении женщин, гендерная политика, Конвенция ООН о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин, IV Всемирная конференция ООН по положению женщин в Пекине, национальный механизм по гендерному равенству.

Гнедаш А. А. Особенности формирования российской гендерной политики в online пространстве: социальные сети и блоги

Исследуются гендерные аспекты формирования и развития российского online пространства, выделяются такие акторы формирования гендерной политики, как социальные сети и блоги. Автор показывает, что online сфера продолжает оставаться средой, воспроизводящей гендерные стереотипы и закрепляющей существующие в offline пространстве патриархальные механизмы. Также автор выделяет гендерные различия, транслируемые пользователями при работе с online пространством, и ставит вопрос о том, насколько данные различия являются социально сконструированными.

Ключевые слова: online социальные сети, блоги, гендер, гендерные стереотипы в online и offline пространствах, феминность, маскулинность, общественная и приватная сферы.

Чернова Ж. В. Семейная политика современной России: гендерный анализ и оценка эффективности

Статья посвящена анализу семейной политики в современной России. Автор выделяет этапы формирования и основные характеристики, определяющие специфику проводимой политики в отношении семьи. Пронаталистская модель семейной политики оценивается как неэффективная и с точки зрения повышения уровня рождаемости в долгосрочной перспективе, и с точки зрения адекватности предоставляемой помощи со стороны государства реальным потребностям семей с детьми.

Ключевые слова: семейная политика в России, пронатализм, гендерные исследования.

Шпаковская Л. Л. Политика нормализации семьи: партнерство и брак в России

Статья посвящена анализу политики в отношении гражданского брака как элементу государственной нормализации семьи. Прослеживается политика в отношении партнерства и зарегистрированного брака на протяжении советской истории, а также в современном российском обществе. Автор отмечает наличие противоречивых тенденций маргинализации незарегистрированных союзов на уровне официального дискурса и толерантности к партнерствам на уровне обыденных представлений и практик, которые характерны для России сегодня.

Ключевые слова: партнерство, гражданский брак, семейная политика, семья, официальный дискурс, гендерный порядок.

Досина Н. В., Смирнов Я. О. Режим реализации социально-демографической политики в современной России: мера адекватности времени

Характеризуются различные основания социально-демографической политики, и раскрывается значимость феноменологического подхода. Анализируются гендерные различия мужчин и женщин при подходе к вопросу рождения ребенка на материалах социологического исследования в Ярославской области. Обосновывается необходимость всестороннего включения семьи в политику.

Ключевые слова: семья, гендерные различия, рождение ребенка, социально-демографическая политика.

Анчабадзе Ю. Д. Социально-политические трансформации в адыгском ауле 1920-х гг.: гендерный аспект

В ходе кампании по «раскрепощению» горянки в 1920-х гг. были достигнуты определенные успехи по социальному раскрепощению женщины. В то же время многие нововведения оказались травмирующими для женского сознания, которое не было готово к столь радикальному изменению гендерного статуса в семейной и общественной жизни.

Ключевые слова: адыги, женщина, аул, власть, общество, пропаганда, традиция, обычай, социально-политические трансформации.

Рябова Т. Б., Рябов О. В. «Настоящий мужик»: о гендерном измерении символической политики

Анализируется использование в российской символической политике гендерного дискурса, в частности эксплуатация политическими акторами национальных образов мужественности. Центральное внимание уделяется образу-символу «мужика», который, по мнению авторов, приобретает черты гегемонной маскулинности в современной России, поскольку в наибольшей степени соответствует национальной идентичности страны. Авторы рассматривают влияние этого образа на имидж национального лидера в России.

Ключевые слова: символическая политика, гендерные образы, национальные образы мужественности, «мужик» как образ современной национальной маскулинности, имидж политика.

Завершинский К. Ф., Завершинская Н. А. Легитимация гендерного господства

Исследуются когнитивные возможности осмысления гендерного господства посредством выявления структур политической легитимации. Авторы утверждают, что «структуры ожиданий» гендерной памяти выполняют функцию смыслового конструирования политических коммуникаций для легитимации публичной власти. Обосновывается перспективность понимания политической легитимации гендерного господства через артикуляцию темпоральных структур гендерной памяти.

Ключевые слова: гендерное господство, политическая легитимация, мужественность, женственность, гендерная память, гендерные ожидания.

Степанова Н. М. Участие женщин в политической жизни: сравнительный опыт России и Великобритании

Статья посвящена сравнительному анализу участия женщин в политике в России и Великобритании, прежде всего в национальных парламентах и правительствах. По этому аспекту обе страны отстают от многих государств Европы, Латинской Аме-

рики и Африки. Но в последние годы они стали различаться по причине особой гендерной политики британских политических партий, стимулирующих участие женщин во власти.

Ключевые слова: парламентские выборы, палата общин, Государственная дума, гендерные нормы, участие женщин в политике, члены парламента, депутаты Государственной думы, женщины-министры.

Иудин А. А., Шпилёв Д. А. Германия: гендерная политика как основа гендерной культуры

На примере законов, принятых в последние десятилетия в Германии, в статье рассматриваются основные черты гендерной политики немецкого государства как основы гендерной культуры граждан.

Ключевые слова: гендерная политика, Основной закон, Германское гражданское уложение, социальный комплексный гендерный подход, семейная и профессиональная сферы жизни, гендерные отношения и гендерные роли, гетеросексуальные и гомосексуальные союзы.

Саралиева З. Х., Балабанов С. С., Кузьмина Л. М. Социальные роли современных российских мужчин

В межрегиональном исследовании в рамках гендерного подхода рассмотрены самооценки значимости и фактического исполнения своих социальных ролей в различных сферах жизнедеятельности общества мужчин четырех возрастных когорт.

Ключевые слова: социальная роль, мужские социальные роли, самооценка социальных ролей.

Середа М. В. Женщины как субъект неотрадиционалистской гендерной политики

Вопрос о женщинах как субъекте гендерной политики рассматривается с позиций феминистской критики универсального субъекта политики. Автор приходит к выводу, что политическая практика постсоветского времени в России свидетельствует о переходе от политики гендерного равноправия к неотрадиционалистской гендерной политике, при реализации которой женщины, имеющие доступ к принятию решения, выступают активными агентами и играют значительную роль в легитимации нового социального порядка. Также приводится определение структурной самодискриминации и дается его обоснование.

Ключевые слова: гендерная политика, женщины, неотрадиционализм, правящий класс, господствующая идеология, структурная самодискриминация.

Summaries

Khasbulatova O. A. The realities of Russian gender policy in the XXI century

The article is devoted to the gender analysis of internal Russian politics in 1991—2011. The gender aspects of politics are studied in the spheres of education, employment, healthcare, civil and political rights, family relations and management.

Key words: gender policy, state, gender analysis, demographical policy, gender equality, gender imbalance, maternal and parental right.

Aivazova S. G. Contract of «working mother»: violation or annulment? (To the question of gender policy in contemporary Russia)

The article is devoted to the contract of «working mother» in contemporary Russia. It examines the forming and functioning of this contract in the Soviet times and the reasons of its erosion in 2000s. The actions of civil protests aimed at keeping this contract are analyzed. The author believes that breaking of the contract of «working mother» threatens the Russian state with serious demographic and political problems (civil activity of pregnant women and mothers with young children prove this statement).

Key words: contract of «working mother», state policy towards women, women's labor in society, patriarchy, homogenous masculinity, biological determinism, fear of state interference in personal life, civil activity of women.

Shvedova N. A. Gender equality in Russia in the XXI c. in the context of international commitments: progress or missed opportunities?

UN Convention on the elimination of all forms of discrimination against women known as «Women's Bill of rights» (1979) adopted in the context of powerful women's movement defines all women's rights and serves as international instrument for the solution of gender discrimination problems. Russia as the other countries that have ratified this Convention has taken the obligation not only to establish formal legal equality between men and women but also to take measures in real realization of women's rights equally with men. Every four years the country is obliged to present reports that include information concerning the realization of the Convention and final recommendations formulated on the basis of results of the previous report. The article is devoted to the destiny of Convention and the reports on its realization.

Key words: UN Convention on the elimination of all forms of discrimination against women (CEDAW), «UN women» — United Nation Entity for gender equality and the empowerment of women, UN Committee on the elimination of discrimination against women (CEDAW), combined 6th and 7th periodic reports of the Russian Federation.

Yukina I. I. Two-faced Janus of Russian gender policy

The author sheds light on differences between government policy towards women and gender policy. She as well analyzes contemporary tendencies in Russian gender policy considering its compliance with international standards and questions appropriateness of using the term «gender» in the context of Russian case.

Key words: government policy towards women, gender policy, UN Convention on the elimination of all forms of discrimination against women (CEDAW), the Fourth World UN Conference on women in Beijing, national mechanism of gender equality.

Gnedash A. A. Features of Russian gender policy in online space: social networks and blogs

Gender aspects of formation and development of Russian online space are investigated, social networks and blogs are allocated as actors of public gender policy. The author shows how online sphere continues to remain reproducing gender stereotypes and fixing patriarchal mechanisms existing offline. The author allocates the gender differences of online users and asks the question how much gender differences are socially designed.

Key words: online social networks, blogs, gender, gender stereotypes in online and offline space, femininity, masculinity, public and private spheres.

Chernova Zh. V. Family policy in contemporary Russia: gender analysis and assessment of efficiency

This article deals with family policy in contemporary Russia. The author singles out the stages of formation and the main characteristics that determine the specificity of the policy towards the family. Pronatalist family policy is assessed as inefficient both in terms of increasing the birth rate in the long term and from the standpoint of adequacy of state support to the actual needs of families with children.

Key words: family policy in Russia, pronatalism, gender studies.

Shpakovskaya L. L. Normalization policy towards the family: marriage and partnership in Russia

The article deals with the analysis of policy towards civil marriage as an element of state normalization of family. The policy of partnership and registered marriage is traced throughout the Soviet period as well as in contemporary Russian society. The author points out the contradictory tendencies of marginalization of unregistered unions at the level of official discourse and tolerance to the partnerships at the level of everyday attitudes and practices that are typical for today's Russia.

Key words: partnership, civil marriage, family policy, family, official discourse, gender order.

Dosina N. V., Smirnov Ya. O. Transformation of social-demographic policy in contemporary Russia: the problem of time's adequacy

Various bases of social-demographic policy in modern Russia are characterized and the importance of the phenomenological approach is introduced. Gender distinctions of men and women in the question of a birth of the child on materials of sociological research in the Yaroslavl region are investigated. The necessity of all-round inclusion of family to social policy is proved.

Key words: family, gender distinctions, birth rate, social-demographic policy.

Anchabadze Yu. D. Socio-political transformation in the Adyg aul in 1920-s: gender dimension

There were some successful achievements in the course of «emancipation» campaign of goryanka in 1920-s. In the same time many of innovations traumatized woman's consciousness which was not ready for radical changes of the gender status in family and social life.

Key words: adygs, woman, aul, power, society, propaganda, tradition, custom, social-political changes.

Riabova T. B., Riabov O. V. «Real man»: to the question of gender dimension of symbolic politics

The article examines how gender discourse (including national images of masculinity) is used in Russian symbolic politics. Special attention is paid to the image-symbol of «muzhik», which gains the traits of hegemonic masculinity because it rather corresponds to the contemporary Russian identity. The authors consider the influence of the «muzhik» symbol on the image of national leader in Russia.

Key words: symbolic politics, gender images, national images of masculinity, «muzhik» as the image of contemporary Russian masculinity, image of politicians.

Zavershinsky K. F., Zavershinskaya N. A. Political legitimization of gender domination

The article discusses a cognitive opportunities for conceptualization of gender domination through correlation with structure of political legitimization. The authors argue that a structure of social expectations of gender memory carries out function of semantic designing of political communications for the legitimating of public power. The researchers emphasize more perceptively understanding of political legitimating of gender domination through the studies of a temporal structure of «gender memory».

Key words: gender domination, political legitimization, masculinity, femininity, gender memory, gender expectations.

Stepanova N. M. Women's participation in political life: comparative experience of Russia and Great Britain

The article is devoted to the comparative analysis of women's participation in politics in Russia and in Great Britain, first of all in national parliaments and governments. Analysis of this aspect shows that both countries are behind many countries of Europe, Latin America and Africa. But during last years there is certain difference between the two countries. British political parties took some measures to increase the number of female parliamentary candidates.

Key words: parliamentary elections, House of Commons, State Duma, gender norms, women's participation in politics, members of parliament, deputies of State Duma, women-ministers.

Iudin A. A., Shpilev D. A. Germany: the gender policy as a basis of gender culture

The article analyzes German national gender policy that forms the basis of citizens' gender culture exemplified by acts of legislation passed in the recent decades.

Key words: gender policy, Fundamental law, German civil code, gender mainstreaming, family life and professional life, gender relations and gender roles, heterosexual and homosexual unions.

Saraliev Z. Kh., Balabanov S. S., Kuzmina L. M. Social roles of contemporary Russian men

The article is based on interregional survey and examines self-estimations of men in four age cohorts. The authors demonstrate how men evaluate the fulfillment of their social role in different fields of social life.

Key words: social role, men's social roles, self-estimation of social roles.

Sereda M. V. Women as a subject of a neotraditionalist gender policy

The issue of women as subjects of gender policy is considered from the standpoint of feminist critique of the universal subject of politics. The author concludes that the political practice of post-Soviet period in Russia indicates the transition from the gender equality policy to neotraditionalist gender policy. Women who have access to the decision-making are active agents in the implementation of neotraditionalist gender policy and figure prominently in the legitimating of new social order. The author defines the term «structural self-discrimination» and offers relevant arguments of this term.

Key words: gender policy, women, neo-traditionalism, ruling class, dominant ideology, structural self-discrimination.

Авторы номера

- АЙВАЗОВА**
Светлана Григорьевна
доктор политических наук, главный научный сотрудник, Институт социологии РАН (Москва).
aivazova@mtu-net.ru
- АНЧАБАДЗЕ**
Юрий Дмитриевич
кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии РАН.
anchabadze@list.ru
- БАЛАБАНОВ**
Сергей Семёнович
кандидат философских наук, доцент, заведующий Нижегородским отделом Института социологии РАН.
balss@yandex.ru
- ГНЕДАШ**
Анна Александровна
кандидат политических наук, доцент кафедры государственной политики и государственного управления, Кубанский государственный университет.
anna_gnedash@inbox.ru
- ДОСИНА**
Наталья Викентьевна
доктор политических наук, профессор кафедры социологии, Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова.
nat-dosina@yandex.ru
- ЗАВЕРШИНСКАЯ**
Наталья Александровна
кандидат философских наук, доцент кафедры теории, истории и философии культуры, Новгородский государственный университет.
zna06@yandex.ru
- ЗАВЕРШИНСКИЙ**
Константин Фёдорович
доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и философии политики, Санкт-Петербургский государственный университет.
Zavershinskiy200@mail.ru
- ИУДИН**
Александр Анатольевич
доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой прикладной социологии, Нижегородский государственный исследовательский университет им. Н. И. Лобачевского.
iudin@fsn.unn.ru
- КУЗЬМИНА**
Любовь Михайловна
кандидат социологических наук, доцент, заведующая кафедрой гуманитарных и социально-экономических наук, филиал Российского государственного социального университета в г. Люберцы.
89039708743

Авторы номера

- РЯБОВ**
Олег Вячеславович доктор философских наук,
профессор кафедры философии,
Ивановский государственный университет.
riabov1@inbox.ru
- РЯБОВА**
Татьяна Борисовна доктор социологических наук,
профессор кафедры общей социологии и феминологии,
Ивановский государственный университет.
riabova2001@inbox.ru
- САРАЛИЕВА**
Зарэтхан Хаджи-Мурзаевна доктор исторических наук, профессор, заведующая
кафедрой общей социологии и социальной работы,
Нижегородский государственный исследовательский
университет им. Н. И. Лобачевского.
zaga@fsn.unn.ru
- СЕРЕДА**
Марина Валерьевна слушательница аспирантской программы факультета
политических наук и социологии, Европейский
университет в Санкт-Петербурге.
msereda@eu.spb.ru
- СМИРНОВ Ярослав**
Олегович аспирант кафедры социологии, Ярославский
государственный университет им. П. Г. Демидова.
yargoslavs@mail.ru
- СТЕПАНОВА**
Наталья Михайловна доктор исторических наук.
nmstep@rambler.ru
- ХАСБУЛАТОВА**
Ольга Анатольевна доктор исторических наук, профессор,
первый заместитель Председателя Правительства
Ивановской области.
oax@gov37.ivanovo.ru
- ЧЕРНОВА**
Жанна Владимировна кандидат социологических наук, доцент кафедры
социологии, НИУ-ВШЭ (Санкт-Петербург).
chernova30@mail.ru
- ШВЕДОВА**
Надежда Александровна доктор политических наук, руководитель
Центра социально-политических исследований,
Институт США и Канады РАН (Москва).
nshvedova@mtu-net.ru
- ШПАКОВСКАЯ**
Лариса Леонидовна кандидат социологических наук, доцент
кафедры социологии, НИУ-ВШЭ (Санкт-Петербург).
lara@eu.spb.ru
- ШПИЛЁВ**
Дмитрий Анатольевич кандидат социологических наук, доцент,
заведующий кафедрой социально-гуманитарных наук,
НИУ-ВШЭ (Н. Новгород).
shpilev72@mail.ru
- ЮКИНА**
Ирина Игоревна кандидат социологических наук, доцент, заведующая
кафедрой гендерных исследований, Невский институт
языка и культуры (Санкт-Петербург).
irinayukina@gmail.com

Содержание

К читателям 3

ГЕНДЕРНАЯ ПОЛИТИКА В РОССИИ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Хасбулатова О. А. Реалии российской гендерной политики в XXI столетии 4

Айвазова С. Г. Контракт «работающей матери»: нарушения или расторжение?
(К вопросу об особенностях гендерной политики в современной России) 13

Шведова Н. А. Гендерное равенство в России в XXI в. в контексте
международных обязательств: прогресс или упущенные возможности? 22

Юкина И. И. Двудликий Янус гендерной политики в России 30

Гнедаш А. А. Особенности формирования российской гендерной политики
в online пространстве: социальные сети и блоги 39

СЕМЕЙНАЯ ПОЛИТИКА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Чернова Ж. В. Семейная политика современной России:
гендерный анализ и оценка эффективности 44

Шпаковская Л. Л. Политика нормализации семьи: партнерство и брак в России ... 51

Досина Н. В., Смирнов Я. О. Режим реализации социально-демографической
политики в современной России: мера адекватности времени 56

Анчабадзе Ю. Д. Социально-политические трансформации в адыгском ауле
1920-х гг.: гендерный аспект 61

СИМВОЛИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА: ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ

Рябова Т. Б., Рябов О. В. «Настоящий мужик»: о гендерном измерении
символической политики 68

Завершинский К. Ф., Завершинская Н. А. Политическая легитимация
гендерного господства 73

МУЖЧИНЫ И ЖЕНЩИНЫ КАК СУБЪЕКТ И ОБЪЕКТ ГЕНДЕРНОЙ ПОЛИТИКИ

Степанова Н. М. Участие женщин в политической жизни: сравнительный опыт
России и Великобритании 77

Иудин А. А., Шпилёв Д. А. Германия: гендерная политика как основа
гендерной культуры 80

Саралиева З. Х., Балабанов С. С., Кузьмина Л. М. Социальные роли
современных российских мужчин 86

Середа М. В. Женщины как субъект неотрадиционалистской
гендерной политики 94

Аннотации 99

Авторы номера 107

Contents

<i>To readers</i>	3
GENDER POLICY IN RUSSIA: THEORY AND PRACTICE	
Khasbulatova O. A. The realities of Russian gender policy in the XXI century	4
Aivazova S. G. Contract of «working mother»: violation or annulment? (To the question of gender policy in contemporary Russia)	13
Shvedova N. A. Gender equality in Russia in the XXI century in the context of international commitments: progress or missed opportunities?	22
Yukina I. I. Two-faced Janus of Russian gender policy	30
Gnedash A. A. Features of Russian gender policy in online space: social networks and blogs	39
FAMILY POLICY IN CONTEMPORARY RUSSIA	
Chernova Zh. V. Family policy in contemporary Russia: gender analysis and assessment of efficiency	44
Shpakovskaya L. L. Normalization policy towards the family: marriage and partnership in Russia	51
Dosina N. V., Smirnov Ya. O. Transformation of social-demographic policy in contemporary Russia: the problem of time's adequacy	56
Anchabadze Yu. D. Social-political transformation in the Adyg aul in 1920-s: gender dimension	61
SYMBOLIC POLICY: GENDER ASPECT	
Riabova T. B., Riabov O. V. «Real man»: to the question of gender dimension of symbolic politics	68
Zavershinsky K. F., Zavershinskaya N. A. Political legitimation of gender domination	73
MEN AND WOMEN AS SUBJECT AND OBJECT OF GENDER POLICY	
Stepanova N. M. Women's participation in political life: comparative experience of Russia and Great Britain	77
Iudin A. A., Shpilev D. A. Germany: the gender policy as a basis of gender culture	80
Saralieva Z. Kh., Balabanov S. S., Kuzmina L. M. Social roles of contemporary Russian men	86
Sereda M. V. Women as a subject of a neotraditionalist gender policy	94
<i>Summaries</i>	103
<i>Authors of the issue</i>	107

УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ!

Журнал «Женщина в российском обществе» издается на базе Ивановского государственного университета и Российского межвузовского центра гендерных исследований с 1996 года. За более чем десять лет, прошедших с выхода первого номера, журнал зарекомендовал себя как серьезное научное издание, посвященное разработке методологии гендерных исследований, научному осмыслению эволюции социального статуса женщин и мужчин, их роли в общественном развитии России, методическому обеспечению курсов по гендерной проблематике. География авторов научных статей представляет все крупные регионы России от Москвы до Дальнего Востока. С 2008 года наш журнал включен в список ВАК.

Основные задачи журнала:

— способствовать институционализации гендерного образования в вузах России через создание научно-методической базы для чтения курсов по специальностям различного профиля;

— интегрировать научное сообщество, занимающееся разработкой гендерной проблематики и представляющее авторитетных и молодых ученых России, докторантов, аспирантов;

— предоставить право первой публикации новому поколению молодых ученых.

Журнал «Женщина в российском обществе» выходит ежеквартально, распространяется бесплатно по предварительным заявкам ученых и библиотек.

Надеемся, что вы проявите интерес к нашему изданию и пожелаете сотрудничать с нами. Будем рады видеть вас среди авторов журнала. Мы поместим ваши научные статьи, рецензии на монографии и диссертации, переводы, обзоры конференций по следующим направлениям:

- теория и методология гендерных исследований,
- гендерная социология,
- проблемы гендерного равенства в политическом процессе,
- гендерные аспекты труда и занятости,
- гендерная лингвистика,
- женщины и мужчины в истории,
- гендерная педагогика и гендерное образование,
- гендерная психология,
- женское движение: традиции и современность.

Приглашаем вас на сайт журнала (www.womaninrussia.ru), на форуме которого можно принять участие в обсуждении направлений издания и проблематики статей.

По всем вопросам, связанным с публикацией и оформлением заявки на получение журнала, можно обращаться по электронной почте: gafizovanb@mail.ru, inna_kodina@mail.ru, riabova2001@inbox.ru

С уважением

главный редактор журнала

«Женщина в российском обществе»,

доктор исторических наук, профессор О. А. Хасбулатова

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

1. В журнал принимаются материалы в электронном виде на дискете стандартного формата с приложением одного экземпляра распечатки на белой бумаге.

Объем научных статей — 0,5—1,0 авт. л. (20 страниц текста через 1,5 интервала, 30 строк на странице формата А4, не более 65 знаков в строке, выполненного в редакторе Microsoft Word шрифтом Times New Roman или Times New Roman Cyr, кегль 14), сообщения — 0,5 авт. л. (10 страниц).

2. Материал для журнала должен быть оформлен в следующей последовательности: **УДК, ББК**; на русском и английском языках: **инициалы и фамилия автора, название материала**, для научных статей — **аннотация** объемом 10—15 строк и **ключевые слова; текст статьи** (сообщения).

3. Библиографические источники должны быть пронумерованы в алфавитном порядке, ссылки даются в тексте статьи в скобках в строгом соответствии с пристатейным списком литературы (к каждому пункту списка должен быть отсыл в тексте). Библиографическое описание литературных источников к статье оформляется в соответствии с ГОСТами 7.1—2003, 7.0.5—2008. В каждом пункте библиографического списка, составленного в алфавитном порядке (сначала произведения на русском языке, затем на иностранном), приводится одна работа. В выходных сведениях обязательно указание издательства и количества страниц, в ссылке на электронный ресурс — даты обращения.

4. Фотографии, прилагаемые к статье, должны быть черно-белыми, контрастными, рисунки — четкими.

5. В конце представленных материалов следует указать полный почтовый адрес автора, его телефон, фамилию, имя, отчество, ученую степень, звание, должность. Материал должен быть подписан всеми авторами.

6. Направление в редакцию ранее опубликованных и принятых к печати в других изданиях работ не допускается.

7. Материалы, представляемые к публикации в журнале, должны пройти научную экспертизу и сопровождаться положительной рецензией.

8. Редакция оставляет за собой право осуществлять литературную правку, корректирование и сокращение текстов статей.

9. Все материалы публикуются бесплатно.

ЖЕНЩИНА В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Российский научный журнал

№ 3 (60) — 2011

Директор издательства *Л. В. Михеева*
Редактор *О. В. Боронина*
Технический редактор *И. С. Сибирева*
Компьютерная верстка *Т. Б. Земсковой*

Подписано в печать 20.09.2011 г. Формат 70x108^{1/16}
Печать плоская. Бумага писчая. Усл. печ. л. 9,9. Уч.-изд. л. 8,0. Тираж 300 экз.

Издательство «Ивановский государственный университет»

✉ 153025 Иваново, ул. Ермака, 39 ☎ (4932) 93-43-41
E-mail: publisher@ivanovo.ac.ru

ООО «Центр социальной поддержки женщин и семьи»
(Издательский центр «Юнона»). 153002 Иваново, пр. Ленина, 47